

Елена Картур
Снежный барс

zhurnal.lib.ru

«Снежный Барс»: АЛЬФА-КНИГА; М.; 2010

ISBN 978-5-9922-0664-7

Аннотация

Он — единственный в этом мире, почти ничего не знающий о своей расе долгоживущий. Он находит друзей, возлюбленных. Наблюдает, как они стареют, и оставляет за собой их могилы. Просто живет. Встреча с графом де Энакером и его

дочерью, казалось, всего лишь очередной эпизод его растянувшейся в веках жизни, однако внезапно все оборачивается не так просто.

Елена Картур Снежный барс

Пролог

Корчма "У Тофа" гудела как растревоженный улей. Это было делом обычным, а уж по вечерам, да в такую отвратительную погоду как сейчас — тем паче. "У Тофа" подавали самый лучший эль и самую вкусную рыбу в округе. И все это по вполне приемлемой цене, посему посетителей в корчме было более чем достаточно.

Вот и сегодня: снаружи бушует шторм, завывает яростный ветер, с неба нескончаемым потоком льет дождь. Шумит грозное море, волны гигантскими, мокрыми пальцами теребят берег. А в корчме "У Тофа" тепло и уютно. И тесно, очень тесно.

Человек сидел в самом темном углу, в полном одиночестве, и со странным безразличием просто напивался. На него никто особенно не обращал внимания, он тоже редко отрывал взор от кувшина. В отличие от многих посетителей, пришедших сюда ради лучшего в округе эля, он пил вино. Объемистый кувшин был уже почти пуст, но человек вовсе не выглядел пьяным.

— Хозяин! — Крикнул он. — Еще вина!

Толстенький, лысый Тоф самолично шустро принес еще вина и покосился на странного клиента. Тот выпил уже довольно много, и хоть бы что, даже язык не заплетается. Да и вообще, какая радость сидеть и пить в одиночестве? Но молодой парень видимо компании не искал, а подсаживаться к нему, почему-то никто не спешил. Это был единственный на всю корчму стол, где сидел один человек. Почувствовав интерес хозяина, он поднял взгляд. Тоф едва удержался, чтобы не отшатнуться. У парня были странные кошачьи глаза, ярко-зеленые, с вертикальными широкими веретенами зрачков, крупные и раскосые к вискам. Они зловеще мерцали в дымном полумраке корчмы, отражая неверный свет дешевых светильников. Лицо скуластое, загорелое и какое-то хищное, а по левой щеке, от уголка глаза до рта тоненькой, едва заметной ленточкой змеится белесый шрам. Длинные снежно-белые волосы небрежно собраны в конский хвост, только несколько коротких прядей падали на лицо. Это создавало странный контраст со смуглой кожей и привлекало внимание к угрюмому скуластому лицу. В общем, вкуче со своими габаритами, парень выглядел весьма угрожающе.

Корчмарь наконец поборол оцепенение, и поспешил по своим делам, оставив в покое странного незнакомца. А тот усмехнулся ему вслед, сверкнув острыми клыками, и вновь принялся за вино. Он действительно не пьянел, но с завидным упорством пытался напиться. Пока ему это не слишком удавалось, да он и прекрасно знал, что не удастся. Однако останавливаться парень, не собирался. И хозяин исправно подносил ему кувшины с вином. В конце концов, платит-то клиент золотом, а большего корчмарю и не надо.

Уже далеко за полночь странный незнакомец оставил свое бесполезное занятие и принялся, все с тем же отсутствующим видом, разглядывать остальных посетителей корчмы. К нему так никто и не подошел.

Часть I Странные повороты судьбы

Баронство Ульрат, г. Этрана.

Дом купца Тахала из Акиты горел. Штормовой ветер и дождь скоро потушили пожар,

так что, особняк пострадал не очень сильно. Огонь затронул в основном покои хозяина, с которых, собственно, и начался пожар.

Перепуганные и промокшие до нитки слуги толклись на улице и тихо переговаривались, наблюдая за тем, как десяток городской стражи входит в дом. Как они обшаривают каждый уголок, тщательно осматривают выгоревшие комнаты. Никто толком не понимал что происходит, знали только: хозяин мертв. Мальчишка-слуга, приносивший хозяину поздний ужин, лепетал нечто не вполне вразумительное, тараща перепуганные глаза. Общими усилиями стражи и остальной прислуги, от паренька таки удалось добиться более или менее приемлемых ответов. И все же рассказ его казался невероятным, более того неправдоподобным.

Рабочий кабинет Тахала вплотную прилегал к спальным pokojам и находился на втором этаже. Ненастным вечером купец засиделся за работой. К ужину он не спустился. Было уже очень поздно, когда мальчишку-слугу послали отнести хозяину поесть.

Мальчик медленно поднимался по лестнице, осторожно, двумя руками неся тяжелый поднос. Только бы не уронить! И вот, наконец, нужная дверь. Он постучал ногой, боясь освободить руки. Ответа не последовало, парнишка подождал немного и постучал вновь, прислушиваясь. Из-за двери донеслась какая-то возня, а потом воздух сотряс истощный вопль. Не слишком задумываясь над своими действиями, мальчишка отбросил поднос, ринувшись на помощь хозяину. И замер в ужасе. Мертвый купец лежал на полу с разорванным горлом. Кровь залила дорогой восашский ковер. Над мертвецом склонился огромный, белый, словно призрак зверь. Он обернулся на звук шагов, и мальчик отшатнулся испуганно, увидев мерцающие зеленую глаза. В них не было звериной ярости, только холодный разум убийцы.

Зверь изящным прыжком взлетел на тяжелый письменный стол. Ошалелый от страха мальчишка швырнул в него первое, что попало под руку. Тот легко увернулся. Летящий предмет попал в масляную лампу, она звякнула, разбиваясь. А зверь уже выскочил в распахнутое окно и растворился в ночи.

Свитки, щедро политые маслом, факелом вспыхнули на столе. Когда пламя перекинулось на раздуваемые ветром занавески, мальчишка, наконец, вышел из оцепенения и поднял тревогу.

Вряд ли кто стал бы оплакивать смерть купца. Слишком уж много у него было врагов, слишком многие его откровенно ненавидели. Но местные чиновники неплохо нагрели руки, помогая Тахалу в некоторых сомнительных делах, теперь они понесут немалые убытки. Таким образом, уже спустя два часа губернатор дал распоряжение начать официальное расследование. Стражники шныряли по городу донельзя злые оттого, что приходилось работать в такую гадкую погоду. Многим в эту злополучную ночь очень не поздоровилось. Городская стража не слишком разбирала кто прав кто виноват, предпочитая оставить эту работу судьям.

Незнакомец.

Отомстить, это все равно, что расплатиться с давним долгом. Чувства давно ушли, но долг нельзя оставить неоплаченным. Дело чести. Да. И не важно, сколько времени для этого понадобится: несколько дней или несколько лет. Такой долг не имеет срока. Я расплатился сполна, хотя на это и ушло тридцать лет. Но что для меня три десятилетия, если я считаю жизнь веками? И дадут боги, буду считать дальше, может быть и тысячелетиями.

Все в прошлом, для меня, по крайней мере. Просто дело чести. Просто зарубка в памяти не дающая жить спокойно. Все. Я не искал его специально. Не был одержим мыслью найти и убить во что бы то ни стало. Просто однажды свела судьба. А я ничего не забываю. Не в первый и, думается, не в последний раз.

Демоны Бездны! Третий кувшин, и хоть какой бы результат! Не умею я напиваться, что поделаешь. Так с чего это я придаюсь столь бессмысленному занятию? Уж точно не из-за

осуществленной мести, как можно было подумать, дело прошлое. Хотя оно и всколыхнуло не самые радостные воспоминания. Но это, как уже было сказано не повод, для чтобы топить свои мозги в обилии горячительных напитков — что, впрочем, мне не удалось. Причина этого безобразия до глупого проста. У меня день рождения, юбилей...назовите, как хотите. Сейчас припомню, сколько же стукнуло... тысяча двадцать лет. Нормальная цифра. Круглая такая дата. Резонный вопрос: и что с того? Да ровным счетом ничего. Я просто в ступоре, как каждый раз в этот день. Именно в этот чем-то знаменательный для каждого нормального человека день, мое безразличие ко всему окружающему миру достигает феноменальных высот. Впрочем, я-то не нормальный человек, то есть на половину вовсе не человек, моя мать была ках-аа-лу. Это очень древний и настолько же странный народ. Ках-аа-лу — путешественники между мирами. Их цели ведомы только им. В некоторых мирах они задерживаются надолго, другие посещают на краткий срок и исчезают навсегда. Кто их поймет? Ках-аа-лу поистине странный народ, со своими не всегда постижимыми законами и невероятным могуществом. Зачастую они имеют облик животного, чаще всего того чей характер им ближе. Иногда ках-аа-лу принимают человеческий облик, ну или почти человеческий, с некоторыми незначительными отличиями. Однако они не люди, и точно не животные. Все это я когда-то узнал от своего отца, вместе с историей моего появления на свет.

Зачем моя мать появилась в этом мире, с какой целью — это так и осталось неизвестным. Однако, судя по всему, она была, весьма деятельной особой и однажды была замечена при дворе его величества царя Самила де Энхарда, правителя суверенного государства Энхард. Его величество — как ни странно — сразу заметил загадочную, прекрасную незнакомку с повадками кобры. Вскоре они познакомились поближе. А потом пришла любовь, странная, но страстная. Загадочная женщина по имени Альдмира многое рассказала о себе царю, еще больше умолчала. Его величество, конечно, не понял большую часть из рассказов Альдмиры, слишком уж разными они были. Слишком далеки ках-аа-лу в своем могуществе от людей.

И все бы могло быть очень хорошо, как в красивых легендах. Альдмира стала царицей, не смотря на протесты царских советников и откровенный страх придворных магов. И она, надо сказать, стала хорошей царицей. Все действительно могло бы сложиться, по-другому. Но однажды соотечественники Альдмиры явились в этот мир. Явились, чтобы забрать ее, чтобы покарать за отступничество долгу и нарушение их строжайшего запрета: "Ни каких долговременных связей с аборигенами исследуемой планеты". Что бы это ни значило. Ках-аа-лу ревностно блюли чистоту своей расы. Наказание за нарушение запрета сурово. Лишение возможности менять форму и полная изоляция в их родном мире. Для вечных скитальцев ках-аа-лу, это худшее из возможных наказаний. Не каждый человек способен до конца это понять.

Ках-аа-лу покинули мир Оотолор навсегда. Отныне он для них закрыт. Однако они не знали, что к тому времени уже родился я. Наполовину человек, наполовину существо чуждое этому миру. Вряд ли Оотолор теперь, когда-либо узнает, что его посещали ках-аа-лу. Время стирает память. Много времени стирает любую память.

Когда я достаточно подрос, то выбрал себе вторую форму помимо обычной человеческой. Снежный барс, животное увиденное однажды на царской охоте, в Нитских горах. А спустя двадцать лет после моего рождения, отец погиб в войне полностью стершей с лица земли некогда процветавшее государство Энхард. Тогда я потерял все что любил. Как раз в день двадцатилетия. С тех пор судьба, как подарок ко дню рождения, в этот день преподносит мне разнообразные сюрпризы. И не скажу, чтоб все они были приятными. Сколько времени прошло, а я живу. Когда-то меня воспитывали как наследного принца Энхарда. Но даже упоминания об этом государстве стерлось из памяти людей. Что ж, как я уже говорил, все когда-нибудь забывается. А я все живу, просто живу. Кем я только не был за эти годы. Я повидал много людей и стран. Как ко мне только не относились: дружили, любили, ненавидели. И даже смешно сказать боготворили. И боялись. О да, боялись меня

всегда. Не человек — монстр! Людям свойственно бояться неизвестного, не подпадающего под определение "обычный". Всяко бывало!.. Но все это ерунда, а сегодня я не в настроении. Просто жду. Сюрприз. Разве не забавно? Пожалуй, не очень. И вообще куда-то не туда завели меня эти размышления. Пора выбираться из дебрей самокопания и подумать о дне насущном. Из города надо смываться как можно раньше. Проблемы с местными властями мне, ну совсем ни к чему. Они конечно вряд ли докопаются до моей причастности к гибели некоего весьма зажиточного купца, и все же. Риск благородное дело, лишь когда он оправдан. А мне, если подумать, больше в этом городе делать нечего.

Мои, столь занимательные, размышления были немилосердно прерваны режущим ухо воплем:

— Маркус! Барс, я тебя-таки нашел!

Я даже смотреть не стал, кто меня "нашел". Проныра Гис. Жутко неприятная личность. Думаю, в любое другое время я бы самым невежливым образом ответил на вмешательство в мое относительное одиночество. Но Бездна Холоса, сейчас мне абсолютно наплевать, начини даже Гис убеждать всех окружающих, что я ужасный демон-убийца. Впрочем, он вряд ли до такого додумается. Тем более, что я и не демон вовсе. Ну, скажем, люди назвали бы меня оборотнем, хотя и это неверно. Проныра Гис незамедлительно устроился напротив меня и довольно бесцеремонно допил остаток вина, прямо из кувшина. Я поморщился. Манеры у него конечно...

— Чем занят Барс? Пьешь? Зря, зря...

Я хмыкнул. Терпеть не могу, когда подобные личности обращаются ко мне так фамильярно. Когда-нибудь я его все-таки придушу.

— Чего надо Гис? — Спрашиваю крайне недружелюбно.

— А мне обязательно должно быть что-то нужно? — Проныра попытался состроить обиженно невинную мину. Вряд ли ему это удавалось даже в раннем детстве. Слишком уж ушлую имеет Проныра Гис физиономию. — Может, я решил составить старому приятелю компанию. Рассказать последние новости. Слышал про Тахала из Акиты? Его загрыз дикий зверь, а дом чуть не сгорел, жуть! Мальчишка-слуга утверждает, что это был не просто зверь, а страшный демон ночи. Ты слышал, когда-нибудь подобную чушь?

— Я слышал еще и не такое. Так что тебе надо Гис?

— Ну вот!.. Ты сегодня на редкость мрачен, приятель.

— Ты испытываешь мое терпение "приятель". — Мне с трудом удалось не допустить в голос утробные рычащие нотки.

— Не кипятись Маркус, — Проныра успокаивающе поднял руки — у меня к тебе дело. Интересуешься?

— Чем? — Претворился я дурачком. Исчезни, придурок!

— Делом конечно. — Удивился моей недогадливости Проныра. — Есть для тебя работенка. Граф де Энакер с дочерью собираются в путешествие к восточному побережью Желтого моря. Он нанимают самых лучших телохранителей. Троих уже нанял, нужен четвертый. Оплата очень щедрая. Ну как, берешься, Барс?

Я задумался ненадолго. В любом случае придется покидать город и чем раньше, тем лучше. Почему бы действительно не поработать телохранителем?

— Ладно, уговорил. Когда?

Проныра Гис расплылся в довольной улыбке, обнажая ряд кривых зубов. Он, очевидно, получает хорошее вознаграждение за то, что находит нужных людей.

— Завтра...э-э... — он посмотрел в окно. — Сегодня после полудня они выходят. Утром нужно быть у графа.

— А раньше сообщить нельзя было?! — Я опять начинаю злиться. Нет положительно этот парень нарывается.

— Так тебя ж не найдешь. — Развел руками Гис.

В этом он, несомненно, прав. В последнее время меня было трудно найти, в основном, потому что я сам этого не хотел.

— Хорошо придешь сюда утром. Эй, хозяин!
Корчмарь моментально возник предо мной, будто только и ждал, когда его позовут.
— Свободная комната найдется, хозяин?
Толстяк часто закивал лысой башкой.
— Как же не найтись, господин. Ежели за хорошую плату, всегда, пожалуйста.
— Утром. — Бросил я Проныре на прощание и последовал за служанкой присланной Тофом. А ничего девица, пожалуй, я сегодня еще успею немного расслабиться.

За пределами Этрана. Замок графа Галатон-Сай де Энакера.

В ворота постучали. Стражник нехотя выглянул наружу и увидел двоих: худого, невысокого человека подозрительной наружности. И довольно высокого, крупного, беловолосого парня с большим двуручным мечом за спиной, таких на севере обычно называют богатырями. Первого стражник сразу узнал: Проныра Гис. Последнее время он за хорошую плату помогал графу нанимать телохранителей. Скользящая личность, но свое дело знает.

Второй, очевидно, являлся очередным претендентом.

Стражник не торопясь открыл ворота и с любопытством уставился на беловолосого. Он по достоинству оценил его габариты, состоящие, в основном, из одной лишь внушительной мускулатуры. И меч не малой тяжести. И зачем только такую оглоблю за спиной таскает? Ведь все равно двуручный меч одним движением не вынешь, длины рук не хватит. Тем не менее, парень двигался с кошачьей грацией, мягкой, пружинистой, бесшумной походкой. Все это создавало весьма грозное впечатление. И стражник, почувствовав себя очень не уютно под мимолетным взглядом беловолосого, поспешил вернуться к своим обязанностям.

Они вошли в замок. Ждать не пришлось. Графу доложили о приходе посетителей и гостям предложили подняться в его кабинет. Граф расположился в широком кресле и моментально поднялся на встречу посетителям.

Маркус с некоторым ехидством предположил, что Проныре Гису он вряд ли оказывает такое же уважение.

— Доброе утро господа. Присаживайтесь, прошу вас.

Де Энакер оказался стройным, высоким человеком со светлой кожей. Подвижным, добродушным и одновременно строгим взглядом и мягким голосом. На вид ему было — лет сорок пять. Галатон-Сай протянул руку беловолосому парню.

— Позвольте представиться: Галатон-Сай де Энакер.

— Маркус де Энхард.

Они сели. Слуги принесли легкий завтрак, разлили вино в серебряные кубки. Галатон-Сай внимательно наблюдал за человеком, которого собирался нанять для своей защиты. Тот ел спокойно с подобающей неторопливостью. На кубок он даже не взглянул, отставил в сторону, лишь немного пригубив. Граф отметил, что молодой человек ведет себя с ним на равных, зато к своему знакомому Гису относится с плохо скрываемым презрением.

Зеленые глаза молодого человека бегло, но весьма цепко осмотрели окружающее пространство и остановились на графе. Галатон-Сай почувствовал себя под этим взглядом очень неуютно. На какой-то миг зеленые глаза внушили ему неподдельный страх, однако очень быстро это наваждение пропало. Осталось только странное чувство — словно где-то рядом притаился невидимый зверь, который внимательно присматривается, решая, то ли напасть, то ли не связываться с этими двуногими.

С завтраком было покончено, слуги унесли посуду, оставив лишь кубки и вино. Пора было приступить к делу.

— Итак, сэр Маркус, — начал граф — думаю, Гис вкратце передал вам мое предложение?

— Да, он сообщил, что вы набираете команду опытных телохранителей, и, что я предположительно являюсь четвертым...Кстати, господин граф, лучше зовите меня Барсом.

— Снежный Барс, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь.

— О, много о вас наслышан господин Барс! — Граф явно обрадовался. Что подтверждало — наслышан он даже больше, чем следовало.

— Просто Барс...благодарю. Так зачем же вам такая охрана?

— Мы с дочерью собираемся предпринять небольшое путешествие к восточному побережью Желтого моря. Мы хотели бы чувствовать себя в безопасности. Хочу так же добавить: оплата будет щедрой.

— Господин граф, если действительно хотите, чтоб вас охраняли, то не должны утаивать информацию. Для такого путешествия вполне достаточно эскорта из обычной вооруженной охраны.

— Охрана будет. — Заверил Галатон-Сай.

— Тем более. — Не сдавался Маркус.

— Вы проницательны Барс, и возможно правы. Так вы беретесь за эту работу? — Граф продолжал уклоняться от прямого разговора.

— Это зависит от того, что вы мне расскажете. Предпочитаю работать со всей доступной информацией.

Галатон-Сай задумался. Он действительно слышал об этом человеке, всякое разное. Многое, несомненно, было явным преувеличением, граф не был склонен верить сказкам и слухам. Однако Снежный Барс определенно хорошо знал свое дело и, судя по всему, действительно являлся одним из лучших. Так что имело смысл откровенно побеседовать с ним. И потом, насколько слышал де Энакер, этого человека довольно непросто было нанять, за пустяковые дела он не брался

— Хорошо. — Наконец согласился граф. — Как только я рассчитаюсь с господином Гисом, мы продолжим нашу беседу. Это вас устраивает?

— Вполне. — Ответил де Энхард, и вновь пригубил вино, всем своим видом давая понять, что без объяснений серьезного разговора не будет.

Граф опять отметил, что тот совершенно равнодушен и к дорогому кубку, и к лучшему латийскому вину. Ко всему прочему он никоим образом не пытался оценить финансовое состояние предполагаемого нанимателя. На вид Снежный Барс не походил на человека принадлежащего к высшему сословию, но держался он как прирожденный аристократ. Любопытно, однако.

Проныра Гис ушел, получив оговоренный гонорар. И они остались в кабинете вдвоем.

— Итак, — начал Маркус — я вас внимательно слушаю господин граф.

— Собственно рассказывать особенно нечего. Это началось около месяца назад. На нас с дочерью неоднократно совершались покушения. Один раз я был серьезно ранен, но все как видите, обошлось. Пока. Не хочу больше зря рисковать.

— У вас имеются, какие либо предположения о том кто может желать вашей смерти? Враги? Завистники?

— О, я уже не раз думал об этом. Есть, конечно, одна гипотеза, но я не могу утверждать наверняка. Видите ли, не так давно моя дочь унаследовала от дяди по материнской линии обширное владение. Графство, расположенное на побережье Желтого моря — Шевроз. Скажу сразу: это весьма лакомый кусочек для соседних властителей. И не только: обширные, плодородны земли, золотоносный рудник, приносящий существенную прибыль. И самое главное: город-порт Нашон. Крупнейший морской порт в той части побережья. Можно сказать Шевроз почти маленькое государство, самодостаточное и независимое.

Однако речь не о том. У покойного графа Годора де Шевроза не было своих детей, зато кроме моей дочери есть другие племянники, более близкие в некоторой степени. Наши семьи уже длительное время прибывают в весьма натянутых отношениях, если не сказать: враждебных! Полагаю, кто-то из них рассчитывал унаследовать Шевроз. В таком случае наша смерть им выгодна во всех отношениях. Я не могу утверждать этого наверняка, и не хотел бы, чтоб мои предположения оправдались. Однако, если дела обстоят именно так, то

нам необходимо как можно скорей добраться до Нашона и вступить во владение землями Шевроз. До тех пор пока Астор не выйдет замуж, я буду являться их официальным владельцем.

Де Энакер закончил свой рассказ и выжидательно воззрился на собеседника. Молодой человек с громким прозвищем Снежный Барс задумчиво крутил в руках кубок.

— Зависть, жадность...хм...возможно...Однако любопытная ситуация. — Заключил он. — Хорошо, я берусь за это дело. Вы больше никому не высказывали свои предположения?

— Нет, только вам.

— Правильно, и не стоит. Что ж, полагаю, самое время мне познакомиться с коллегами.

— Разве вы не хотите обсудить сумму вашего гонорара? — Поинтересовался де Энакер.

— Я всецело полагаюсь на ваше слово, господин граф.

— Хорошо в таком случае вас проводят. Вы верхом? Нет? Тогда коня выберете на свое усмотрение в конюшне, все необходимое у управляющего.

— Благодарю.

— Не стоит, — Граф дернул за шнурок и чуткий слух Маркуса уловил тонкий перезвон колокольчика где-то в соседних комнатах. Скоро появился немолодой слуга. Граф поручил ему проводить гостя, куда тот пожелает.

— Вы любопытная личность де Энхард. — сказал напоследок де Энакер. — Мы отправляемся сегодня после полудня. Вы знаете?

— Да, я знаю. — Ответил Барс, покидая кабинет.

Что конкретно он имел в виду под словами "я знаю", граф так и не понял. Это можно было отнести как к замечанию, что де Энхард любопытная личность. Так и ко времени отбытия. Но, скорее всего — решил Галатон-Сай — и к тому и к другому. На самом деле Барс его очень даже заинтересовал. В этом человеке почти незримо скрывалась привычка командовать. Граф почему-то надеялся, что именно Барс поможет ему справиться с этой проблемой. Видимо, сказывался его уверенный тон.

Маркус неторопливо спускался по лестнице вслед за старым слугой и размышлял. Дело, кажется, обещает быть интересным и если интуиция не обманывает — странным. Уже сейчас рассказ графа выглядит... все вроде бы логично, но чего-то там недостает. Тем более, стоит поскорей познакомиться с коллегами. Во-первых, это его будущие подчиненные, хоть они еще того не знают. Во-вторых: кто еще кроме телохранителей может дать ему самую достоверную информацию о предыдущих покушениях.

— Куда мы идем? — спросил Маркус у старика.

— Мне велено проводить вас, куда вы пожелаете господин. — Ответил тот.

— Понятно. Но сперва мне необходимо знать каким транспортом воспользуются в путешествии твои господа.

Старый слуга, очевидно, очень удивился такому вопросу, однако ответил сразу же:

— Его превосходительство приказал готовить карету. Однако юная госпожа любит путешествовать верхом и наверняка возьмет с собой свою любимую кобылу Снежинку.

— Отлично, значит, сначала мы идем в конюшню.

Конюх оценивающим взглядом окинул новоприбывшего телохранителя, не скрывая своего пренебрежения к тому. И назвал его про себя громилой. Такие как этот парень, как он считал, только и способны, что размахивать оружием на право и налево. Впрочем, граф приказал во всем содействовать наемникам, а с начальством не спорят. И конюх поинтересовался:

— Чем могу вам помочь...господин?

— Граф сказал, что я могу выбрать любого скакуна на свое усмотрение.

— Любого, который еще не занят. Могу предложить несколько подходящих...

— Спасибо, но я сам. — Маркус заметил, как конюх буркнул что-то на счет не разбирающихся в хороших лошадях громил, но значения этому не придал. Только хмыкнул

про себя, и не торопясь, принялся осматривать лошадей. За спиной шуршали шаги конюха.

Де Энакер содержал поистине великолепную конюшню. Скакуны, как на подбор, самых лучших пород. Маркус несколько раз останавливался, чтобы получше разглядеть приглянувшихся коней. Вот ему на глаза попалась белоснежная кобылка, стройная, поджарая как мифический единорог. Она нетерпеливо стучала изящным копытом. Наверняка та самая Снежинка, этакая породистая красotka привыкшая к постоянной заботе конюхов и наверняка жутко капризная. Но выглядит красиво, ничего не скажешь.

Маркус прошел еще немного и, наконец, остановил свой выбор на сером в яблоко скакуне. Тот был заперт и крепко привязан в стойле, но при приближении людей едва не выломал ограждение. Своенравен и неукротим, великолепный образец силы и характера. Однако Барс невольно залюбовался животным. Чем-то они были схожи между собой. Грация, стать, сила, неукротимый характер и ум отчетливо светящийся в глазах. Редкостное сочетание, и восхитительное животное. Маркус всегда уважал силу настоящего зверя.

— У него есть имя? — Спросил он, не оборачиваясь.

Конюх тяжело засопел сзади.

— Это Шторм. Его привезли с Гатлиских островов. На редкость дик. Его превосходительство уж пол года пытается приручить этого беса, но ничего не выходит. Он покалечил уже трех моих помощников.

— Надеюсь, граф будет не очень возражать, если я возьму именно этого коня.

Конюх только вновь засопел. То ли не знал как граф отреагирует на присвоение телохранителем столь дорогого коня, то ли сомневался, что кому-то вообще удастся усмирить бесовский характер жеребца. Маркуса впрочем, его сомнения ничуть не трогали. Он наблюдал за конем. Он не часто восхищался лошадьми. Довольно редко использовал их как транспорт, предпочитая, передвигается на своих двоих, ну или, в крайнем случае, четырех. Конечно, при необходимости Маркус был неплохим наездником, как все Энхарды, с детства привыкшие к лошадям. И все же они неизменно оставляли его равнодушным, некоторые даже раздражали тем, что в неподходящий момент пугались его звериной сущности. Однако Шторм казался тем редким исключением что встречается, наверное, раз в сотню лет. Маркус не знал чем именно привлек его этот жеребец. Может быть своей негнбимой гордостью? Однако Барс твердо решил: если жеребец не испугается его — зверя, значит быть им вместе. И плевать, что думают всякие там конюхи и тому подобные незначительные личности.

Маркус вплотную приблизился к стойлу, смотря Шторму прямо в умные антрацитовые глаза. Конюх затаил дыхание, ожидая каких угодно неприятностей, но конь замер как вкопанный, внимательно изучая человека. И никто кроме жеребца не мог видеть как пронзительные, зеленые глаза совсем утратили сходство с человеческими. Как блеснули в жутком оскале острые клыки, и по лицу пробежала тень, на миг преобразившая его в морду хищного зверя. Шторм заворожено смотрел на то, как получеловек — полужверь открывает стойло, отвязывает путы. И, не дав коню опомниться, одним прыжком, взлетает на его спину, совершенно игнорируя отсутствие седла. И лишь во дворе Шторм, наконец, выходит из оцепенения и пытается сбросить всадника. Но тот оказывается силен, очень силен и ласков и в то же время чем-то неувовимо страшен. Они очень хорошо понимают друг друга, так, будто всю жизнь были вместе. И Шторм соглашается с тем, что у него теперь есть наездник, но не смиряется. Он не упускает случая показать седоку свой характер. Однако человек-зверь ничуть не злится, и не пытается, как другие до него, усмирить непокорного. Только гладит мощную шею жеребца, а зеленые, кошачьи глаза улыбаются. Потому что всадник тоже знает, что такое неукротимость свободолубового зверя.

Маркус де Энхард.

Шторм действительно оправдал все мои ожидания. Мы хорошо поняли друг друга. Зачем усмирять непокорного духом? Он будет жалок под гнетом чужой воли. Но равные

находят общий язык. Признав коня равным, я стал ему другом, партнером.

Однако я слишком увлекся, а до полудня нужно еще кое-что успеть. Кажется, я намеревался познакомиться со своими коллегами. Но, похоже, мне не придется идти их искать, они сами меня нашли. И не удивительно. Мое гарцевание по двору на Шторме неизбежно должно было привлечь внимание. Так что три телохранителя преспокойно наблюдали в сторонке, тихо переговариваясь. Полагаю, они меня оценивают, и показуха со Штормом очков в мою пользу отнюдь не прибавит. Впрочем, меня это вряд ли огорчит. Я тоже оценивал их, нам еще предстоит вместе работать. Я привык доверять первому впечатлению, в большинстве случаев для меня оно оказывается самым верным.

Двое из этих парней не намного уступают мне в комплекции и даже чем-то схожи между собой. Только один черноволосый, вооружен секирой и широким боевым ножом. А второй рыжий с кривой саблей и перевязью метательных ножей. Третий же отличался возрастом. Ему можно было дать, лет сорок пять или чуть больше. Небольшой рост, движения прирожденного война и цепкий, ничего не упускающий взгляд. Внешне он выглядел совершенно расслабленным, но это обманчивое впечатление стоило бы врагу жизни. Сразу видно: человек жизнь посвятил своей профессии. Он смотрел на меня лениво, в разговоре двух других практически не участвовал и просто ждал дальнейшего развития событий. Я сразу ощутил к этому человеку симпатию. Всегда приятно встретить профессионала. Я-то если разобраться, по сути, и не телохранитель. Мою работу можно охарактеризовать так: периодически помогаю людям — если мне это интересно — в сложных ситуациях, где чаще спасает не столько опыт, сколько накопленный опыт и интуиция. Этого пока хватает.

Взаимное изучение наконец закончилось, и я решил пообщаться с коллегами. Шторм послушно шел за мной, никто бы не решился отвести его обратно в стойло, не рискуя при этом, покалечится. Скорей всего это тоже было воспринято как хвастовство много возмнившего о себе юнца (выгляжу-то я лет на двадцать). Впрочем, это уже их проблемы.

— Перед кем выпендриваешься белобрысый? — Поинтересовался рыжий парень, соорудив презрительную мину.

Отвечать на столь очевидную провокацию было бы верхом глупости. Я продолжал беззастенчиво разглядывать старшего из них. Он принял правила игры, а потому делал то же самое. Остальные с недоумением наблюдали за нашими гляделками, пытаясь вникнуть в происходящее. Молодые, горячие.

— Борн Хейдар по прозвищу Тайвер (Орлиный глаз на одном из островных диалектов, вполне за родовое имя сойдет). — Наконец представился старший, протянув мне руку.

Я это оценил.

— Маркус де Энхард по прозвищу Снежный Барс.

Рыжий и чернявый уставились на меня недоверчиво. Знаю, что в некоторых кругах я известен, точнее мое прозвище. Но из-за кажущейся молодости мне часто не верят. Смешно. Впрочем, славы я не просил, просто некоторые мои особо сумасшедшие выходки становятся весьма запоминающимися. Чего я, сказать честно, всеми силами старался избежать. Но, к сожалению, не всегда удавалось. К тому же среди телохранителей определенная репутация значит очень много, так что некоторые вещи наоборот приходилось выставлять на показ.

Борн прищурился так, что стало невозможно разобрать выражение его глаз.

— Я слышал, десять лет назад Снежный Барс спас Санатскую принцессу голыми руками задушив прямо в ее покоях двух наемных убийц из клана Посланцев Тьмы. А потом еще и вытряс душу из заказчика.

Проверяет старый бес! Впрочем, кто тут из нас старый, это еще вопрос. Но от чего же так демонстративно? В эту глупую и неправдоподобную историю верят только простаки и неопытные мальчишки.

— Ну, во-первых, не душил и не голыми руками, а заколол кинжалом. И, во-вторых, то была не принцесса, а царица Санатана. Довольно эксцентричная, надо сказать, дамочка.

Тайвер кивнул, будто соглашаясь с чем-то. Что ж, этот человек вряд ли верил глупым

рассказням. Он верил только фактам.

Рыжий и чернявый наконец-то тоже решили представиться:

— Димиран Лат. — Сказал рыжий.

— Ортон Сор-Валт. — протянул руку второй.

Вот и познакомились, теперь пора заняться делом. Я осмотрел Шторма.

— Как насчет седла приятель?

Конь фыркнул, покосился недовольно.

— Вот и ладненько.

Вторую свою подопечную увидел я лишь перед самым отъездом. Леди пожелала проделать сегодняшний путь верхом. Изящная Снежинка нетерпеливо ждала хозяйку в стороне. Все уже было готово к путешествию, удобная карета с откидным верхом под завязку загружена нужным в дальней дороге багажом. Пятнадцать вооруженных солдат охраны ожидали у ворот, придерживая коней. Ждали только графа и его дочь. И вот они, наконец, появились, отдавая последние распоряжения остающейся в замке прислуге. Де Энакер проследовал к карете. А леди проворно вскочила в седло. Надо сказать, что юная графиня оказалась весьма привлекательной особой. Серые глаза, смоляно-черный шелк волос и стройная фигурка, затянутая в облегающий замшевый костюм для верховой езды. Ко всему прочему обворожительная улыбка. В общем, праздник для глаз, а ни графиня.

Наконец мы тронулись.

Впереди ехала стража, сразу за ними карета с графом, от которой не отходили Борн с Димераном. И чуть сбоку я, девушка и Ортон. Не слишком удачное построение, но временное. Пока дорога не сузится.

Когда ворота замка скрылись из виду девушка, наконец, решила заговорить со мной. Что, судя по ее заинтересованному взгляду, она намеревалась сделать давно, но никак не решалась.

— Вы оседлали Шторма? Как вам это удалось?

— Мы заключили сделку: он меня возит, а я не обращаю внимания на его вредный характер.

Конь возмущенно фыркнул. Он мне это без сомнения еще припомнит.

Девушка мило улыбнулась, протянула мне тонкую ладошку.

— Астор-Сай де Энакер. Но я люблю, когда меня зовут просто Астор.

Я вернул ей улыбку.

— Маркус де Энхард. Но меня обычно зовут просто Маркус или Барс.

Девушка вновь улыбнулась. Однако выглядит она довольно жизнерадостно для запуганной убийцами графской дочки. Только вот кинжал у пояса совсем не игрушечный. Неужто этот ангелочек сможет им воспользоваться? Вполне вероятно.

— Вы когда-нибудь, бывали в графстве Шевроз, Маркус?

— Я бывал в Нашоне.

— И как там?

— Шумно, пахнет морем и много кораблей.

Астор залилась переливчатым смехом, словно звон серебряного колокольчика, в котором к немалому своему удивлению, я обнаружил напряженные нотки. Девчонка ведь боится, олух! До меня даже не сразу дошло. Она ведь впервые за долгое время покинула стены замка, и эти несколько часов будет напряженно ждать чего угодно. Просто ждать и все.

Скажу прямо: мне было ее жаль.

— Маркус расскажите о Нашоне. — Попросила Астор.

— Я бывал там очень давно...

— Все равно.

Я немного подумал и принялся рассказывать все, что удавалось вспомнить об этом городе. Впрочем, от работы я тоже старался не отрываться и пристально следил за дорогой. Иногда вглядывался вдаль.

Первый день путешествия окончился вполне благополучно. Привал устроили поздно, когда солнце уж давно спряталось за горизонтом, и ему на смену вышла серебряная луна. Все было вполне обыденно, обычная походная жизнь. Мы с Борном обошли лагерь, проверили посты и установили свое собственное дежурство, на четверых. Следующие сутки были такими же, все по той же схеме. Тихая, почти безлюдная дорога с редкими встречными. Вечером как водится: лагерь, ужин, часовые. Юная графиня даже расслабилась немного, предоставив нам выглядывать неведомую опасность. И правильно. У нас работа такая, а ей незачем. Однако ускакать вперед на Снежинке я ей не позволил. Все хорошо в меру, а беспечность это уже больше чем нужно. Девчонка слегка обиделась, но это уже ее проблемы. И только на третий день, примерно через час после полудня, случилось происшествие — вроде бы небольшое. Уж и не знаю к чему это отнести то ли к несчастному случаю, то ли к хорошо продуманной диверсии. После мы все ломали над этим голову, но ответа так и не нашли, поскольку фактов было слишком мало.

Протяженный участок дороги, по которому мы в тот момент двигались, был окружен небольшой рощицей. Тихо шуршали листья, пели птицы и ярко светило полуденное солнце. Благодать, в общем. Настроение у всех было, беспечно-радостное. Часть стражи ехала позади, другая часть чуть впереди, остальные в центре. В принципе некоторое подобие строя мы, конечно, держали, но случись, что серьезное я на этих разгильдяев не очень надеялся. Впрочем, все вокруг выглядело настолько умиротворенным, что и я невольно начал поддаваться этому спокойствию. Порой казалось: ничего сегодня не случится. Подумалось что граф, возможно, зря поднял панику, и дела обстоят немного лучше, чем ему кажется. Но сомнения союзник в данном случае лучший враг. Потому как опыт подсказывает: именно в такие моменты случается все самое непредвиденное. Закон подлости сработал и в этот раз...

Перекрестка, из-за которого неожиданно выскочила повозка под завязку груженная бревнами, мы не увидели из-за густых деревьев. Все произошло невероятно быстро. Взбесившаяся тройка неслась по дороге стрелой, таща за собой оглушительно громящую повозку. Быстро сориентировавшаяся стража прыснула в стороны, освобождая дорогу. Идиоты! Примерно в то же время Димеран, Борн и Ортон попытались убрать карету в сторону, это было не просто, деревья мешали. Астор замерла посреди дороги, еще не успев сообразить, какая опасность ей угрожает. Я понял, что карету убрать, никак не успеют. Ортон уже выдернул графа из нее, а Астор продолжала разглядывать стремительно несущуюся на нее повозку. Думать было некогда. Я хлопнул Снежинку по крупу, заставляя перепуганную кобылу отскочить в сторону, и ринулся к повозке. Все это заняло считанные мгновения. А потом я выхватил у возницы повод и попытался остановить тройку. Сумасшедшая затея. Шторм подо мной всхрипнул, попытался укунить ближайшую лошадь. Уж и не помню, что сделал я, кажется даже, зарычал на одного из коней. Тем не менее, взмыленные кони остановились едва, не уткнувшись носом в задок кареты.

Несколько мгновений после этого происшествия большая часть нашего отряда находилась в легкой прострации. Потом отошли, и принялись дружно возвращать на дорогу повозку и карету. Перепуганный до полусмерти хозяин повозки не смог объяснить что произошло, потому, как сам ничего не успел понять. Только развел руками и сказал:

— Уж простите господин, но я и, правда, не виноват. Коня чего-то испугались и понесли, может быть зверя какого, не знаю.

В общем, спустя полчаса мы уже вновь тронулись в путь. И еще несколько дней все было совершенно спокойно. Но у меня постепенно начали возникать нехорошие предчувствия, которые трудно было обосновать.

Нефра. Семь дней пути от Этрана.

Прошли сутки, с тех пор как маленький отряд покинул городок под названием Нефра. На редкость гостеприимное и жизнерадостное местечко больше похожее на большую деревню, чем на город. Погода по-прежнему стояла хорошая — в самый раз для путешествия

— только чуть жарковатая. Однако к вечеру начали собираться тучи, ожидался дождь. Уже смеркалось, когда по крыше кареты забарабанили первые редкие капли.

Лагерь разбили пораньше. Достали походные палатки, которыми в основном не пользовались из-за достаточно теплой погоды. Дождь, однако, оказался слабым, так что от него не прятались. Даже наоборот: после нескольких жарких и пыльных дней пути дождик оказался приятным, освежающим. Даже Астор сидела с остальными у маленького костра и радостно ловила лицом капли. Она еще не поняла, насколько подчас утомительной бывает походная жизнь.

Маркус наблюдал за ней с другой стороны костра. Пляшущие искры высвечивали мимолетную улыбку в его глазах. Случайно поймав его взгляд, девушка немного смутилась. А де Энхард поднялся и пошел возиться со своим Штормом. Астор слышала, как он говорил коню ласковые слова, гладил и угощал чем-то вкусным. А тот нежно ткнулся в плечо хозяина. И это Шторм, который еще несколько дней назад был готов затоптать любого приблизившегося к нему человека?!

Станный он человек, этот де Энхард, — думала девушка — совсем ни на кого не похожий. В общем-то, четверо телохранителей и без того отличались, от стражи, например. Они более собранные и внимательные, хоть и выглядят абсолютно невозмутимыми. И реакция у них быстрее. Однако Маркус которого все остальные почему-то называют Снежный Барс, чем-то неуловимым отличается от своих товарищей. Наверное, как... как благородный рыцарь отличается от рядового солдата. Девушка чувствовала, что это совсем не то сравнение, но другого более подходящего, как не старалась, подобрать не смогла.

Ко всему прочему с де Энхардом очень интересно общаться. За прошедшие семь дней он рассказал ей так много всего интересного о разных странах, людях и обычаях. Маркус рассказывал о временах давно прошедших и о некоторых легендарных личностях так увлекательно, что порой казалось, будто он лично присутствовал при описываемых событиях. Эти чудесные истории слушала не только Астор, но и все остальные (с немалым интересом). Только вот уговорить де Энхарда рассказать что-либо, было не легче чем сдвинуть гору. Он всегда находил способ, уклониться от такого разговора, или просто отмалчивался. И только иногда уступал просьбам Астор.

Вот и сегодня она очень надеялась разговорить его, попросить рассказать о пиратах и опасных морских путешествиях. Для этой цели Астор даже приготовила целую речь и свою самую обезоруживающую улыбку. Но этот странный телохранитель, будто ей назло все не отходил от своего коня, а потом нашел себе еще какое-то неотложное дело. Астор нахмурилась, но никуда не ушла. Посмотрим кто упорней! Час был уже поздний, а Маркус все еще не возвращался, и девушка не заметила, как задремала у огня, закутавшись в плащ. От предложения укрыться в палатке Астор сонно отмахнулась. И она уже не видела, как де Энхард немного погодя сел напротив и чему-то улыбнулся. А потом, когда рядом что-то неожиданно просвистело и воткнулось в землю почти у самых ног, она подскочила, еще не успев сообразить, что происходит. И кто-то резко дернул ее за руку, с силой прижав к мокрой земле. Она попыталась вырваться или закричать. Сильная мозолистая рука заткнула ей рот.

— Лежи смирно! — Послышался над самым ухом знакомый голос. И кинжал, зажатый в кулаке...

Снова свист рассекаемого воздуха и чей-то хрип. Крики, ржание испуганных лошадей и непроглядная темнота. Глухой стук. Пауза. Еще. Это арбалетные болты втыкаются в деревянные бока кареты.

Маркус поднимает девушку и ведет куда-то, прикрывая своим телом. Совершенно ничего не видно, а потому кажется, что враг везде. Но его это, похоже, совсем не беспокоит, будто и не темно на самом деле. Наконец они остановились. Уверенным движением Маркус выхватывает кого-то из темноты.

— Димеран, целы?... Где граф?

— Здесь.

— Борн, Ортон?

— Тоже здесь.

Он подталкивает Астор вперед. И теперь она может разглядеть карету, за которой отец и остальные укрываются от стрел. Нет, арбалетных болтов, массивных, со стальными гранеными наконечниками, от таких не спасут и доспехи!

— Не высовывайтесь! — Приказывает Маркус. Так приказывает, что ни у кого не возникает мысли ослушаться.

— Ты куда, Барс, жить надоело?! — Пытается остановить его Борн. Однако тот не отвечает, и спустя мгновение растворяется в темноте словно призрак. Вскоре стрельба прекращается, а оттуда, где скрылся де Энхард, доносятся жуткие вопли, от которых мурашки идут по спине. Потом гробовая тишина, такая, что звенит в ушах.

Томительное ожидание, неизвестность. И, наконец, убедившись, что продолжения, не будет, Борн с Ортоном зажигают факелы и идут вслед за Маркусом. Граф, невзирая на протесты, идет с ними и Астор не отстает от него. Приходится брать с собой еще охрану.

Далеко идти не пришлось. Минут через пять они наткнулись на де Энхарда, который в задумчивости разглядывал три трупа одетых во все черное, вплоть до масок на лицах. Астор не решилась подойти ближе — да ее бы никто и не пустил — но она видела, как Борн мрачно покачал головой и посмотрел на Маркуса. Ортон присвистнул.

— Посланцы Тьмы? — Полувопросительно, полуутвердительно сказал Борн, переворачивая тело ногой.

Барс мрачно кивнул.

— Один ушел.

Ортон присел возле одного трупа, внимательно изучил, потом двумя пальцами подтянул к себе окровавленный арбалет. Мертвецы выглядели жутко: разорванные глотки, и нечеловеческий ужас в глазах. Лужи крови вокруг.

— Эй, Барс, это ты их так? — спросил Ортон.

Маркус ничего не ответил, нашел взглядом начальника охраны. Тот был бледен.

— Капитан, убитые, раненые есть?

— Трое раненых, один убит сэр.

Маркус снова кивнул.

— Хорошо.

— Что ж тут хорошего?!

— Хорошо, что остальные целы. Расслабились ч-черт!.. — он выругался про себя. — Ладно, пошли в лагерь, поможем раненым. Сегодня они больше не нападут.

Астор, — да и остальные — после происшедшего еще долго не могли уснуть. Слишком уж внезапно все случилось, и никто еще не сталкивался с подобным. Однако усталость и нервное напряжение все же взяли свое.

Рано утром вновь отправились в путь. До ближайшего селения, по словам Димирана, еще около суток пути. Там можно будет оставить раненых.

Астор теперь старалась не отходить от Маркуса, с ним как-то надежнее. Сейчас она слушала его разговор с остальными.

— Эх, не нравится мне это. — Сказал Борн и поморщился, будто проглотил что-то кислое.

Де Энхард с каменным лицом задумчиво гладил шею Шторма. Поводьями он практически не пользовался. Они как будто чувствовали друг друга, и потому конь сейчас был на редкость тих. Наконец Маркус заговорил:

— Посланцы Тьмы чрезвычайно опасны, как и любые фанатики. Но эти куда хуже, потому что поклоняются Холосу — Отцу смерти. Убийство для них высшее предназначение. От таких людей можно ждать любых, самых пакостных, сюрпризов.

— Ничего себе перспективка! — Поразился Димиран. — Но ты ведь имел с ними дело, а, Барс?

Жесткая усмешка тронула его губы. И всем окружающим внезапно захотелось

оказаться, где-нибудь подальше отсюда.

— Дело? Я убивал Посланцев Тьмы, если ты это имеешь в виду. Пообщаться, уж извини, как-то не доводилось.

— Не кипятись.

Маркус буркнул что-то неразборчиво, потом все же счел нужным объяснить:

— Извини. Просто терпеть не могу этих сволочей, у меня с ними давние счеты.

— Это-то понятно. Но насколько все плохо? — Спросил Борн. — Чего следует ждать?

— В том-то все и дело. Чего угодно, где угодно, когда угодно. Как я уже говорил, для Посланцев Тьмы убийство это священное действо, дань Холосу. Они убивают неожиданно, исподтишка, выбирают самые изощренные и хитрые способы. Посланцы Тьмы предпочитают тактику запугивания, заставляя свою жертву думать, что за каждым углом ждет смерть. И надо сказать зачастую им это удается. Посланцы Тьмы не боятся смерти, а потому запросто могут выпить яд вместе со своей жертвой. Или, например, погибнуть под обвалом, прихватив с собой кучу ни в чем не повинного народу, и все из-за одного человека.

— Они только наемники?

— В основном — да, но иногда действуют для достижения собственных целей. Но это еще хуже, потому как в таком случае они пренебрегают даже своими правилами.

— Вы обрисовали довольно мрачную картину. — Проговорил граф.

Маркус пожал плечами.

— Я просто рассказал что знаю.

— Но в таком случае нужно предпринять какие-то дополнительные меры. В конце концов, сэр Энхард вы лучше любого из нас разбираетесь в создавшейся ситуации, так придумайте же, что-нибудь.

Маркус очень долго молчал, и по его лицу трудно было понять, толи он задумался, толи просто не собирается отвечать. Но ответ все ж таки прозвучал:

— Для начала я потребую от всех вас беспрекословного подчинения, включая и охрану. Для вашего же блага. — Он обвел взглядом собеседников. И как бывало всегда, под этим странным взглядом всем вдруг стало очень неуютно.

— Пусть будет так. — Согласился де Энакер, не имея ни какого желания возражать.

— Тогда слушайте внимательно. — Начал Маркус. — Прежде всего, мы должны строго соблюдать меры предосторожности: нам все время придется быть начеку, всем. Все колодцы и родники на пути тщательно проверять, прежде чем пить из них воду. Во-вторых, постоянно осматривать лошадей, отравленный дротик, который вы не заметили, и лошадь взбесится. Учтите — яды это излюбленное оружие Посланцев. Следующее: во всех населенных пунктах, где мы будем останавливаться, старайтесь держаться подальше от толпы. Незаметно зарезать человека в большом скопище людей проще простого. С этими основными правилами знакомы Борн Ортон и Димиран, в силу своей профессии, но их должен вы зубрить каждый. И помнить даже во сне.

— Хорошо.

— Это еще не все. Когда будем останавливаться в гостиницах, на постоялых дворах или вообще где бы то ни было, кто-то из нас четверых должен обязательно присутствовать при приготовлении пищи. Каждый незнакомый человек возможно враг, не доверяйте никому и никогда. И последнее: граф, Астор. Никогда, ни на мгновение не оставайтесь одни, даже рядом со стражей. Кто-то из нас четверых неизменно должен быть рядом, днем и ночью. Ясно?

— Ясно! — Хором ответили все.

— Это... так все время? — Спросила Астор.

— Да, ничего не поделаешь. Понимаю, — Маркус ободряюще улыбнулся ей, — это страшно, тяжело, в конце концов. Но если хочешь сохранить жизнь, придется терпеть.

— Да, я все понимаю, и буду делать что нужно.

— Вот и прекрасно, этим ты очень поможешь нам всем. А теперь я пойду и объясню все вышеизложенное тем, кто этого еще не слышал.

Немного позже де Энакер решил поговорить с Маркусом наедине и, выбрав удобный момент во время привала, отозвал его в сторонку.

— Вы действительно считаете, что дела обстоят так плохо или перестраховываетесь? — Спросил граф.

— Не знаю граф, честное слово, не знаю. Имея дело с Посланцами нельзя быть в чем-то уверенным. Но, согласитесь, что собственной безопасностью лучше не пренебрегать. Одно могу сказать наверняка: дело оказалось, серьезней, чем я вначале полагал.

— Но разве не могло быть ошибки? Вы же сами сказали, что тут нельзя быть в чем-то уверенным.

— Может быть, все может быть граф. Если вы правы, и, слава богу. Но учтите если это действительно Посланцы Тьмы, от них так легко не избавишься. Они в лепешку расшибутся, но выполнят заказ. Даже если сам заказчик к тому времени умрет.

— Зачем вы меня пугаете!? — Возмутился Галатон-Сай. — Ведь можно же что-то предпринять.

Де Энхард пожал плечами.

— Я вовсе не собирался вас пугать. Я знаю лишь два условия, при которых охота прекратится. Посланцы Тьмы это религиозное братство, довольно многочисленное, но все же несколько ограниченное в человеческих ресурсах. Они отступятся, только если контракт на ваши жизни будет аннулирован (возможно, ваш оппонент вовремя одумается). Или же если погибнет ровно двести их братьев.

— Скорей уж первое, чем второе. — Буркнул де Энакер.

— Кто знает? — Маркус вновь пожал плечами. — Давайте не будем зря гадать, о том, чего не знаем.

— И все же сэр Энхард, я искренне надеюсь, что все еще обойдется.

— Там будет видно граф, — Маркус улыбнулся — не огорчайтесь, может статься, вы действительно правы.

"Очень хочется, чтоб вы оказались правы Галатон."- подумал Маркус. Пусть бы его назвали паникером, перестраховщиком, но очень уж не хотелось связываться с этими ненормальными фанатиками. Слишком хорошо он помнил, на что те способны, вездесущие как тараканы. Только вот безошибочное предчувствие неприятностей — провалилось оно пропадом! — не отступало. Поживем — увидим.

Напряжение в этот день было просто катастрофическим, особенно под вечер. Неизвестность давила на нервы. Спокойными остались разве только четверо телохранителей, а может они, просто умело скрывали свои чувства. Но все же, когда к утру ничего не случилось, все немного расслабились. А потом был приветливый солнечный день, небольшая деревня под названием Тазла, и шумная красочная ярмарка. Недавние ночное происшествие как-то сразу потускнело в памяти, вытесненное веселым оживлением Тазлы. И только четверо телохранителей по-прежнему — незаметно для остальных — оставались предельно собранными и внимательными. Они бы предпочли менее многолюдное место, где куда проще приглядывать за подопечными. Но ничего не поделаешь, от людей можно спрятаться разве что в пустыне. Вот там действительно никак не встретишь толпу народу.

Маркус не спускал глаз с юной графини, следовал за ней, словно тень. Девушка не возражала. Наоборот, все время искала его взглядом, как маленький ребенок, боящийся заблудиться без присмотра старших. Было что-то трогательное в этом ее взгляде...

Астор — девушке в принципе городской — очень понравилась деревенская ярмарка в открытом поле. Прежде она ничего подобного не видела. Разве можно сравнить душный городской рынок с этим? Здесь все так красочно, разнообразно, шумно и интересно. Как можно было упустить возможность рассмотреть все это? Маркус естественно был не в восторге, но после того как маленький отряд отправился отдыхать на постоянный двор, они вдвоем с девушкой еще долго бродили по ярмарке, смотря представления бродячих артистов, слушая предсказания больших пестрых птиц, которых не менее пестрые зазывалы громко называли птицами-вещуньями. И удивляясь разнообразию товаров скрывающихся под

разноцветными пологам палаток.

Астор хватала своего спутника за руку и тянула от лотка к лотку, от палатки к палатки. И искренне радовалась всему окружающему. Маркус тоже улыбался, но при этом не подпускал к своей подопечной ни одной живой души ближе, чем на метр. В принципе это не было большой проблемой, так как со столь грозной фигурой сталкиваться желающих не находилось.

Дольше всего они задержались у палатки ювелира, и Маркус уже начал откровенно скучать, когда торговец предложил девушке примерить очередную побрякушку. Астор восторженно подставила шею, позволяя купцу надеть на нее массивное золотое ожерелье. Маркус чисто автоматически наблюдал за его руками.

— Примерьте госпожа, — тем временем увещевал купец, — восхитительное ожерелье, оно очень вам идет. Между прочим, это произведение искусства сделано из золота добытого в рудниках Шевроза.

Не то чтобы Маркус хорошо разбирался в ювелирных изделиях, но даже ему показался немного странным весьма необычный замочек на ожерелье, уж чересчур замысловатый. Может все дело в последних словах торговца, хотя они, в общем-то, вполне обычны. Или же сработала интуиция... Так или иначе, но он успел в последний момент перехватить ожерелье буквально в нескольких миллиметрах от горла девушки. И только это, очевидно, спасло ей жизнь.

Торговец ошалело уставился на громилу, который едва ли не с руками вырвал у него весьма дорогое и хрупкое украшение. Да такими ручищами он чего доброго превратит его обратно в золотой слиток. Тем временем "громила" нервные взгляды купца полностью проигнорировал. Он собственными руками, очень осторожно застегнул ожерелье. Раздался тихий, почти не слышимый щелчок, и из внутренней стороны замочка выскочил маленький, покрытый прозрачным налетом какого-то вещества шип.

Маркус внимательно осмотрел, и даже понюхал маленький шип.

— Яд, — коротко резюмировал он.

Торговец выпучил глаза и стал похож на выброшенную, на берег рыбу. Он даже воздух хватал ртом соответственно. Это было бы смешно, если б не вся серьезность ситуации.

Астор побледнела как мел, посмотрела на своего спутника. Он видел, как в ее глазах недоумение сменилось страхом, а потом страшным гневом.

Они разом воззрились на купца, и тому сразу захотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть... да что угодно, лишь бы не видеть этих холодных зеленых глаз, и испепеляющих серых! И огромного, страшного меча. Да что меч! Этот парень его и голыми руками придушит, даже не вспотеет. Никогда еще торговцу еще не было так страшно.

— Я не знал. — Запричитал он. — Мне заплатили, сказали всего лишь дать примерить ожерелье молодой госпоже. Я не догадывался. Клянусь! Клянусь жизнью господин!

Маркус даже не стал выяснять, кто и когда заплатил. Бесполезная трата времени. Все концы уже давно спрятаны. А если даже и удастся найти этого человека, он окажется рядовым убийцей из братства Тьмы. А что от него узнаешь? С Посланцами Тьмы такой номер не пройдет.

На купца тоже не стоит обращать внимание, он и без того напуган до полусмерти. Впредь будет думать, прежде чем заключать странные сделки с подозрительными личностями.

— Пойдем отсюда, — он взял девушку за руку — вернемся к остальным.

Ее узкая ладошка утонула в его большой мозолистой руке. И Астор вцепилась в нее, такую сильную и надежную, как утопающий в нежданно спасительный обломок мачты.

Маркус де Энхард.

Я смотрел в эти глаза и воспоминания, непрошенные воспоминания нахлынули волной. Это было не так давно, тридцать лет назад.

Большие серые глаза, в которых пляшут чертята. Она улыбается широко и открыто и потому короткий меч в изящной женской руке похожий на стального мотылька не выглядит угрожающе. Но он жалит смертельно.

Враг падает поверженный. Но их еще много.

Она улыбается своему спутнику, высокому беловолосому парню. Его огромный меч с яростно скалящемся барсом на рукояти куда как страшен. Сейчас они бьются вместе, он и она. Пока еще вместе...

Нет, Фрида совсем не походила на нежную и хрупкую графскую дочку, только цвет глаз в момент гнева... Она была родом из северного гордого племени саатов. Крепкая, сильная, бесстрашная как тигрица. Фрида была вольным наемником, как и я тогда. Она мастерски владела короткими мечами, словом совсем не типичная саатка. По их непреклонным законам женщина, отнявшая чью-то жизнь, оскверняет дарованную ей богами чистоту. Это в наших краях воинственные амазонки размахивающие оружием не вызывают особого удивления. Фрида была изгнана из своего племени за убийство насильника сестры — по крайней мере, так она сказала — и потому скиталась по свету. Мы оба были не такие как все — одинокие. Мы нашли друг друга в бескрайнем водовороте людских жизней. Оба достаточно сумасшедшие и вдвоем почти непобедимые. Пять лет, что мы провели вместе, сражаясь и любя можно назвать неповторимыми.

Ее ничем нельзя было сломить или напугать, отчаянно бесстрашную Фриду. Ничем кроме бесконечной изнуряющей охоты, травли от которой человек начинает походить на загнанного зверя. Мы скрывались, мы дрались как ненормальные. Но разве это выход? Мы искали заказчика, чтоб любыми доступными и недоступными способами заставить его аннулировать контракт. Посланцы Тьмы уже начали казаться вездесущими. Однако мы знали имя заказчика, знали, где его искать. Последняя надежда избавится от затяжного кошмара.

Оставались всего лишь сутки пути, когда она погибла, подло и нелепо. Точильный камень для ее клинков был пропитан, особым ядом...она порезала палец. Этого хватило. Моментальная смерть без надежды на спасение. Даже и не знаю сколько времени эта смерть ждала своего момента, камень надо полагать подменили достаточно давно, Фрида точила свои клинки не каждый день, а уж пальцы резала и того реже.

Я похоронил ее там же у дороги, под старым раскидистым дубом. А потом отправился в путь. Закончить дело. Однако время было упущено. Заказчик скрылся, сменил имя. Но я не сдался, нет. Скорей наоборот. Мне необходимо было избавиться от травли, и я убил двести Посланцев, а возможно больше. У меня был маленький отряд, всего пятьдесят человек. Но каких! Каждый не менее отчаянный авантюрист, чем я. Мне стоило не малых трудов собрать такой отряд. Однако дело определенно того стоило. Мы вели охоту на охотников. Мы нашли их логово, застали врасплох. Тщательная подготовка операции заняла много времени. Мы напали ночью, во время мессы посвященной Холосу. Они сгорели в адском пожаре, все кто был там...

С тех пор я еще не раз оставлял Посланцев без добычи. Ни то чтоб намеренно, но... просто уж получалось.

Что это: ирония судьбы, случай ли, проведение? Но не так давно я встретил того человека, что нанял тогда Посланцев Тьмы. Встретил и узнал, не смотря на то, что он, постарел за тридцать лет и сменил имя. Узнал и убил. Месть...да. То был день моего рождения, день, когда судьба подсовывает мне сюрпризы. В тот раз их неожиданно оказалось два. Именно в тот вечер Проныра Гис разыскал меня в корчме "У Тофа" и предложил несложную, вроде бы, работу. А я как раз намеревался поскорей убраться из города.

А теперь мне кажется, что колесо времени повернулось назад, или сделало полный оборот. Это уж как угодно. Снова большие серые глаза, пусть и другие, но все же...и путь к Нашону. Моя сентиментальность меня погубит, но этим глазам я не позволю закрыться навеки. Или я не герцог де Энхард, последний из царской династии Энхардов!

— Маркус?

В голосе Астор я услышал тревогу, и даже удивился немного. Ведь все уже позади, вроде бы. Или что-то еще случилось? Она смотрела на меня почти испуганно. Я попытался, ободряюще улыбнуться, но вовремя остановился. И выругался про себя так цветисто, что самому стало стыдно. Плохо де Энхард! Оч-чень плохо терять контроль при посторонних. Таких проколов со мной уж давно не случалось. Еще чуть-чуть и звериная личина вышла бы наружу. Неудивительно, что девчонка испугалась. Рожа у меня, наверное, и клыки, благо хоть не видно. Пока. Я украдкой посмотрел на свои руки. Когти, черт! Хорошо хоть этого она еще не заметила.

— Что-то не так Маркус? Что случилось?

— Все в полном порядке. — Я заставил, себя улыбнуться, естественно прежде спрятав клыки. Но она все равно выглядела чуть испуганной. Я проглотил готовое вырваться ругательство. Юная графиня держалась за мою руку крепко, и от сердца отлегло. В конце концов, я не успел ее слишком напугать. Только перепуганных женщин мне для полного счастья не хватает!

В этой деревне имеется небольшой постоянный двор "Слепая тыква" или "Спелый арбуз" кажется. Там мы и остановились. Невесть что, и графу явно не нравится, но все лучше, чем спать на земле. Мне-то все едино, но раз уж мы тут...

Когда мы вернулись, во дворе бесцельно слонялось только несколько человек из охраны. Да Борн, сидя на лавке, неторопливо точил свой меч, очевидно, исключительно для того, чтоб занять делом руки.

— Все спокойно? — Спросил я на всякий случай.

Борн кивнул, не отрываясь от своего занятия.

Я попытался отцепить от себя девчонку, но она почему-то наотрез отказалась отходить от меня. Что ж, полагаю, в любом случае я менее страшен, чем поджидающая со всех сторон смерть...

Я зачем-то посмотрел на небо. Солнце не спеша клонилось к западу, как всегда румяное улыбчивое, несмотря на мелочную человеческую возню. Захотелось улыбнуться в ответ.

— Случилось что? — Поинтересовался Тайвер, наконец, подняв голову.

— Вроде того. — Я коротко описал происшествие на ярмарке.

— Мм-да... — только и сказал Борн. Впрочем, и я бы на его месте не сказал больше. И на своем месте, пожалуй, тоже. Да уж, работенка, провалилась она пропадом. Я удобно сидел на лавочке, вместе с девушкой, и улыбался солнышку, пытаюсь найти место последней мысли. Думаю, в любом случае я вряд ли отказался бы от этой работы, даже если бы с самого начала знал насколько все серьезно. Плохо только, что дело превращается в нечто личное. В личных делах я необъективен и нерационален сверх меры, еще неосмотрителен. Взрывоопасный коктейль, знаю за собой такую слабость. Я действительно иногда делал то, чего по здравым размышлениям не следовало бы. Обычно мне везло... живой ведь пока.

Борн ушел, увел с собой, наконец успокоившуюся, Астор. А я еще долго сидел на лавке и думал. Может быть я параноик, но мне почему-то кажется, что в этом деле явно что-то не так, будто ускользнула от меня какая-то деталь. Ну не верю, я, что из-за банальной земельной тяжбы кто-то станет нанимать таких сильных убийц как братство Посланцев Тьмы. Может я, слишком верю в человеческое здравомыслие? А кто сказал, что таковое существует? Но ведь иметь дело с Посланцами опасно даже для заказчика. Не исполнишь к примеру условие сделки и однажды утром просто не проснешься. А отделаться от них вообще практически не возможно. Кто гарантирует, что в твоём доме не скрывается переодетый Посланец? Нет, можно, конечно, предположить, что кто-то настолько жаждет заполучить этот злополучный Шевроз, что рискнул связаться с фанатиками. Что только не делает с людьми корысть. Но как бы в таком случае следовало поступить, окажись я на месте де Энакера? Отказаться от права наследования в пользу того, кому этот Шевроз так понадобился. Кому?... Тут возникает одно "но", или даже несколько. Во-первых, как узнать, чьих это рук дело? Добраться до Шевроза опять же, и там уж начать расследование. Но где

гарантия что графа и девчонку за это время не прикончат? Ведь даже мы четверо не всесильны, можем однажды не успеть. Во-вторых, если нам все же удастся добраться до места без серьезных потерь, вычислить заказчика, не разумнее ли будет тогда вынудить его аннулировать контракт, ничем при этом не жертвуя. Уж способ-то будьте спокойны, найдется...

В-третьих, нельзя быть уверенным, что этот неизвестный некто вообще согласится на предложение сотрудничества. Разве нам известны его мотивы? Но допустим все же возможность мирного решения конфликта. Кто может гарантировать, что впоследствии этот некто не надумает повторить попытку? Решив, к примеру, что де Энакер с дочерью живыми для него все же опасны. Или может быть, им руководит месть? Все-таки что-то не то с этим Шврозом. А если допустить — этого я еще не учел — что мотивы могут быть совершенно иными. Таким образом, все мои умозаключения просто рассыпаются в прах. Вот такие дела. И получается, как не крути, все упирается в графство Шевроз. И выбор на данный момент не велик: необходимо до него добраться. Временами я думаю: стоит ли вообще связываться со всей этой головоломкой. Хм, а разве я уже не решил? То есть, по совести говоря, я уже связался, и отступать не в моих правилах. Все дело в девчонке, ну жаль мне ее. Совсем ведь еще молодая, у нее вся жизнь впереди...может быть.

— Маркус...

— Да?

Большие серые глаза, как грозовая туча летом...

А ведь она весьма привлекательна, графская дочка. Не заглядывайся на клиентов, олух! Где твой профессионализм? А он был?

— Что Астор?

— Маркус можно тебя спросить?

— Спрашивай, — разрешил я.

— Почему у тебя такие глаза?

— Какие "такие"? — Я из всех сил попытался изобразить удивление.

— Как у зверя, одна радужка почти без белка. И они светятся в темноте.

— Тебе показалось, просто отразился свет из окна. — Я поднялся, беря ее за руку. —

Идем в дом, уже поздно.

После ужина мы с Ортоном пошли проверять графские комнаты. Самая обычная процедура. Я должен был осматривать комнату девушки, а Ортон — графа. Из-за неправильной планировки этого здания комнаты были узкими и длинными и потому двери их располагались рядом, всего в шаге друг от друга.

Получилось так, что Ортон открыл свою дверь несколькими мгновениями раньше, чем я свою. Едва различимый щелчок из комнаты графа...мы среагировали одновременно. Ортон мгновенно отшатнулся, и это позволило мне дернуть его на себя. Арбалетный болт попал не в сердце, куда был нацелен, а всего лишь в левую руку. Помедли мы хоть мгновение и кованая стрела, предназначенная де Энакеру, пронзила бы сердце его телохранителя. Предусмотрительный убийца не поскупился, арбалетный болт был бронебойный, рассчитанный чуть ли на тяжелые доспехи. Ортону здорово досталось.

Стрелка в комнате естественно не было, зато обнаружился весьма замысловатый механизм, прикрепленный тонкой леской к дверной ручке. В комнате Астор оказалось такое же приспособление, состоящее из арбалета, подпорки и целой сети натянутых лесок. Дверь пришлось открывать с немалыми ухищрениями. Когда же я открыл ее, с глухим стуком болт на треть воткнулся в противоположную стену.

Ортон присвистнул, болезненно поморщился. Лицо у него было бледное, а рукав сильно пропитался кровью. Надо вынуть стрелу.

— Что в первый раз герой? — Я кивнул на болт.

— Из лука попадали, было, из легкого арбалета. Но эта дрянь...а твою мать!

Я без лишних предисловий выдрал стрелу. Она прошла насквозь, почти по самое оперение. Окровавленный граненый наконечник и большая часть древка торчали с другой

стороны.

— Садись, будем перевязывать. — Приказал я. Все необходимое было при мне. — Надо срочно остановить кровь.

Разбором убийственных механизмов занялись Борн с Димераном. С этим пришлось повозиться. Тот, кто соорудил это нечто, наверное, долго ломал над ним голову. Но потерпел неудачу.

Этим вечером я ввел новое правило: ночью мы попарно дежурили у графских комнат. Однако все было спокойно. И следующие несколько дней тоже. Как всегда...

Южный тракт. Одиннадцать дней пути от Этрана.

Лучше пусть что-то случится, чем постоянное ожидание беды. Так думает большинство людей в чрезвычайной ситуации. Маленький отряд, продвигающийся на северо-восток по большому Южному тракту вовсе не был исключением. Они, как и любой нормальный человек в ожидании неведомой опасности нервничали. Да, ожидание это всегда непросто, особенно для человека деятельного. Но не каждый понимает, что конец ожидания это еще не решение проблемы. Казалось бы, самое в данной ситуации лучшее использовать подаренную врагом передышку и как следует подготовиться. Однако это легче сказать, чем сделать. Как подготовиться к неизвестному? Как предугадать следующий удар? Но они, по крайней мере, пытались сделать это.

Маркус был в числе тех, кто трезво оценивал ситуацию. Он понимал, что любая подготовка в первую очередь направлена на поддержание боевого духа. Потому что, как это не обидно, предугадать действия Посланцев Тьмы они могли лишь приблизительно. И, тем не менее, нельзя было терять бдительность, по двум немаловажным причинам. Во-первых, на данный момент это единственно доступная защита. Во-вторых, это вселяло некоторую уверенность, что вооруженные и ко всему готовые, они сильны. Так оно в некоторой степени и было, однако четверо телохранителей, по всей видимости, думали немного иначе. Уж они-то на всякий случай были готовы к худшему. Но Маркуса даже среди них можно было назвать пессимистом. Он тоже считал, что дела пока не так уж плохи, потому как это только начало, разминка. Та самая тактика запугивания, о которой так много говорилось. И она, надо признать, начинает действовать. Охрана уже переполошилась, не зная как себя вести в незнакомой ситуации. Их нельзя в этом винить. Стража, вояки, они привыкли иметь дело с видимым, понятным врагом, а ни с коварной тенью, что скрывается во тьме. Ну ничего, скоро они научатся, привыкнут, потому как от этого будет зависеть и их жизнь.

С графом же дела обстояли так, как того и следовало ожидать. Он нервничал и беспокоился за дочь, а еще пытался понять, за что ему такое наказание. А Астор, как маленькая мышка, пыталась спрятаться от всего мира, наивно полагая, что это защитит ее. Но если учитывать, что все это началось еще до его, Маркуса, появления, можно сказать, что девчонка ведет себя почти храбро. Ему доводилось видеть, как некоторые на ее месте впадали в истерику значительно раньше, примерно после первого покушения. Граф же утверждал, что таковых было уже несколько, и одно даже едва не увенчалось успехом. Впрочем, то вряд ли были Посланцы, хотя кому от этого легче?

Отряд повернул на север, покинув основную дорогу Южного тракта. Причиной тому было желание де Энакера совершить незапланированную остановку в поместье своего старинного друга. Маркус был от этой идеи не в восторге, по трем причинам: во-первых, в данной ситуации не стоило доверять никому. Во-вторых, своим посещением они невольно подвергают опасности всех обитателей поместья. Вряд ли им за это скажут спасибо. В-третьих, эта остановка их попросту задерживает. Однако он воздержался от высказываний по этому поводу, потому как спорить все равно не имело смысла. Да к тому же, граф с помощью своего друга намеревался нанять еще десяток надежных охранников. Они определенно не будут лишними. Хотя и тут не обойдется без доли риска.

Таким образом, уже к вечеру они прибыли в поместье богатого землевладельца и купца

Сириуса Фан — Хорда. Это оказался весьма добродушный толстячок небольшого роста с неизменно радушной улыбкой на пухлом лице. Отчего вокруг его маленьких глазок разбегалась сеть тоненьких морщинок. Гостей он встретил очень приветливо: крепко обнял графа, расцеловал и развеселил шутками Астор. И весьма комфортно разместил всю охрану. Только вот с телохранителями вышел небольшой казус. Маркус с Борном безапелляционно заявили, что должны неотлучно находиться рядом со своими подопечными. Иначе за последствия они не ручаются. И вообще если его превосходительству не дорога жизнь, то он может немедленно рассчитать охрану и не тратить время попусту.

— Вы можете чувствовать себя здесь в полной безопасности. — Пытался возражать удивленный такой странностью Фан — Хорд. — Мое поместье великолепно охраняется.

— Ты, несомненно, прав дорогой Сириус, — с виноватой улыбкой согласился граф — но ты уж прости, я все же последую совету знающих людей. Чуть позже я тебе все непременно расскажу.

— Как скажешь дорогой друг, как скажешь. — Согласился Фан-Хорд. И немедленно распорядился, чтобы четверых телохранителей поселили в непосредственной близости от графских покоев. Притом надо заметить, что поместье ничем не уступало маленькому укрепленному замку и действительно неплохо охранялось. А разбитые вокруг поместья великолепные сады охраняли хорошо обученные собаки.

Де Энакер решил задержаться здесь на три дня, дабы не обидеть гостеприимного хозяина. Которого и так едва не оскорбил недоверием. Да и местечко это, что ни говори, выглядело подкупающе безмятежным и надежным. Может так оно и есть в какой-то степени...

Маркус сидел на небольшой гранитной скамеечке как раз у входа в сад и издали наблюдал как Астор вместе со старшей дочерью Фан-Хорда собирает цветы. Собственно наблюдал он в пол глаза. А чтоб занять руки, по старой привычке возился со своим огромным, двуручным мечом. Так поступали почти все его спутники, когда выдавалась свободная минутка. Хорошее оружие требует постоянного ухода. А старые воинские привычки практически неистребимы, особенно хорошие привычки.

Маркус любил свой меч, как надежного друга и товарища, как память и частичку себя. Клинок был тяжелый, такой не каждому под силу. Да к тому же старинной работы, еще тех мастеров, что умели заговаривать сталь на века, что значительно прибавляло ему ценности. Когда-то, очень давно отец Маркуса заказал этот меч у лучшего оружейника своего государства, заплатив за него огромное количество золота. То был подарок на совершеннолетие. Рукоять клинка вместо традиционного шишака венчала фигурка барса из яшмы. А точнее, его голова, с яростно оскаленной пастью. Уже в те юношеские годы Маркус с легкостью орудовал тяжелым клинком. И заговоренная почти от всех коррозий и повреждений сталь по сей день служила ему верой и правдой. Вообще людям свойственно привязываться к вещам, а если ты живешь долго некоторые вещи со временем становятся своего рода символами прошлого.

Борн и Ортон подошли тихо, почти не слышно. Но приблизиться к Маркусу, с его чутким слухом, незамеченным практически нереально. Он вложил оружие в ножны и вопросительно взглянул на товарищей. Те сели рядом на скамью.

— Ты чего такой мрачный Барс? — Поинтересовался, как всегда чересчур жизнерадостный, Ортон. — Пока ведь все спокойно.

Борн просто молчал.

Маркус, чуть прищурившись, разглядывал сад. Юная графиня выглядела такой радостной, среди этих пестрых благоуханных цветов...Солнце светит, теплый ветерок развивает ее смоляно-черные кудри...идиллия. Бездна! Он тряхнул головой.

— Я не мрачный, я всегда такой. А спокойствие, это ненадолго. Они ждут, пока мы расслабимся, а потом ударят в самый неожиданный момент. Но меня не это беспокоит.

— Что в таком случае? — Подал голос Борн.

— Я тут думал. Скоро Посланцы поймут, что мы пока что успешно избегаем

расставленные на нас ловушки. Из этого нетрудно сделать вывод, что мы, хотя бы в некоторой степени, знакомы с их тактикой. Они ее непременно изменят, попробуют нечто противоположное...

— Полагаешь, Посланцы пойдут на открытое нападение?

— Не думаю, по крайней мере, пока. Но сомнительно, чтоб это было для них большой проблемой.

— Тебе не кажется, что ты слегка сгущаешь краски? — Спросил Тайвер.

— Я всего лишь пытаюсь предугадать дальнейшее развитие событий. Это вовсе не означает, что я прав. И вообще лучше уж так, чем перерезанная глотка.

— И то правда. — Согласился Ортон.

Борн хмыкнул. Конечно, Барс ничего не усложняет, он перестраховывается. И в данной ситуации он, несомненно, прав. Опыт подсказывал Орлиному Глазу, что всегда надо готовиться к худшему, даже если внешне все спокойно. Охрану редко нанимают просто от хорошей жизни. Впрочем, не стоит загадывать, там будет видно. Что-то, а уж предусмотрительность еще никому не вредила. В этом — Борн был уверен — они очень схожи с Барсом. И оказалось, что беспокоились они тоже не зря. очередное нападение произошло действительно, когда его уже почти перестали ждать. На третью, последнюю ночь их пребывания в поместье Сириуса Фан-Хорда. Хозяин выделил своему другу десяток лучших воинов из охраны поместья. Все было готово к отъезду. Вечером Фан-Хорд устроил нечто вроде прощального банкета, выразив при этом сожаление по поводу редких и кратковременных встреч. Он не поскупился на дорогие вина и изысканные блюда, и вечер удался на славу.

Спать легли пораньше, завтра на рассвете снова в дальний путь. Телохранители — к немалому удивлению хозяина поместья — каждую ночь дежурили у графских покоев. Этой ночью тоже. Дежурили по двое, как было решено еще раньше. Сначала Борн и Ортон, а вторую половину ночи Маркус с Димераном.

Прошла почти вся ночь, до рассвета оставалось чуть более двух часов. Казалось что все спокойно, слишком спокойно. Тихо...

Димеран постепенно начинал клевать носом. Предрассветные часы самые тяжелые для часового. Маркус же просто таранился в темноту пустого коридора. Впрочем, для него темнота не являлась особенным препятствием, кошачьим глазам хватало и далекого блеска звезд, что проникал в маленькое окно. Однако когда долго чего-то ждешь — особенно ночью — внимание неизбежно постепенно притупляется. Маркусу об этом было хорошо известно. Но, помимо всего прочего, у него были инстинкты хищника, звериное чувство опасности. Оно-то, как раз никогда не подводило, а потому в очередной раз спасло ему жизнь, и заодно всем остальным.

Нечто. Тень в тени. Смутное движение в темноте уловимое чем-то иным, более чутким, нежели слух или зрение. Маркус успел увернуться, прежде чем матовый клинок (чтобы ненароком не блеснул, отражая свет) коснулся его горла. И крикнул, предупреждая напарника. Димеран резко дернулся, реагируя скорее машинально, чем осознанно. Вбитая годами выучка не подвела, тревога была поднята, оставалось вступить в схватку с противником и ждать подмоги. Тут Димирану было куда сложнее, чем напарнику, он не видел в темноте. А Посланцы Тьмы считали себя детьми ночи, они жили в темноте. И это отнюдь не преувеличение, специальные техники обучения позволяли им в схватке обходиться вообще без какого либо освещения.

Маркус, не долго думая, воспользовался своим преимуществом, вывернул своему противнику руку и проткнул его же кинжалом. Огляделся. Убийц, похоже, четверо. Двое должны были прирезать охрану, других расправиться с намеченными жертвами. Теперь же план был сорван и те, кто не сражались, спешили скрыться. Маркус не собирался позволить им сделать этого.

Димиран опустил клинок, повернулся окликнуть товарища. Но тот не отреагировал, а канул в темноту, точно как и Посланцы. Димиран слышал звуки борьбы, только какие-то

странные. А потом был другой звук...Рык разъяренного хищника? Вопль умирающего? Или оба, странным образом слившиеся воедино? Димиран поежился, ему вдруг стало жутковато. Да что за ерунда, ему стало страшно! Что он там делает, этот Маркус Снежный Барс?

Начали сбегаться люди, суета, сонные лица, недоумевающие взгляды и вопросы. Стало не до размышлений. Быстро зажгли масляные лампы, осмотрели налетчиков. Это, конечно, были Посланцы. Характерная татуировка за левым ухом: ухмыляющийся череп со змеей в глазнице, символ Холоса. Дальше по коридору — там, куда ушел Маркус — лежали еще два трупа. Выглядели они так, будто их загрыз хищник.

Димеран мельком заметил на пальцах своего напарника кровь, и какой-то странный взгляд, но ничего не сказал по этому поводу. В голове глупо и некстати крутилась единственная мысль: "Барс, Снежный Барс...Барс...Барс..." — как наваждение. Димеран встряхнулся. Наверное, ему просто надо выспаться. К тому же кровоточила глубокая царапина на ребрах. Сегодня он едва не лишился жизни. Если б не предупреждающий крик Маркуса...впрочем, он ведь знал, чем рискует, выбирая эту профессию.

Ложиться спать, уже не имело смысла, все равно вот-вот в дорогу. Да и вряд ли кому удалось заснуть после такой встряски. В поместье Фан-Хорда царила такая паническая суета что гостям, глядя на это, становилось очень неловко. Естественно, что все обитатели большого особняка были страшно взбудоражены этим жутким происшествием. Ведь в их маленьком райском уголке такого еще не было!

Всегда добродушный Сириус Фан — Хорд сейчас выглядел потерянным и разбитым. Этот до крайности безобидный человек просто не мог понять: как же так в его такой надежный дом пробрались убийцы?! Уже позже выяснилось, что несколько грозных сторожевых псов были убиты отравленными дротиками, так же погиб один человек из охраны. Остальные просто ничего не заметили, а иначе вряд ли бы остались живы.

Люди графа, просыпаясь на ходу, принялись торопливо готовиться к отъезду. Сам же граф, чувствуя безмерную вину, пытался извиниться перед другом за причиненные беспокойства.

— Не волнуйся Галатон, — чуть рассеянно отвечал на это Фан — Хорд, — ты же не виноват. Ты, в самом деле, не виноват...Ах, Астор, бедное дитя, как ей должно быть страшно!

— Да. — Согласился де Энакер, все еще испытывая чувство вины.

На том и расстались.

На рассвете покинули поместье. По дороге двигались, выстроившись прямоугольником. В центре карета, с четырех сторон телохранители как всегда зорко обозревают окрестности. И, наконец, жесткий прямоугольник охраны. Последние были несколько напряжены. Это можно понять, даже свыкнуться, репутация у Посланцев как у убийц еще та, а первой зачастую, как известно, погибает охрана. Нет, все в принципе очень даже понятно, тем не менее, Барса это несколько раздражало. Общее настроение в минуты обостренного внимания улавливались слишком легко. Особенно у новой охраны, не пообвыклись еще ребята, не знают чего и когда ждать. А кто знает? То-то и оно...

Таким образом, двигались еще немногим больше недели. И за это время произошли три неудачных покушения. Погибли два охранника из новичков. И все три раза Маркусу удавалось, (это была не его заслуга, скорей, счастливая случайность) буквально вырывать Астор из жадных лап смерти.

Первыми были два Посланца Тьмы с отравленными дротиками, свалившиеся на голову в какой-то роще на очередном привале. Телохранители едва успели укрыть графа и девчонку. Но оба дротика таки нашли свою цель. Мгновенная и страшная смерть.

Другие два покушения оказались не столь неожиданными, однако, куда более деморализующие. Именно после таких случаев сдают нервы, и начинаешь бояться собственной тени. Чего собственно и добивались Посланцы. Сначала была какая-то придорожная гостиница, где миленькая, юная служанка подсунула графу и Астор отравленное вино. Выдала ее легкая нервозность порожденная, очевидно, неопытностью.

Зато следующее покушение было куда хуже, потому что нападшим был один из охранников нанятых в поместье Фан — Харда. Но прежде чем незадачливый убийца успел заколоть юную графиню, Маркус без затей свернул ему шею. Он, конечно, не мог знать, что телохранитель не на миг не спускает с девушки глаз. Даже когда та по нужде отходит в сторонку от лагеря.

Она тоже не знала. И вряд ли бы обрадовалась, если бы узнала. Нехорошо конечно, но что поделаешь — надо. Впрочем, Астор в любом случае знать не обязательно. Так определенно всем спокойней.

Уже более трех недель в пути. И это на редкость утомительное путешествие. А каким приятным оно могло бы быть!.. Астор невесело усмехнулась, мечты. О расчетном месяце не стоит, и думать, естественно они задержались. Кто ж мог подумать, что все обернется, так...то есть так серьезно...О как легко об этом рассуждать, но на самом-то деле...нет уже не страшно. Как ни странно.

Страх был сначала, еще до Посланцев, до телохранителей зорко следящих за каждым движением. Тогда еще все казалось случайностью, но отчего-то было страшней. Потом ранили отца, тогда Астор поняла: это страшно. Когда случилась первая засада в пути страх начал постепенно отступать куда-то в глубину души, сменяясь бездумным желанием спасти свою жизнь. Люди гибли, спасая ее, гибли, чтоб она выжила. Астор с болью в сердце переживала эти жертвы, но жить хотелось, а потому другие умирали. Но всегда был кто-то, оберегая, защищая, в последний миг, вырывая из лап смерти. И она уже не удивлялась тому, что этот кто-то неизменно был Маркус, как щит, как крепкая стена укрывающая ото всех бед.

Маркус де Энхард — сильный, надежный, непробиваемая гранитная глыба. И загадочный. Настолько непонятный и загадочный, насколько это возможно для человека. Астор не знала, что ее так привлекает в этом человеке, и пугает. Трудно подобрать слова, определить возникающие чувства, ей просто очень хотелось разгадать загадку этого человека, которую она никак не в силах была понять. Но казалось моментами еще чуть-чуть, еще мгновение...

Астор замечала иногда, как меняется Маркус неуволимо для глаз, меняется как-то жутко, когда всем вокруг становится вдруг очень неудобно, и мурашки бегут по спине от неосознанной тревоги. В такие моменты взгляд де Энхарда становится хищным, пронзительным и тогда понимаешь: рядом уже совсем не тот человек, и человек ли вообще? И, тем не менее, он все такой же надежный, сильный.

Маркус был интересен ей, он привлекал. Лгать себе трудней, чем окружающим, но наедине с собой можно кое в чем и признаться... Астор вспоминала тот странный взгляд, который он бросил на нее после происшествия с ожерельем на ярмарке. Что было в том взгляде? Нечто заставившее ее долго не отходить от этого человека. Несмотря на ту мимолетную жутковатую перемену в нем. О, Астор знала, что Маркус может быть поистине безжалостен. Она видела, чем оканчивались для некоторых Посланцев Тьмы встречи с ним, хоть от нее и пытались это скрыть. Такое не в силах сделать человек. Но делал же. И это пугает. Однако с ней он всегда добр и обходителен. Иногда ей просто до дрожи хотелось понять, проникнуть в его тайну, ведь она у него есть, не может не быть. Может Маркус когда-нибудь расскажет сам? Нет, это вряд ли.

Южный тракт. Три с половиной недели пути от Этрана.

Дорога медленно поднималась вверх, постепенно становясь все более каменистой и весьма неудобной на взгляд непривычного человека. Растительность, не такая пышная, как на равнине, ютится на каменистой почве. Иногда по правую сторону от дороги виднеются обрывы, поросшие внизу густым ельником. Нитские горы славятся своими петляющими дорогами и легкими для путешественников перевалами. А еще агграми...

— ...Мы примерно в половине дня пути от владений агррами. — Рассказывал Ларт, парень когда-то жил в деревне у подножия гор, прежде чем пойти на службу к Сириусу Фан — Хорду. Он неплохо ориентировался в этой местности и знал все дороги, перевалы и опасные места. — Однако Южный тракт проложен, так что мы обойдем их территорию.

— Кто такие агррами? — поинтересовался Ортон.

— Горцы, они обитают по другую сторону Ревущего ущелья. Многие считают агррами дикими и жестокими, может и так, не знаю. — Ларт пожал плечами. — В любом случае они никому не подчиняются. Они сами по себе. А на свою территорию никого не пускают. Лучше и не соваться к ним, агррами отменные лучники.

— Любопытно, — промолвил граф, — и что же, они совсем не общаются с внешним миром?

— Почему, общаются, конечно. Иногда спускаются в долину, торгуют добытыми шкурами, изредка мелкими алмазами и луками собственного изготовления. В изготовлении этого оружия у агррами нет равных. Они вообще очень умелые и храбрые охотники, к тому же в основном веселые и общительные люди. Но вот чужаков на своих землях не терпят. Историческая традиция.

— Понятно. — Протянул Борн, разглядывая высокие горные пики. — Мы с этими горцами, как я понимаю, не встретимся?

— Не должны, — ответил Ларт, — Южный тракт довольно оживленная дорога, особенно в торговый сезон. И хотя он проходит в непосредственной близости от Ревущего ущелья никаких проблем с агррами пока не возникало. Они зря не нападают.

— Ну и, слава богу. — Подвел итог де Энакер. — Нам совсем ни к чему лишние неприятности.

— А они не могут заключить сделку с Посланцами Тьмы? — Спросил Борн. — Уж больно удобное здесь местечко для засады.

— Нет. — Ответил вместо Ларта Маркус. Доселе он просто ехал молча, задумчиво поглаживая шею своего любимчика Шторма. Это было несколько непривычно, ибо Маркус обычно давал весьма дельные советы по поводу маршрута путешествия. Сейчас же он просто отмалчивался, словно полностью ушел в себя.

— Откуда ты знаешь? — Поинтересовался Димеран.

— А это имеет значение? Знаю — этого достаточно.

И снова молчание.

Поняв, что больше не слова от него не дождутся, товарищи переключили свое внимание на другие вопросы. Маркус же внимательно вглядывался в дорогу, моментами замирал, будто прислушиваясь к чему-то. А, чуть позже предупредив остальных, что ненадолго отлучится, ускакал обратно по дороге. Потом Шторм вернулся обратно без всадника и невозмутимо пристроился на привычное место чуть впереди, справа у кареты. Забеспокоившийся было граф, хотел выслать за де Энхардом небольшую поисковую группу. Но тот вернулся уже спустя несколько минут, мрачный как туча.

— За нами следует отряд, человек шестьдесят как минимум. — Сообщил он не слишком радостную новость.

— Кто они?

— Посланцы, надо полагать. Я все ждал, когда они когда они сменят тактику...

— И что делать будем? — Нарочито невозмутимо поинтересовался Ортон. — Не отобьемся ведь, они наверняка хорошо подготовились.

— Постараемся оторваться. — Решил Маркус, поискал что-то взглядом впереди, прищурился, остановив взгляд на горном пике. — По крайней мере, до Ревущего ущелья, а там посмотрим...

— На что посмотрим?

Маркус не ответил.

Началась бешеная скачка, продлившаяся несколько часов. Никто, собственно, не был абсолютно уверен, что погоня действительно существует, пока сзади не послышался

дробный топот копыт. И появились всадники в черных одеждах, с масками на лицах и кривыми саблями у поясов. Всадники могли бы сойти и за разбойников, если бы не их пугающая слаженность движений и непробиваемое спокойствие. Не криков погони, ни гнева, только дробь копыт по каменистой дороге. Они были уверены, что намеченные жертвы далеко не уйдут.

А у маленького отряда действительно было мало шансов уйти. Кони устали от ненормальной гонки по горной дороге. Их постепенно нагоняли. Ревущее ущелье было уже совсем близко. Ну, так что с того? Ущелье вовсе не сулило спасения, значит, придется биться. А силы так не равны. И Посланцы, в отличие от своих жертв, вовсе не боятся сложить головы в этой битве. Что им смерть? Лишь еще одна жертва повелителю.

И вот, наконец, Ревущее ущелье. Они остановились, дальше бежать не было смысла. Но еще оставалась какая-то надежда, ведь не зря же они сюда так спешили.

— Что дальше? — Спросил Борн, ни к кому конкретно не обращаясь, хмуро осмотрелся. Ревущее ущелье полностью оправдывало свое название. Площадка диаметром не более семидесяти шагов, дорога, вокруг отвесные скалы. А слева бездонная пропасть, по которой гуляет ветер и ревет как гигантский раненый зверь. И мост через пропасть, узкий, но хотя бы прочный. Мост, ведущий на территорию агррами. Не многим лучше сражения с Посланцами.

— Граф, берите дочь и переправляйтесь на ту сторону. Мы их задержим. — Приказывает Маркус. Он спокоен, собран, похоже, у него уже давно созрел план. А преследователи совсем близко.

— Но там же горцы, — изумился де Энакер — нас убьют!

— Вас скорей убьют здесь. — Возразил Барс — Делайте, что было сказано граф, возражать будете после. Димеран, Ларт, Ортон — пойдете с ними. Карету бросайте, она там не пройдет. Видите на той стороне большой валун? Там небольшая ниша, спрячетесь в ней. И ни в коем случае не высовывайтесь. Ясно? Ни на шаг! Все, вперед!

Перечить уже никто не думал. Первые преследователи ворвались на площадку. Завязался кровавый бой. Маркус впервые за все время путешествия вынул из ножен свой громадный меч. Просто ударил ладонью, по торчащей над плечом рукояти, от чего ножны с тихим щелчком раскрылись по всей длине, отпуская на волю полосу сверкающей стали. И его товарищи, наконец, увидели как Барс одной рукой, с невероятной силой орудует этой машиной, кроша противников в фарш. Он один стоил пятерых, если не больше. Впрочем, Борн почти не уступал ему в мастерстве, фантастически ловко и проворно орудуя, мечом и акинаком.

Охранники тоже бились как сумасшедшие, даже не надеясь победить, а, просто намереваясь захватить с собой не тот свет побольше противников, чтоб не обидно было помирать.

Первая атака захлебнулась.

— Отходим к мосту! — Скомандовал Маркус.

Используя карету и огромный валун чтоб сдержат натиск преследователей, они медленно начали продвигаться вслед за графом. В числе последних на мосту оказались — Маркус, Борн и еще двое самых отчаянных. На другую сторону перебралась едва ли половина отряда, остальным было суждено пасть, от рук наемных убийц прикрывая отход товарищей.

Посланцы сунулись было на мост, но Димеран выпустил свои крылатые ножи, в этом он был мастер. Все ножи нашли свою цель. Однако это последнее что Димеран успел сделать. Отравленный нож врага был ему ответом. Четыре жизни за одну...

"Жаль, — подумал Маркус, направляя Шторма в укрытие за камни — хороший был парень". Но сейчас не самый подходящий момент для сожалений, они еще не в безопасности. Посланцы Тьмы не побоятся войти на территорию агррами.

Маркус соскочил с коня, крикнул кому-то поблизости:

— Пошли, поможешь! Надо отвязать мост.

Парень недоуменно посмотрел на него, и пришлось спешно показывать спрятанный в камнях столб, к которому были накрепко привязаны канаты моста. Маркус объяснил что и как надо отвязывать и начал пробираться к другому столбу. Канаты поддавались легко, если знать что с ними делать. И мост упал, обрушив в пропасть еще несколько Посланцев. Но оказалось, что сам мост не обрушен. Предусмотрительные горцы привязали к мосту длинные канаты, за которые его в последствии легко можно будет поднять. Конечно, преследователи и сами могли попытаться поднять мост, но при этом они рисковали полечь под стрелами тех, кто укрылся с другой стороны.

Посланцы благоразумно отступили. Впрочем, уходить они вовсе не собирались, а скорей всего намеревались обосноваться на площадке у ущелья. Они полагали, что беглецы не рискнут связаться с горцами, рано или поздно попытаются поднять мост и вернуться обратно. У них были время и возможность для долгого ожидания, у беглецов — нет. В этом Посланцы прорасчитались.

Маркус критическим взглядом окинул своих спутников. Из всей охраны осталось только десять человек, и трое телохранителей. "Как все паршиво...". Кони были у всех, при некотором старании по мосту можно было проехать и верхом, хотя такие фокусы под силу и не каждому, но здесь ребята тертые. Иначе бы не выжили.

Ну, в общем, на сей раз, выбрались.

— Тронулись. — Скомандовал Маркус. — Нам здесь больше нечего ловить.

— Куда? — Слегка ошалел Ларт. — Там же такие лабиринты, мы заблудимся! И горцы...

— А я думал, мы вернемся. — Вставил де Энакер.

Маркус криво усмехнулся, зазмеился тонкий шрам на щеке, словно живой.

— Куда вернемся? К этим? — Он мотнул головой в сторону Посланцев Тьмы. — Или вы думаете, у них кончится терпение, и они уберутся отсюда? Не дождетесь! Терпения, да и возможностей у этих ребят хватит еще и не на то. А мы, дожидаясь здесь чуда, просто передохнем с голода. Уж простите за грубое выражение.

— Но как же?...

— У нас нет выбора граф, сами подумайте. Все, хватит препирательств, двинулись! Я поведу.

Все сомнения были быстро отринуты. Перспектива встретится с дикими горцами пугала куда меньше чем с Посланцами Тьмы. В конце концов, если с первыми есть, вполне реальный шанс договорится, то со вторыми — даже думать не стоит. И потом если подумать, не такие уж горцы и дикари.

Узкая дорога пролежала между отвесными стенами примерно в два человеческих роста. Нагромождения камней вверху внушали вовсе не беспочвенные опасения. Великолепное место для засады, это понял бы даже последний профан. Короче впечатление создавалось довольно-таки гнетущее. Если горцы такие уж кровожадные как о них говорят что помешает им сбросить на маленький отряд этакий рукотворный камнепад? Однако Энхард двигался вперед достаточно уверенно, что позволяло надеяться: он знает что делает. Правда, временами он принюхивался и прислушивался как заправская ищейка. И шарил глазами по, казалось бы, однообразным стенам. Но как-то он все же ориентировался в этих лабиринтах. Наконец Маркус остановился, поднял руку, подавая сигнал своим спутникам.

— Тихо. Ни шагу дальше!

Сразу стало как-то тревожно, все заозирались. И тут на путников с высоких каменных стен, разом уставилась дюжина острых наконечников стрел.

— Ка'ех та?! — Послышался хриплый голос впереди.

— Аа'шн! — Крикнул Маркус. Громкий смех был ему ответом.

— Ка'ех дан?

— Умэнт оу'ва теэше! — Вновь ответил на вопрос Маркус, так же насмешливо, как и его невидимый собеседник.

— Ты понимаешь, о чем они говорят? — Тревожно прошептал граф, обращаясь к

Ларту.

— Немного. — Ответил тот, прислушиваясь.

— Переводи.

Маркус заранее почувствовал засаду. Он слишком хорошо знал, как агррами охраняют свои границы. А потом послышался голос:

— Кто идет?!

— Друзья!

Люди, прячущиеся за камнями, разразились громким и уверенным хохотом.

— Кто ты?

— Пропусти и узнаешь. — Заявил Маркус.

— Кто ты такой чтобы я тебя пропускал? — Спросил все тот же голос. Острые жала стрел наглядно подтверждали его право задавать такие вопросы.

— Я — Снежный Барс.

— Ну да? — Голос звучал весело, с нотками недоверия. — Снежный Барс не появлялся в этих краях уже двадцать лет.

— Тебе нужны доказательства Моэто? — Казалось от этого нечеловеческого рыка, содрогнулись горы.

Доселе невидимый собеседник, наконец, появился во плоти. Это был мужчина лет сорока, высокий, гибкий и стройный. Он широко улыбнулся.

— Зачем же, Ото'о Ша, — добродушно произнес он, — я тебе верю.

Угрожающе направленные на путников стрелы тут же исчезли и начали появляться люди.

— Так нам позволено будет проехать Моэто? — Поинтересовался Барс, ухмыльнулся, сверкнули острые клыки. Лицо на миг стало маской зверя. Мало кто из его спутников заметил эту мимолетную трансформацию. Может быть, только Астор и Борн. Оба по только им известным причинам пристально наблюдали за ним.

— Здесь ты всегда желанный гость Ото'о Ша. Твои друзья наши друзья.

Маркус кивнул с улыбкой и сделал знак спутникам следовать за собой. Махнул рукой на прощанье стражам, снова скрывшимся за камнями.

Маркус вел своих спутников так уверенно, словно возвращался к себе домой. И выражение лица у него было соответствующее.

Встревоженный граф не выдержал, попытался разобраться, что происходит:

— Что это значит сэр Энхард? Извольте объяснить!

— Что? — Невозмутимо переспросил тот.

— Куда мы едем?

— В одно из летних стойбищ агррами. Это не далеко, там мы сможем как следует отдохнуть.

— Значит, вы с самого начала знали, что нас пропустят? — Изумился де Энакер.

Маркус не ответил.

Продолжения разговора, очевидно, не предвиделось и граф, нахмурившись, передержал коня и немного отстал. Иногда де Энхард его здорово раздражал, иногда удивлял, а порой и восхищал. Хотя раздражал в последнее время гораздо чаще. Но в целом свою работу он делает более чем хорошо. Придаться не к чему. Проныра Гис помнится, обещал лучших телохранителей, он и привел лучших. Двоим молодым, правда, не хватало немного опыта, самую малость. Потому они всегда прислушивались к мнению Борна (Димирана это, к сожалению не спасло). Тайвер действительно имеет опыт в своей работе. Но даже он периодически советуется с Маркусом, признав его безраздельный авторитет. Да что там, все его признали, даже сам Энакер не всегда осмеливался перечить его властным приказам. А он ведь, как ни как, наниматель, что же тогда говорить об остальных? Хорошо это или плохо, но граф сам дал де Энхарду эту власть. Жалеть пока не приходилось. Хотелось надеяться, что так пойдет и дальше.

Дорога прекратила подниматься, и едва заметно пошла под уклон. И не дорога даже,

так, тропа узкая как раз коню пройти. Но петляла она до сих пор невероятно. Еще пару раз путникам попадались незаметные на первый взгляд и весьма искусные пограничные заслоны. Однако переговоров больше не было, им просто кричали что-то вслед и пропускали без лишних вопросов. Новости здесь, очевидно, распространялись со скоростью большей, чем движется всадник. Некоторые горцы-пограничники выглядывали, чтоб поприветствовать путников. В частности Маркуса де Энхарда которого они звали Ото'о Ша. Он изредка отвечал что-то на их языке.

Так они добрались до места.

Очередной поворот и перед путниками предстало обширное плато, как поле цветами, усеянное пестрыми шатрами. Это и было стойбище агррами. Зимой все племя спускается в огромную долину надежно укрытую со всех сторон Нитскими горами. Попасть в долину можно лишь по тайным тропам, хорошо известным агррами.

Обо всем этом Маркус рассказывал спутникам, пока те с любопытством разглядывали стойбище.

Воистину, новости распространялись здесь со скоростью ветра. Стоило только маленькому отряду приблизиться к поселению, и их вышел встречать сам вождь. А в том, что этот человек вождь никто не усомнился ни на миг. Высокий, худой человек, не по возрасту статный. Седые волосы и борода аккуратными волнами рассыпались по плечам и груди, в руках массивный посох. Его можно было бы назвать старцем, но живой, энергичный взгляд как-то не позволял даже подумать об этом. Хотя, без сомнения, этому человеку было уже очень много лет. Чем-то неуловимым они были схожи с Барсом.

Маркус спешил к вождю.

— Здравствуй старший родич, — улыбаясь, промолвил тот.

— И ты здравствуй Агэдо. — Ответил Маркус. Они дружески обнялись.

— Ты давно не появлялся в родных краях Ото'о Ша. Нехорошо забывать семью. — Шутливо укорил вождь и тут же вновь стал серьезным. — Разведчики доложили, что мост спущен, а по ту сторону Ревущего ущелья расположился отряд воинов. Кому ты опять так насолил Ото'о Ша?

Маркус помрачнел, обернулся и бросил взгляд на своих спутников. Они были чуть растеряны, находясь среди незнакомого народа, не понимая языка.

Вождь хмыкнул:

— Понятно...опять?

Маркус развел руками. Ничего другого Агэдо и не ожидал. В объяснениях он так же не нуждался. Они слишком долго друг друга знали, можно сказать, что Агэдо родился на руки Снежному Барсу. И вождь наверняка знал, что у Барса куда более длительные отношения с его племенем, чем короткая человеческая жизнь.

Из уважения к гостям вождь перешел с языка агррами на иртийскую речь. Он говорил с легким, мелодичным акцентом:

— Мы рады твоему возвращению Ото'о Ша. Тебе и твоим друзьям здесь ничего не грозит. Агррами не пропустят на свои земли поклонников Отца Смерти. — Слова эти в основном предназначались спутникам Маркуса, чтоб успокоить их тревоги.

Вождь Агэдо улыбнулся, блеснув не по-старчески белыми зубами.

— Шатры для тебя и твоих друзей уже установлены Ото'о Ша...на обычном месте. Располагайтесь, отдыхайте.

— Спасибо Агэдо, чуть позже я загляну к тебе, и мы обязательно побеседуем.

— Непременно, родич.

Вождь удалился, а Маркус вернулся к своим спутникам.

— Спешивайтесь, — сказал он, — о конях позаботятся.

И отряд пришельцев, с любопытством оглядываясь, двинулся через стойбище к приготовленным для них шатрам. Те располагались чуть в стороне от остальных, в укромном местечке у гладкой скальной стены. Место это было очевидно удобным, но так же заметно, редко использовалось.

Путники с интересом рассматривали шатры, своеобразную горскую утварь, людей. Все было так незнакомо и занимательно. Наверное, мало кто мог бы похвастаться, что бывал в стойбище агррами. Кто знает, почему горцы так не любят чужаков? Вероятно, это идет еще с очень давних времен, и они уже сами не помнят причины, однако строго придерживаются сложившейся традиции.

Шатры оказались не только красивыми, но и удобными. Все же горцам нельзя было отказать в хорошем вкусе и прагматичности. Не такие уж они и дикари, какими пытались казаться окружающему миру.

Путники, уставшие от дальней дороги и кровопролитной схватки, наконец, смогли отдохнуть, привести себя в порядок и перевязать раненых.

А вечером их ожидало нечто вроде небольшого празднества. Оказалось, что прибытие гостей пришлось как раз на начало Недели Свадеб у агррами. И это был первый день.

Горцы развели большой костер, вокруг которого собрались почти все обитатели стойбища, от мала до велика. Они просто беззаботно веселились.

Маркус представил де Энакера вождю, и они втроем пристроились в сторонке, потягивая молодое вино и наблюдая за празднеством. Юная графиня тоже веселилась от всей души вместе с остальными, хотя и не знала по какому поводу. Правда, чуть позже, когда вождь и граф удалились с празднества, оставив развлекаться неутомимую молодежь, девушка таки подсела к Маркусу и принялась за расспросы:

— Маркус, а что означает Отооша?

— Ото'о Ша. — Поправил он машинально. — Это значит Снежный Барс. Ирбис.

— А что такое Неделя Свадеб?

Де Энхард улыбнулся.

— О, это весьма символический праздник уходящий корнями в глубокую древность. Конечно, за прошедшие века он несколько изменился, утратил большинство своих практических сторон и стал действительно символом. Но, тем не менее, агррами до сих пор чтят древнюю традицию Недели Свадеб, и празднуют ее два раза в год. Вообще-то праздник длится не неделю, а три. Но первая самая важная.

— Почему? — Заинтересовалась Астор.

— В первую неделю проводятся самые главные обряды, ради которых собственно и проводится празднество. Когда-то, в прежние времена они играли огромную роль в жизни племени, память об этом до сих пор не угасла. Тогда агррами считали Неделю Свадеб наиважнейшим праздником.

Первый день празднества — общий. Он не имеет названия, все просто веселятся. Второй — день Избрания. Мудрейшая — кхати выбирает тех, кто должен будет пройти обряд совершеннолетия. Происходит это следующим образом: к большому костру выходит молодежь еще не прошедшая обряда. Все они прячутся под одинаковыми звериными масками и шкурами. Кхати ходит вокруг огня и указывает избранников.

Третий — день мужчины. Юноши, избранные у костра проходят обряд совершеннолетия и становятся взрослыми.

Четвертый — день женщины. Девушки проходят обряд и становятся невестами.

И, наконец, остальные три дня: юноши и девушки — не только те, что прошли обряд — выбирают друг друга. Не все они конечно в последствии поженятся, но оставшиеся две недели праздника должны быть вместе и вести себя соответственно.

— Что как муж и жена? — Не поверила Астор. — А если они потом расстанутся?

— Нет, конечно, — Маркус снова улыбнулся, — молодежь только что прошедшая обряд не имеет права на интимные отношения. Если они, конечно, не решили действительно пожениться. Тогда уж им никакие запреты не страшны, даже родительские. Брак, заключенный в Неделю Свадеб священен. А вообще горцы воспитаны в строгих традициях. Потерять невинность до того как будет известен точный день свадьбы, считается у агррами позором.

— Какие интересные у них традиции. — Задумчиво произнесла Астор.

— Да. — Согласился Маркус поднимаясь. Сегодня он собирался лечь спать пораньше. — И чуть не забыл, графиня: завтра вечером не выходи к костру, посиди в шатре. Хорошо?

Девушка утвердительно кивнула и отправилась к группе молодых людей, с которыми уже успела подружиться, не смотря даже на то, что совсем не понимала их языка. Насколько Маркус понял, те звали Астор, завтра присоединится к их компании. Тем лучше, пускай развесется, здесь ей ничто не грозит.

Маркус де Энхард.

Денек у меня выдался насыщенный. Что называется, вернулся домой. Ясное дело мне здесь всегда рады, но и это накладывает свои обязательства, которые, признаться, я выполняю не без удовольствия. Это ведь такая малость.

Вчера мы только прибыли, а сегодня рано утром я отправился на разведку с десятком юных горцев готовящихся к сегодняшнему посвящению. Ходить в дозор для молодняка нечто вроде почетной обязанности, прежде чем тебя признают мужчиной. А если уж отряд поведет ни кто-нибудь, а Ото'о Ша, и поход окажется не символическим, а очень даже настоящим и теоретически опасным, конечно, они запомнят его на всю жизнь.

Ну, рисковать пацанам, положим, никто не позволит, а мне всего лишь надо узнать, чем заняты Посланцы Тьмы. Без сомнения они все еще ждут нас, но проверить непременно надо. Нам ведь как-то нужно будет отсюда уходить. И я очень не хочу использовать тайные тропы, хоть наверняка и придется. Ибо упорству этих фанатичных маньяков можно только позавидовать.

Невзирая на то, что все мои предположения оправдались в худшем варианте, настроение этот факт ничуть не ухудшил. Старина Агэдо, несомненно, прав: я вернулся домой и ничто не может разрушить душевного подъема. Я всегда возвращаюсь, рано или поздно, потому что агррами это единственное что осталось от когда-то величественного королевства Энхард. Уже в те времена горцы были сами по себе, гордыми и воинственными. Здесь мои корни. Мой отец был агррами. А еще именно в Нитских горах, в юности я повстречал ирбиса, сильного зверя определившего мое второе я. Эти места всегда останутся для меня яркой памятью юности, как горечью потерь, так и радостью приобретений. Помоему, родиной можно назвать то место где есть люди, в которых течет хоть частичка твоей крови, и где тебя всегда ждут. Это моя родина.

Племя агррами меня всегда ждет. За прошедшие века это стало еще одной доброй традицией. Появление непонятого со всех точек зрения существа по прозвищу Ото'о Ша считается в племени добрым знаком. Моя персона уже давно обросла легендами. Существует даже поговорка: "Ото'о Ша ВСЕГДА возвращается". И кто бы с этим поспорил?

Вообще-то я сегодня не столько занимался делом (с этим мы справились еще утром) сколько общался со стариками. И позволял молодежи разглядывать живую легенду, тотем племени. Дабы знаменитая поговорка обрела в их глазах материальное подтверждение. Ведь, право же, не стоит нарушать хороших обычаев. Удобных, я бы сказал, обычаев.

Есть и еще один хороший обычай. Молодняк, будущие охотники и войны непременно должны побороться со мной. Своеобразная проверка на мужество. Я намеренно слегка отпускаю зверя в себе — как внутреннего, так и внешнего — для устрашения. Хорошая молодецкая потасовка никому не повредит. Да и признаться нравятся мне такие забавы, никогда не помешает испытать на прочность будущий цвет племени.

Так и пролетел день, очень быстро надо заметить.

Вечером я вознамерился провести де Энакера и Астор. Весьма невежливо с моей стороны было оставлять их одних. Несмотря на все радушие и гостеприимство горцев, они наверняка чувствуют себя здесь немного чужими. Впрочем, девчонка быстро сдружилась с местной молодежью, ее сразу приняли в компанию, и незнания языка никого не смутило.

Однако я вроде как работаю на графа. То бишь отвечаю за обоих.

Граф, как и ожидалось, пребывал в своем шатре, а вот Астор — нет. Это мне не слишком понравилось.

— Добрый вечер. — Поприветствовал я де Энакера.

— Добрый. — Отозвался граф. — Присаживайтесь господин Барс. Как я слышал, у вас сегодня выдался весьма насыщенный день? — В голосе явно проскальзывает ирония.

Интересно с чего бы это?

— Действительно, — соглашаюсь я, — давно не бывал в этих краях, старые друзья хотят пообщаться.

— В самом деле, — кивнул де Энакер, — тридцать лет, если не ошибаюсь? Это действительно не малый срок.

Что-то не нравится мне такой разговор, но об этом стоит поразмыслить, как-нибудь на досуге. Сейчас стоит перевести разговор на другое:

— Где Астор граф?

— Астор? — Он удивленно поднимает бровь. — Она сказала, что с остальными молодыми людьми пойдет к большому костру.

— Вот несносная девчонка!

— Что такое?

— Сегодня день Избрания... — Неопределенно буркнул я.

— Что-то случилось? — Встревожился граф.

— Ничего. — Мигом сооружаю непроницаемо-спокойную мину. — Пойду, поищу ее.

Граф моей честной роже почему-то не поверил. Привык уже от всего ждать только плохого. Оно и правильно, целее будет.

Я вышел из шатра, ничего не объясняя. Самый верный способ заставить человека нервничать это начать уверять его, что все в порядке. С девчонкой-то действительно ничего смертельного не случится, но вот из-за ее самодеятельности может случиться конфуз. Ой, не хотелось бы, де Энакер не поймет. Может, еще успею?

Я подошел к большому костру как раз к концу церемонии. Молодежь уже распределили. Избранные слева, остальные — их значительно меньше — справа. Ну, посмотрим.

— Астор, — окликаю, уже чувствуя, что опоздал.

Закутанная в темное фигура выступает слева. Та-ак...

— Идем. — Бросил ей, не скрывая раздражения. Ну, если честно признаться с моей точки зрения ничего особенного не случилось. Боюсь только моя точка зрения, вряд ли совпадет с мнением ее отца.

Астор послушно следует за мной. Когда удаляемся от костра, хватается за мою руку чтоб не упасть в темноте.

Я не спешу возвращаться в шатер к графу.

— Астор, почему ты не послушалась и пошла сегодня к костру?

— А что тут такого? — Искренне изумилась она. — Шает сказала, что я могу участвовать, а кхати разрешила. Все в порядке меня выбрали.

— Девочка!.. Тебе теперь придется пройти обряд посвящения.

— И что с того? Я уже не младенец! Меня что трудно признать взрослой?!

— Астор ты хоть представляешь что это за обряд? Отец вряд ли это тебе позволит. А отказаться никак нельзя, для агррами это свято. Что теперь мне прикажешь, ссорится с собственной родней?

— Почему? — Растерялась Астор.

— Что почему?

— Почему отец не позволит? Что обряд такой сложный?

Я, не сдерживаясь, хмыкнул она, конечно, не видела, но слышала наверняка.

— Как раз таки очень прост. Чтоб девушку признали взрослой она должна доказать что это на самом деле так и она готова стать невестой. Для этого девушке придется обнаженной предстать перед мужчиной, он засвидетельствует, что она готова или же нет. Чаще всего это

бывает человек, которому больше всего доверяешь, естественно не родственник. Но в идеале это конечно должен быть жених.

Пока я говорил, Астор споткнулась и крепко сжала мое запястье, чтоб не упасть. Даже в темноте я увидел, как налилось краской ее лицо.

— Зачем...это нужно?

— Как я уже говорил однажды: все обряды изначально имели свое практическое и вполне логично обоснованное значение. Проходя обряд, девушка как бы показывала своему будущему жениху свое к нему расположение и доверие. Он же в свою очередь признает, что она уже достигла возраста невесты, созрела физически и тем самым, закрепляя помолку.

Гораздо позже, когда горцы стали, чуть менее сурово относиться к вопросам брака и своим традициям, для обряда стали выбирать не только жениха, но и доверенное лицо. Теперь все это существует уже в несколько ином виде. Однако агррами продолжают чтить свои традиции, ибо это наследие предков. Каким бы нелепым оно не казалось чужакам.

— Чем мне грозит отказ? — Надо отдать девочке должное, она быстро справилась с собой и уже задает актуальные вопросы.

— Ничем. Во-первых, я не допущу, чтоб с моими гостями что-то случилось, а здесь ты и твой отец мои гости. А во-вторых, изгнание из племени без права возврата вряд ли тебе особенно повредит. Но вот отношения с агррами ты окончательно испортишь, и уговорить их нам помочь не смогу даже я. А без помощи агррами нам из этих гор живыми не выбраться.

— Я пройду обряд. — Уверенно сказала Астор

— Разумное решение, но боюсь, отец тебе этого не позволит. Он просто не поймет.

— Поймет! Я все ему объясню. Сама, в конце концов, виновата, не послушала тебя.

Я от комментариев воздержался. Поживем — увидим.

— Идем, я провожу тебя к шатру.

— Маркус. — Позвала Астор пол минуты спустя.

— Что?

— Я сама должна выбирать того, кто... любого?

— Да.

— И как это должно быть?

— Просто, назовешь имя Мудрейшей, она его известит. Никто не имеет права отказаться.

— Даже ты?

Я улыбнулся:

— Да.

— Хорошо. — Тихо промолвила Астор и мы, наконец, добрались до шатра, завершив тем самым третий круг вокруг стойбища.

Утром ко мне в шатер ворвался граф. Сказать, что он был в ярости, значит не сказать ничего. Но чего-то подобного и следовало ожидать. И того, что объяснятся, придется тоже мне, Астор благоразумно старалась не попадаться на глаза батюшке. Понимала, что гнев его праведный, но исправить уже ничего нельзя.

— Этого нельзя допустить! — Только переступив порог, взорвался де Энакер. — Это же варварство!

Ну что ж, его можно понять.

— Сядьте, — посоветовал я, протягивая ему, кубок с вином, — сядьте и послушайте. С Астор ровным счетом ничего не случится. А ваши бессмысленные предрассудки только усугубят ваше положение.

— Да как вы можете оправдывать подобную варварскую дикость?! — Набросился на меня граф.

Подобное отношение признаться задело меня за живое.

— Это традиции моего народа граф, и мне плевать, как вы к ним относитесь. Но вашу бестактность я еще могу простить. Агррами к моему великому сожалению менее терпимы.

Надеюсь, вы понимаете, что ссора с ними равносильна самоубийству? Возвращаться к мосту мы не можем, нас там ждут. Остается единственный выход: тайная тропа горцев. Я, конечно, пользовался ей прежде, и не раз. Но без помощи агррами я вас там не проведу. Так что подумайте Галатон, маленькая шалость Астор уж всяко не страшнее смерти. — Уф вот это речь!

Де Энакер понял: выбора нет.

— Бес бы вас побрал Барс!

— Я ему не по зубам.

— Очевидно, — раздраженно буркнул граф и удалился.

Вслед за де Энакером пришел второй посетитель в появлении, которого сегодня я мог бы и не сомневаться. Мудрейшая — кхати, самая старая и самая мудрая женщина племени. Всего их обычно три, по числу летних стойбищ.

Как водится, меня опять кто-то выбрал. Много веков назад мне нравилось участвовать в этом обряде, сейчас я отношусь к этому философски больше как к еще одной обязанности перед племенем. И нечего сетовать на чрезмерную популярность коли сам создал такую репутацию. Делаю я это, естественно, не ради славы, а по чисто прагматическим соображениям. Бывает, я отсутствую так долго, что успевает смениться целое поколение, и вот чтоб меня не забыли, приняв в последствии за обычную легенду, при каждом посещении приходится поддерживать образ "духа племени, того, кто всегда возвращается". Иначе было бы очень обидно, однажды вернуться домой и обнаружить, что тебя туда не пускают. Это вообще неприятное чувство: стать чужим в месте, которое тебе дорого.

Стойбище агррами. День Женщины. Барс.

День женщины всегда более торжественен, и легкомыслен, что ли, чем день Мужчины. Может быть, это потому что юноши готовятся к своему обряду гораздо основательней и серьезней, как уже взрослые мужчины, им не к лицу детские визг и шалости.

А девушки, они цветут в свой день, веселы и беззаботны. Смеются, щебечут как воробьиная стайка, и в притворном смущении опускают ресницы, встречая на своем пути гордых после прохождения обряда парней.

Это красиво, как любой праздник жизни. Идиллия!

Сегодня все так же как было год назад, или пятьдесят, или пять сотен. Как было всегда.

Здесь, недалеко от стойбища есть пещера, очень давно вырубленная в скале специально для обряда. Она знакома мне до последней трещинки на стене, сколько поколений молодых девушек побывали здесь. Сколько раз я вот так же сидел на мягком ковре, из шкуры медведя дожидаясь очередную претендентку? Не сосчитать.

Но здесь хорошо, спокойно. Пещера маленькая, тем не менее, уютная, вход завешан тяжелым пологом, на стене чадят факелы. Тишина. Располагающая обстановка чтоб размышлять и ждать. Жду.

Снаружи послышались осторожные, едва уловимые слухом шаги, чуть нервное дыхание. Полог откинулся и в пещеру ворвался сноп солнечного света. Несколько мгновений после этого я полуослепнув, мог разобрать лишь тонкий стройный силуэт.

Девушка приближалась, робко ступая босыми ногами по ковра. И вот, наконец, она остановилась посреди пещеры и скинула покрывало.

Кажется, я моргнул, или у меня отвисла челюсть. Все демоны Бездны, давно у меня не было такой идиотской физиономии как в этот миг! Астор, ведь должен был догадаться! Кого тут кроме меня она еще знает?

Это было, наверное, довольно глупо, я смотрел на нее полный немого восхищения, а Астор отчаянно краснела под этим взглядом. Я напомнил себе, что не имею права заглядываться на клиента, я вроде должен защищать эту девочку, а не влюбляться. Но восхитительная фигурка в отсветах факельного огня неизменно притягивала взгляд. Совершенство!

Астор стала уж совсем пунцовой, я, пожалев ее, таки отвел взгляд и внезапно понял, что испытываю к этой милой и хрупкой девушке сильнейшие чувства, но, тем не менее, она вовсе не привлекает меня как женщина. Скорее я люблю ее...как сестру! Как младшую сестренку, которую хочется лелеять и оберегать всеми силами. Не сказал бы, что это открытие меня поразило, кажется, я испытывал эти чувства уже с первого мига нашего знакомства, но почему-то очень удивило, что понял это только сейчас.

— Оденся. — Наконец спохватился олух, девушка ведь ждет!

Ловким и быстрым движением она подхватила с пола покрывало, накинула на плечи и пошла к выходу. Но уже у самого порога остановилась и тихо спросила:

— Я прошла испытание?

Вообще-то отвечать на такой вопрос не положено. Даже не, потому что это тайна, просто так заведено, но я не задумываясь, утвердительно кивнул.

— Спасибо! — Астор змейкой выскользнула из пещеры.

Похоже, мое хваленое самообладание, нажитое веками, опасно трещит по швам. Впрочем, не будем себя обманывать, какое у меня ко всем демонам самообладание? Я всю жизнь подчинен импульсу и сиюминутным решениям. И все же, девочка серьезно выбила меня из колеи. Это ж надо! Похоже, стареешь приятель. Я хмыкнул. Что для ках-аа-лу тысяча лет? Детский возраст? Пожалуй, они меряют жизнь тысячелетиями, как люди годами. Я наполовину человек, меряю иначе — столетиями.

Хм, что-то меня заносит. Определенно нужно посетить свое старое убежище, прямо сейчас. Оно всегда помогает упорядочить дикий разброд мыслей, периодически возникающий в моей голове. В очень сумбурной голове.

Здесь, недалеко от этого плато есть место, куда хожу только я. Это пещера, точнее целый лабиринт пещер и коридоров, к которым ведет очень узкий проход. Добраться туда довольно просто, однако горцы не знают об этом. По двум причинам: во-первых, это место священо, а значит запретно. Когда-то, очень давно на склон горы упал Небесный Огонь, (метеорит), пробил гигантский кратер, который и обнажил вход в пещеры. Там до сих пор лежит странная, правильной круглой формы глыба, иногда она гудит не хуже чем ревущее ущелье, только очень печально, будто этот странный метеорит сожалеет о далеких мирах, которые видел когда-то. Кажется, он свалился в Нитские горы еще в дни моего детства, а то и гораздо раньше.

Вторая причина, по которой агррами не знают о пещерах — заклятие. Когда армия моего отца была разбита, а Энхард захвачен и разгромлен, я бежал в горы к родственникам отца. Это было единственное спасение. Но мне, честно говоря, в тот момент было плевать, я не хотел бежать, я не хотел спастись. Все потеряно, знакомый мир разрушен, а я был молод и категоричен. Но я должен был исполнить последнюю волю отца. Он хотел, чтоб его прах остался на родине предков. Я выполнил обещание не более того.

Тогда я, должно быть, искал то, чего не может быть в этом мире. Я ушел на запретный склон, в логово Небесного Огня. И нашел то, чего не может быть. Я сидел в пещерах целые сутки и слушал, как стелет каменный пришелец об утраченных мирах, что-то в этих звуках было близкое, понятное. Он тоже один, чужой. И он всегда притягивал меня.

Так появилось мое тайное убежище. Я оставил там урну с прахом отца. Тогда же горцы впервые узнали настоящего зверя — Ото'о Ша. Они приписали это к влиянию Небесного Огня, что было почти правдой. Еще одна красивая легенда.

Тогда же я раздобыл у одного выдающегося мага до гениальности простое и в то же время весьма действенное заклинание. И наложил его на пещеры. Действует заклинание довольно оригинально, окутывает пространство пещер непроницаемой сферой влияния, словно бы изымая их из реальности. Этого убежища просто не существует не для кого кроме меня, оно вне времени. Зато внутри время навсегда застыло, все, что находится в пещере, не поддается его разрушительному влиянию. А там накапливается все больше и больше... памяти.

Музей памяти — вот как я это однажды назвал. Первыми его экспонатами стали те

крохи, что мне удалось собрать за годы от когда-то разрушенного Энхарда. Портреты и дорогие сердцу вещи, что-то, что напоминало о юности. Потом стало появляться то, что оставалось от друзей и близких, этикие маленькие сувениры многое могущие рассказать о своих владельцах. Вскоре это переродилось в своего рода коллекционерский интерес. Где бы я ни бывал, всегда старался прихватить с собой что-то на память о местах и людях, которых я любил. Наверное, теперь моя коллекция представляет собой не малую историческую ценность, но я не променяю ее не на какое золото мира. Золото у меня впрочем, тоже есть, весьма древнее.

В пещеру никто кроме меня не может войти, мою память вижу только я. Я прихожу в свой музей всегда, когда мне нужно собраться с мыслями, когда возникают проблемы, когда чувствую себя совсем чужим среди людей... Или просто когда хочется вернуться.

Я всегда возвращаюсь. Сюда.

Стойбище агррами. Логово Небесного Огня.

Она делала глупость. Она чувствовала, что делает настоящую глупость, идя за ним. Но когда делаешь уже вторую глупость за один день, остановится все трудней. И главное не хочется. Поэтому Астор упорно продолжала идти вслед за Маркусом. А он — вот удивительное дело! — этого совсем не замечал, наверное, был уверен: туда за ним никто не пойдет, даже местные жители. Астор знала об этом, ей сказали, в логово Небесного Огня ходит только Снежный Барс. Простым смертным нечего делать в священном месте.

Естественно Астор не послушалась, просто сил нет, как она хотела знать его тайну. Маркус шел домой, это она видела. По настоящему домой, туда, где не ждешь никаких бед. Он разом утратил присущую ему звериную настороженность, расслабился как кот, пригревшийся на солнышке. Здесь просто не могло никого быть, здесь никогда никого не было.

Они спустились в гигантскую воронку. Маркус шел уверенно, не оборачиваясь, но Астор даже дышать боялась, чтоб ненароком не выдать себя. Она видела, как Барс подошел к странному, неестественно круглому на вид валуну.

— Здравствуй Странник. — Промолвил он, мимолетно касаясь валуна рукой.

Вдруг, словно ниоткуда, казалось бы, в глухом, монолитном камне появился вход в узкий лаз. Маркус не раздумывая, нырнул в него. И Астор последовала за ним подстегиваемая каким-то тревожным любопытством, заставляющем в бешеном ритме стучать сердце и постоянно совершать глупости.

Лаз оказался узким и жутко неудобным. Приходилось то и дело пригибаться, а иногда и ползти на четвереньках. Совершенно непонятно как Маркус с его широкими плечами и немалым ростом умудряется, передвигается здесь с такой скоростью. Астор приходилось следовать за ним, ориентируясь лишь на странный звук (цокот?), хотя вряд ли она заблудилась бы, непонятный звук похожий на цокот когтей по камню довольно четко указывал, куда следует свернуть.

Все же туннель оказался довольно длинным, устав от такого не слишком удобного передвижения девушка слегка приотстала, и тут же звук, который ее вел, утих. Однако испугаться Астор так и не успела, впереди замерцал слабый свет, и она поспешила к нему.

Выскользнув из узкого лаза на достаточно свободное пространство, девушка едва сдержала возглас изумления. То, что предстало ее взору, было восхитительно, настоящая сказочная сокровищница. На стенах горят факелы, пол устлан огромным ковром, в котором ноги утопают по щиколотку. Пещера была невероятно велика, на вырубленных в ее стенах нишах расставлены разнообразные вещи, развешаны картины портреты, гобелены.

Маркуса нигде не было и Астор, позабыв о всякой осторожности, принялась с восторгом разглядывать собранные в чудесной пещере сокровища. О, здесь воистину было на что посмотреть!

Вот лежит копье с серебряным наконечником и древком, испещренным искусной

резьбой, явно ритуальное оружие, таким невозможно сражаться. Рядом статуэтка барса из яшмы, вся ценность в ней разве что эстетическая, но все равно завораживает, почти как живой зверь. И большой гранитный бюст женщины неземной красоты. Трехгранная ваза по пояс человеку из диесского фарфора, на каждой из граней выпуклая маска-лицо. Два незнакомых и одно... Маркуса! Диесцы славились тем, что для своих изделий делали слепок с оригинала, но уж полтора века как их больше нет.

И вокруг было несметное количество подобных вещей: статуэтки и гравюры, статуэтки из драгоценных камней или простого дерева, пергаментные свитки, толстые фолианты в кожаных переплетах с жуткими магическими знаками на потемневших обложках. Портреты и гобелены, изображающие баталии глубокой древности. Холсты с морскими сражениями или чудесными замками. Почти на всех были даты, самые разнообразные.

Внимание Астор привлекла отдельная ниша. Она была чем-то особенная, словно бы самая важная здесь. В этой нише не было того яркого разнообразия, что в остальных, но чувствовалась в ней некая давняя, почти пережитая печаль. Может быть, именно эти предметы, наконец, позволят узнать тайну Маркуса де Энхарда.

Астор подошла ближе. На каменном постаменте с угрюмой, одинокой величием возвышалась урна. В таких когда-то хранили прах древних королей. Рядом с урной лежали лишь две вещи: тяжелый золотой венец — символ власти — и меч.

На стене две картины: портрет странно красивой женщины с зелеными волосами и глазами мало похожими на человеческие, и вдобавок с острыми маленькими клыками, которые делают ее улыбку почти завораживающей. Фантазия ли это художника или он рисовал с натуры?

Вторая картина, похоже, изображает поле битвы. На переднем плане двое людей на гарцующих от нетерпения конях. Первый мужчина средних лет, высокий, широкоплечий, в богатых доспехах и алом плаще. В руке меч, точно такой же что лежит возле урны с прахом. И тяжелый венец на голове.

Человек рядом совсем молодой, но ничем не уступает старшему: тоже доспехи и плащ, на белой как снежная вершина голове венец, только чуть проще и более тонкий. Громадный двуручный меч воздет в приветствии, смутно знакомый меч. Так изображают королей и их наследников перед знаменательной битвой. Для потомков. Внизу стояла дата, этой картине не менее тысячи лет.

Астор вновь устремила взгляд на предполагаемого принца древности. Уж больно знакомым он казался, только вот чуточку приглядеться и можно узнать. И она узнала. Но не может такого быть, Маркус!!

Астор не увидела и даже не услышала, а скорее почувствовала опасность, отшатнулась в сторону. И спустя миг на то место где она только что стояла, мягко приземлился крупный зверь — барс.

Астор испуганно вскрикнула и прижалась к стене, от страха не в силах понять, что же теперь делать. Но барс почему-то вовсе не спешил нападать снова. Вместо этого он сел на ковер и склонив голову на бок, уставился на девушку. Астор тоже смотрела на зверя и боялась даже лишний раз вздохнуть. И ей становилось все страшней, потому что взгляд у него был хоть и звериный, но какой-то по-человечески осмысленный. Чем больше она смотрела в эти глаза, тем сильнее они напоминали ей Маркуса. У него вот такие... кошачьи глаза. Как-то сразу приходили на ум легенды агррами о "Снежном Барсе, который всегда возвращается". А еще растерзанные явно хищником тела Посланников тьмы. Астор еще сомневалась, в здравом ли она уме предполагая подобную чушь, но тут барс спросил-прорычал:

— Зачем ты пошла за мной?

Астор смутилась, все вышло как-то неловко, а придумывать оправдания ей не хотелось. Самой бы себе объяснить, зачем она за ним пошла.

— Ладно, — прорычал барс, по-кошачьи растягиваясь на пушистом ковре, — я не сержусь.

Астор почувствовала, что ноги ее не держат, и тоже опустилась рядом. Похоже, испугалась она слишком сильно.

Некоторое время они молча изучали друг друга, наконец, она решилась спросить:

— Маркус... это правда, ты?

Зверь мгновение поколебался и кивнул.

Астор не смогла сдержать улыбки, этот жест выглядел так забавно в его исполнении.

Барс вопросительно смотрел на девушку.

— Ты такой, — она чуть не сказала милый, но в последний момент исправилась, — забавный. Можно мне?... — Астор запнулась, ей уже ничуть не было страшно. Разве можно бояться Маркуса, даже такого? Но она вдруг почувствовала смущение от своего странного желания погладить этого большого, пушистого кота, пусть даже на самом деле он опасный хищник.

"Забавно, — тем временем думал Барс, — все женщины, которые видят меня таким или визжат от страха, удирают без оглядки и обзывают демоном. Или испытывают непреодолимое желание погладить как обычного кота. Первых, к большому сожалению, подавляющее большинство".

— Можно. — Разрешил он.

Астор запустила руку в густую шерсть. Через несколько минут она запоздало сообразила что Маркус, такой сильный, грозный и всегда надежный как скала — вообще гроза убийц и заступник слабых — сейчас с удовольствием подставляет шею ее пальцам, наклоняет голову, когда она чешет за ухом. И едва ли не мурлычет блаженно зажмурившись.

Астор смущенно убрала руку.

— Что? — Снежный Барс лениво приоткрыл один глаз.

— Ничего... просто это так непривычно. — Она смутилась еще больше, не зная как объяснить.

— Ты только не обижайся ладно? За время путешествия я так привыкла, что ты всегда собран, насторожен, даже злой немножко, и... непробиваем как камень. Я все пыталась понять, а теперь... — Астор вновь растерянно замолчала, злясь на себя за то, что так и не смогла ничего внятно объяснить.

Однако он все понял.

— Пойдем, устроимся поудобней. — Предложил Барс. Они разместились в центре ковра, словно на зеленой лужайке, напротив друг друга. Вообще в пещере витала некая атмосфера домашнего, давно обжитого уюта.

— Тебе кажется, я всегда должен быть сильным и безжалостным? — Спросил Барс как бы в продолжение темы. — Но так не бывает, поверь мне девочка. Каждый прячется под толстой скорлупой от окружающего нас жестокого мира. Но я ведь живой Астор, хоть и наполовину, но все же человек. Мне тоже, как и всем иногда хочется, куда-то вернуться. Это тоже дом и я его люблю. А иногда хочется...

— Ласки? — Внезапно догадалась Астор, и все как-то сразу стало на свои места. И она даже не заметила, что снова незаметно для себя запустила руку в густую мягкую шерсть, но в этот она ее не одернула, наоборот улыбнулась.

— Да, — наконец после долгого раздумья согласился он, — всему живому иногда хочется ласки. К тому же я зверь. А зверю — ему в этом отношении всегда проще.

— Извини, теперь я понимаю. Просто иногда очень трудно избавиться от дурацких иллюзий. Я глупая, да?

— Девчонка! — Фыркнул Барс.

Астор весело прыснула в кулачок. Маркус бы, наверное, тоже засмеялся, если бы звери умели смеяться. Им было весело и уютно, незаметно текла беззаботная беседа. Астор спрашивала, зачем нужна эта пещера заполненная диковинными вещами. Маркус охотно рассказал. Объяснил действие наложенного на пещеру заклятия, и почему из-за замершего времени здесь годами горят зажженные факелы или, например не черствеет оставленный столетия назад хлеб. И вещи оставленные здесь неподвластны времени, не рассыплются от

старости и даже не запылятся.

— И люди?

— Наверное. — Подумав, согласился Барс.

— Что же тут совсем нет времени? — Усомнилась Астор.

— Только в этом маленьком пространстве, на большее заклатья просто не хватит.

— Здорово: музей памяти в пространстве безвременья... Звучит? Маркус, а что это за женщина изображена на портрете? Она красивая... почему у нее зеленые волосы?

Барс проследил за ее взглядом. Какое-то время он молчал, словно вспоминая что-то, потом ответил тихо:

— Это моя мать. А волосы у нее зеленые, потому что она змея... была.

Астор конечно заметила, что у женщины на портрете помимо необычного цвета волос еще и совсем нечеловеческие глаза, как у рептилии. И все же ее удивило подобное отношение.

— Нельзя же так говорить о собственной матери!

— Ты не поняла, — развеселился Барс, — она действительно змея, кобра. Ну-у... как я, например барс. Огромная кобра. Это вторая форма, у каждого она своя. На самом же деле мы такие... не люди, не звери, нечто среднее. Вот как на портрете.

— Ага! — Догадалась Астор. — Это я уже видела, у тебя тогда глаза светились, ну клыки там когти. И еще лицо такое... дикое что ли.

— Точно, — согласился Барс, — это моя истинная внешность, без притворства. Не страшно?

— Ничуть! — Фыркнула девушка. — Лучше скажи, почему ты выбрал именно это место?

— Тут никогда никого не бывает, сюда не приходят люди. Но в основном из-за Странника, он еще более одинок, чем порой бываю я.

— Этот странный валун?

— Это метеорит. Посиди немного тихо, и ты услышишь, как он стонет.

Астор замерла, и действительно спустя какое-то время услышала звук. Нет, это был, не плач или стон в человеческом понимании, но была в нем такая неизмеримая печаль, что нестерпимо захотелось пожалеть этот странный валун, прилетевший с далеких звезд. Просто сердце щемило от глубины нахлынувших чувств.

— Иногда мне кажется, что этот метеорит таит в себе какую-то необыкновенную жизнь. — Тихо промолвил Маркус. А это был именно Маркус, а не зверь. Астор поняла это, когда густая шерсть под пальцами сменилась удивительно мягкими как у ребенка волосами. Девушка с затаенным сожалением отняла руку, почему-то эти волосы хотелось гладить даже больше, а еще очень хотелось положить его голову себе на колени и смотреть в большущие зеленые глаза. Они умеют быть такими мягкими, и такими жестокими...

Астор вздохнула и погнала от себя неожиданно бесстыдные мысли.

— Ты, наверное, прав, не может бездушный камень издавать такие звуки.

— А может он живой?

— Камень? Не знаю. — Девушка пожала плечами, вновь прислушалась. — Все же, мне кажется, он страдает как узник.

— Мне теперь тоже, — Маркус в миг оказался на ногах. — Давай освободим его!

— Как?

— Расколом метеорит.

Астор не стала повторяться, два "как?" это уже плохой тон. Вместо того она просто кивнула:

— Давай.

Маркус взял то самое странное копьё с серебряным наконечником и резным древком, внимательно осмотрел его и удовлетворенно кивнул.

Астор недоумевала: каким образом он собирается этой штукой разрушить метеорит? Этой игрушкой разве что пальчик поцарапать. Впрочем, Маркус, наверное, знает что делает.

Они почти одновременно выбрались наружу. С некоторым сомнением воззрились на Странника: а получится ли?

Маркус задумчиво взвесил в руке копьё. Обманчиво безобидный вид этого оружия не позволял распознать в нем настоящую мощь. А ведь в нем укрыта сама сила разрушения. Когда-то Маркус раздобыл это копьё в сокровищнице великого шамана, за что тот очень осерчал. К сожалению, освободить мощь разрушения можно лишь трижды. Два раза копьё уже было использовано. Впервые, когда ему пришлось спасти жизнь себе и своему отряду. Тогда на горной дороге на них сбросили огромный осколок скалы, и негде было укрыться. Копьё превратило гранитную глыбу в мелкий песок.

В другой раз мощь разрушения применялась в куда более мирных целях. Маркус с его помощью немного обустроил свою пещеру.

И вот сейчас предстояло расколоть Странника. Маркус колебался, не жаль было последнего удара копья, но Странник... Чем бы он ни был, пусть даже обычным камнем, но Барс все равно за эти годы очень привязался к нему. Как знать, не пострадает ли Странник? Маркус положил руку на его удивительный гладкий бок.

— Скажи мне, что ты есть Странник. Помоги понять, чтоб я сделал правильный выбор.

И он ответил, глухим протяжным гулом. Но в этом звуке слышна была не печаль, а безграничная надежда. Надежда, которую способно испытывать лишь живое, чувствующее существо, каким бы оно не было. Последние сомнения развеялись.

Маркус со всех сил вонзил копьё в круглый бок космического пришельца. Несколько долгих мгновений ничего не происходило, казалось серебряный наконечник каким-то чудом, пробивший камень так навеки и застрял в нем. И вдруг, с каким-то тихим зловещим треском от копья вверх и вниз стремительно побежали глубокие трещины. Серебряный наконечник рассыпался в прах, освобождая бесполезное древко, но это уже не могло остановить разрушения. Трещина шустрой змейкой бежала по поверхности метеорита, и он словно окаменевший орех раскололся две половинки.

Астор выглянула из-за спины Маркуса, но рассмотреть, что-либо не удалось. Вместе они ждали, пока осядет густое облако каменной пыли. И, наконец, они увидели: из пустой скорлупы метеорита в воздух взвилось нечто похожее на рой маленьких светлячков. Мириады ослепительно-синих искр на первый взгляд беспорядочно кружились вокруг одной точки. Однако вскоре в этом шевелении начел вырисовываться некий понятный образ. И вот над изумленными наблюдателями зависло нечто напоминающее то ли простыню с глазами, то ли светящуюся рыбу-ската. Это странное создание становилось то плотным, почти материальным, то вновь распадалось на искрящийся рой и едва уловимо перетекало мерцающими волнами.

— **Благодарю.** — Не услышали, скорей ощутили плавную, словно шелест волны мысленную речь Маркус и Астор.

— Всегда, пожалуйста. — Ответил Маркус слегка растерянно. Странник и в самом деле оказался живым существом, или существами?

— **Вы освободили меня от десяти тысячелетнего плена. Я благодарен вам за это. Я провел в этом мире лишь десятую часть времени от своего заточения, но оно было наименее одиноким и тяжелым для меня. Я слушал твои мысли Маркус, я видел свет твоими глазами. И теперь, когда я могу, вновь вернусь в холодные объятия бескрайнего космоса, я унесу память об этом мире с собой** . — Речь Странника сопровождалась яркими телепатическими картинками, от которых просто захватывало дух.

— Неужели ты уже уходишь? — Огорчился Маркус. — Скажи хотя бы, кто ты есть!

— **У меня нет имени, которое можно было бы произнести человеческим языком. Но ты можешь звать меня, как и прежде: Странником, это, наверное, будет наиболее близким по смыслу обозначением.**

— Жаль, что мы так быстро расстаемся Странник, но я рад, что ты теперь свободен!

— **Мне тоже... жаль.**

Маркус неожиданно понял, что последняя заминка вызвана тем, что странник

определял правильность выбранного слова. Неужели за тысячелетия заточения он забыл, что такое сожаление? Или его эмоции настолько чужды человеческим, что ему с трудом удастся подобрать правильное определение? Тем удивительнее, что страннику действительно было жаль.

— *Я так давно забыл, что такое друг, ты напомнил мне. Очень... грустно, что мы не сможем больше общаться. Я благодарен вам обоим за спасенье. Однако остаться здесь я не могу, мой народ способен существовать лишь в космическом вакууме. Притяжение планеты убивает меня. Но общение с тобой, ранее и сейчас, глубокое проникновение в ваш разум позволило мне узнать многое, что я унесу с собой.*

— В таком случае счастливой тебе дороги Странник! — Искренне пожелал Маркус.

— *И вам того же. Ну что ж, пора, иначе мои энергетические поля будут разрушены в атмосфере планеты. На прощанье я хотел бы сделать вам небольшой подарок — возможность слышать друг друга.*

— Но мы и так хорошо слышим. — Возразила Астор.

Маркус лишь недоуменно пожал плечами. Напутал что-то Странник.

Обоих словно бы окатило волной дружеской насмешки.

— *Мне не нужно производить звуки, чтоб ваши несовершенные приборы слуха восприняли мои сообщения. Я открою вам возможность ментального общения, вы еще поймете, как много это может дать. И еще, Барс я вернул твоему оружию то, что оно отдало, разрушая мою темницу. Возьми его с собой, пригодится. Моя частичка навсегда останется с вами, прощайте друзья!*

Стрела ослепительно-синего пламени яркой стремительной вспышкой пронзила небесный купол и исчезла где-то в бескрайних космических просторах.

Маркус с легким сожалением поднял лицо к небу, крепко сжал резное древко копья, которым освободил Странника. Оно было целое, будто бы серебряный наконечник копья несколько минут назад не рассыпался в пыль. *Мы тебя не забудем, Странник*, — подумал он, провожая глазами пушистые облачка. И словно бы легкий бриз в голове проскользнула чужая мысль голосом Астор:

— *Он нас тоже не забудет. Он обещал...*

Только теперь они в полной мере осознали, ЧТО за подарок оставил им пришелец с далеких звезд. Он дал им возможность проникать в разум друг друга, проникать так глубоко как не смог бы даже самый сильный и опытный маг. В самые сокровенные уголки сознания, которые зачастую человек прячет даже от самого себя. Это был чудесный и в то же время весьма опасный дар. Полностью обнажить душу даже перед самым близким человеком, которому безоговорочно веришь это тяжкое испытание, которое способен выдержать далеко не каждый. А видеть насквозь друг друга и не иметь даже малейшей возможности утаить хоть какую-то мысль...

Не сговариваясь Маркус, и Астор решили впредь, больше никогда так глубоко не раскрываться друг перед другом, а использовать вновь обретенные способности исключительно лишь для телепатического общения. Тем более что мысленные передачи оказались очень приятными и образно куда более богатыми, чем обычная речь.

— *Пойдем обратно*, — предложил Маркус, — *уже поздно, твой отец наверняка волнуется.*

— *Идем.* — Согласилась девушка.

Маркус передал Астор копье, а сам вновь обернулся в барса. Сейчас ему почему-то было гораздо легче в этой форме. Быть зверем гораздо проще нежели человеком. Зверь чувствует и думает иначе, и не о чем, как правило, не жалеет.

Уже приближаясь к плато, на котором уютно приютилось стойбище, они заметили царящее там нервное возбуждение. Горцы, и немногочисленная охрана графа дружной толпой высыпали на окраину селения и тревожно вглядывались в запретный склон, а так же в тропу, ведущую к нему. Пойти по ней, конечно, никто не решился. Да смельчака — если бы такой нашелся — и не пустили бы. Логово Небесного Огня всегда избегали, а теперь,

когда этот самый Огонь синей пламенеющей стрелой взмыл в небо, агррами и вовсе не знали чего ждать: страшных бедствий, или новых чудес? Они были твердо уверены, что это великое знамение. Ведь чудеса просто так не случаются.

Наконец-то Астор и Барса заметили. Незнакомые с легендами агррами гости ринулись спасать госпожу от дикого зверя. Никто даже и не заметил, что госпожа даже и не пытается защищаться от одного зверя, держа в руках копьё. Горцы естественно не позволили переполошенной графской охране напасть на барса. Еще не хватало сердить защитника племени, когда тот возвращается из священного места.

Сам же Барс, не дожидаясь развязки, скрылся за камнями, оставив девушку на попечение встревоженных людей. Понятно ее тут же засыпали вопросами большинство, из которых Астор попросту не понимала, по причине банального не знания языка.

Наконец вождь Агэдо призвал всех к порядку, и сам взялся задавать вопросы:

— Ты ходила к Логову Небесного Огня?

Астор не сразу поняла, что он имеет в виду, но с запозданием утвердительно кивнула.

— Мы видели, как в небо умчалась огненная стрела. Ты знаешь, что случилось? Это был Небесный Огонь?

— Да, — ответила девушка, — он улетел.

— Куда?

— Домой. — Астор задумалась, как объяснить горцам то, что она и сама не вполне поняла: — Темница что удерживала его здесь, была разрушена, и Небесный Огонь улетел домой, туда, где темно.

Горцы поняли это по-своему. Для них представлялось естественным, что свет отправился туда, где его нет, чтоб светить во тьме. Все правильно.

Однако вождь таким объяснением не удовлетворился.

— Ты сказала темница, — спрашивал он, — что за темница? Кто выпустил Небесный Огонь?

— Большой валун, там, в котловане. — Принялась по порядку рассказывать девушка: — Ото'о Ша расколол его как ореховую скорлупу.

Астор не поняла, почему огорченно загалдели люди, отчего задумчиво умолк мудрый вождь.

— Значит Ото'о Ша больше не будет возвращаться к нам? — Спросил кто-то растерянно. На него тут же шикнули грозно.

— Обязательно будет, — убежденно заверила Астор, смотря куда-то поверх толпы, — ведь это его дом!

Многие стали оборачиваться, чтоб проследить взгляд девушки. Но там просто стоял Маркус и невозмутимо наблюдал за этим шумным сборищем. Астор пошла ему на встречу и толпа с молчаливым почтением расступилась.

Маркус коротко усмехнулся, принимая из ее рук волшебное копьё.

Граф и его немногочисленная охрана потерянно наблюдали за этой странной суетой. Для них так и осталось тайной, с чего собственно начался весь переполох. Де Энхард же, единственный кто мог хоть что-то толком объяснить, лишь загадочно улыбался в ответ на все вопросы.

Маркус де Энхард.

Я уже, признаться, начал привыкать к тому, что это путешествие чрезвычайно богато разнообразием событий. Впрочем, скажите мне, когда было иначе, и я засмеюсь вам в лицо. У меня ампула такое ввязываться в самые странные, самые сложные дела. А уж если все это началось с моего дня рождения... Однако происшествие со Странником меня, честное слово ошеломило. Иными словами стукнуло по голове.

Почти всю свою сознательную жизнь я приходил к пещере, разговаривал со Странником. Подозревал, что он в какой-то степени разумен, но чтоб вот так! Оказалось, он

все слышал и чувствовал! Такие сюрпризы преподносит порою жизнь. С другой стороны приятно думать, что где-то в бескрайней космической тьме есть звездный Странник, который помнит наш мир. И меня, которого назвал другом. Но об этом знаем лишь мы с Астор, большинство же людей и не подозревают о том, что небо вовсе не твердый хрустальный купол над миром. А *ТАМ*, за пределами существует еще что-то. Возможно, где-то в других мирах Странник встретит ках-аа-лу, странный народ, к которому принадлежит моя вторая половина...

Я чувствую, что после подарка Странника во мне что-то изменилось. Скажем так: я стал острее чувствовать окружающий мир, словно бы он стал богаче, насыщенней иными, не доступными прежде тонами. Так, словно я постоянно немного зверь, у которого органы чувств гораздо чувствительней, чем у человека. Некое шестое чувство, что заранее предупреждает о приближении живого организма, сейчас я стал "слышать" еще острее. Можно не трансформируясь идти по следу, словно ищейка, прежде подобное мне было доступно лишь в шкуре барса. Но как все возрастает после превращения! Не одному зверю не достичь подобной чуткости, не перепрыгнуть через себя и отмеренные природой возможности. Но как такое получилось со мной? И что это, еще одна сторона подарка Странника?

Впрочем, все эти размышления сейчас не более чем разминка для ума. В данный момент меня больше занимает потайная тропа, ей уже много лет никто не пользовался. Надо все хорошенько обследовать и наверняка кое-где придется разбирать завалы. К тому же нужно подобрать хороший отряд из надежных ребят, скоро кончится Неделя Свадеб, и мы отправимся дальше.

Праздничных дней осталось всего-то три, точнее вечера. Самые веселые и непредсказуемые. Стараюсь такие мероприятия не пропускать, а то когда еще доведется попристутствовать? С моей шальной жизнью определенно не скоро...

Весь день, как и планировалось, я провел не скучно, вдоль и поперек облазил потайную тропу. И признаться увиденное мне не очень понравилось. Похоже, и в самом деле тут кроме меня и не ходил никто, а это было ох как давно. Кое-где, как и ожидалось, обнаружились небольшие завалы, почти проходимые, но это "почти" мне и не нравилось. В целом потайная тропа прибывала в том состоянии, что я и ожидал. Не то чтоб легка и удобна для путника, но, в общем, преодолима... с некоторым трудом. Придется, немного помучиться, но что поделаешь? Иного выбора-то нет. Можно все-таки надеяться, что Посланцы таки прекратят осаду моста. Но я-то знаю: эти гады фанатично упрямы. Никуда они не уйдут. С другой стороны потаенная тропа дает некоторый шанс на время скрыться от их наблюдения. Так что — посмотрим.

Промотавшись так весь день, вечером я, наконец, как и обещал, заглянул к Агэдо.

— Идем на празднество? — Спрашивает вождь, подмигнув мне заговорчески. — В этом году оно будет особенно веселым, ведь Небесный Огонь вновь загорелся!

Эх, хорошо он меня знает, слишком хорошо! Что не пропущу веселья перед отъездом, и что уеду скоро неизвестно на какой срок — тоже знает. И не увидимся, возможно, больше. Потому как вернуться я могу и через пять лет и через пятнадцать, а то и все пятьдесят... если доживу.

А праздник действительно превзошел все ожидания. Большой костер весело трещал, выбрасывая в звездное небо яркие искры, ночь обещала быть теплой и мягкой.

Молодежь самозабвенно кружилась вокруг бушующего пламени, с радостным визгом вертелись детишки под ногами. Те, кто постарше просто сидели маленькими группками и благосклонно наблюдали за весельем младшего поколения. Вино и угощения ходили по кругу.

Юноши устраивали соревнования кто сильнее и кто ловчей, красуясь перед юными красавицами. Эти три вечера пары будут находить друг друга, чтоб связать свою жизнь. Или разбегутся каждый по своим дорожкам после празднеств. А другие и вовсе будут лишь играть, отдавая дань традиции. Но вот если после таких "игр" у кого-то появятся дети,

наказание будет строгим. Играйте, да не заигрывайтесь.

С другой стороны, если бы все законы у агграми были так строги, племя бы давно выродилось. Не даром же я периодически привожу в эти замкнутые от всего окружающего мира горы людей долин. Без сомнения Ю не смотря на любые строгости закона через девять месяцев после нашего отъезда среди смуглых от рождения темноволосых карапузов нет-нет, да и появится белокожий и светленький. Такова жизнь, и вождь, конечно, закроет глаза на нарушение заветов. Он ведь тоже понимает опасность вырождения.

Мы с Агэдо и де Энакером наособицу тоже наблюдали за весельем. Потягивали, не торопясь, молодое вино и тихо переговаривались. На душе было тепло и хорошо. Вокруг шумно, суетно, но все равно хорошо. Вождю племени всегда выделяется особое место, чтоб хорошо было видно священное пламя. Ну и родичу вождя и по совместительству народной легенде, понятно, тоже. Так что начавшийся обряд выбора нам было великолепно видно. Это совсем не то, что обряд совершеннолетия, в нем не участвует мудрейшая и он больше похож на игру. Юноши и девушки рассаживаются вокруг костра напротив друг друга и поочередно указывают на своего избранника, тот может отказаться или выбрать другого. Главное взаимное согласие. Все это, как и положено молодежным играм сопровождается веселым смехом и взаимными подначками. По-своему забавное зрелище.

Среди молодежи я заметил и Астор, девчонка успела выучить несколько слов на горском и ни в чем не отставала от сверстников. Горцы принимают ее как свою, она общалась с Ото'о Ша в его зверином воплощении и видела Небесный Огонь. Для этих людей она почти святая. К тому же Астор девочка весьма симпатичная и пользуется у горячих горцев немалым успехом. Правда она пока не спешила соглашаться на предложения, а время выбирать самой еще не пришло. Будем надеяться, она и не выберет никого. Не хочется мне опять объяснять графу, что традиции нарушать никак нельзя.

Соединившиеся пары одна за одной отходили в сторонку образуя еще один круг у костра. Претендентов оставалось все меньше.

Вот и настала очередь графской дочки. Она поднялась, окинула внимательным взглядом ожидающих юношей.

— *И не думай даже!* — Вполне серьезно предостерег я.

— *Как скажешь.* — Кротко согласилась Астор, поворачиваясь ко мне.

Ох, и не понравилась мне ее улыбка! Но сделать уже ничего не успел, девчонка произнесла ритуальную фразу:

— Аэ кла'а данэ (я выбираю тебя).

Над площадью повисла гробовая тишина, народ, затаив дыхание, ждал эпохального события.

Теперь мне остается ответить то же самое или отказаться. В мои намеренья входило второе, к всеобщему разочарованию.

— *Или ты, или кто-то из них!* — Мысленно пригрозила Астор.

Шантажистка! Ну и что мне оставалось? В Бездну, все равно придется с графом объясняться! Не скажу, что очень уж рассердился, но с этой девчонкой мы еще всерьез поговорим!

— Аэ кла'а данэ. — Ответил я хмуро ритуальной фразой. Под восторженные вопли толпы взял девушку за руку и усадил рядом с собой.

Астор победно мне улыбнулась, бандитка маленькая! Я, к сожалению вовсе не разделял ее энтузиазма.

— Ты что вытворяешь?

— То, что и все! — Невинно хлопает ресницами.

Или она затеяла все специально или всерьез не понимает что делает. В последнем я почему-то сильно сомневаюсь. Что за напасть на мою голову!?

— Еще раз устроишь, что-нибудь подобное...

— И что будет? — С искренним любопытством поинтересовалась она.

— Выпорю как напроказившего ребенка. Ясно?

— Да мой принц!

— А-астор...

— А что не принц разве? — Такое неподдельное удивление, и снова ресницами хлопает. А взгляд такой чистый-чистый, невинный-невинный.

У-у-у!.. Сердится я не смог, пришлось очень постараться, чтоб не выпустить на волю смех.

— Не принц, герцог... Да что ты мне зубы заговариваешь!?

— Я!? — Астор прильнула к моему плечу, машинально обнимаю ее за талию. У меня еще очень много слов на эту тему, но предпочитаю оставить их при себе.

Граф к моему искреннему огорчению идею отмолчатся, не посчитал удачной. Конечно, хотел знать, чем обернется очередная проказа дочери.

— Может, кто-нибудь, объяснит мне, что происходит... снова?

— Ваша дочь шутить изволит граф. И весьма неудачно. — Это уже к Астор.

Девочка даже глазом не моргнула.

— Это ведь только игра. Мы же будем притворяться. — Она заглянула мне в глаза. — Правда, ведь Маркус? К тому же мы скоро уедем...

О Бездна Холоса! И опять ей все объясняй, а что скажет де Энакер?

— Астор ты знаешь кто я здесь?

— Ну... тотем племени, а что?

Я порадовался, что Агэдо уже ушел, он бы непременно отпустил парочку язвительных замечаний по поводу этой дурацкой ситуации.

— Астор я не просто тотем племени, я символ этого народа... По нашим законам ты теперь моя наложница. А, учитывая случившееся в логове Небесного Огня тебя теперь посчитают избранной родить наследника.

Девочка мучительно покраснела. Граф же, наоборот, в гневе стал белым как снежные вершины.

— Маркус я, правда, думала, что это игра. Ну, мы же можем притвориться? Я переночую в твоём шатре, повесим перегородку из ковра, и все думают, что что-то было. Это ведь не обязательно то, что ты сказал?!

На лице и в мыслях я сохранял строгую серьезность, хотя если честно было не просто сдерживать улыбку.

Де Энакер из гневно-бледного стал багровым.

— Спокойно. — Предотвратил я назревающий взрыв. — Через три дня мы уезжаем, а до того будем изображать близкие отношения. Агррами не такие уж дикари, поймут. А теперь признавайся, кто тебя надоумил?

Астор виновато потупилась. Ну, точно без чьей-то подсказки не обошлось. Я даже догадываюсь чьей.

— Мы поспорили с Шает. — Призналась она. — Я сказала, что выберу тебя, и ты согласишься. А Шает сказала, что я не одна такая умная, еще ее прабабушка...

— Все ясно. — Прервал я, не желая развивать тему о прабабушках. Вместо этого пообещал вполне искренне. Обеим: — Выпорю паршивку!

— Значит все в порядке? — С надеждой спрашивает Астор. И улыбается мне, этак кротко.

— Все далеко не в порядке, — продолжаю напускать на себя грозный вид, — но об этом мы поговорим отдельно. А теперь изобрази подобающую улыбку и марш в мой шатер... вешать перегородку! И вы граф не хмурьтесь. Не покусая я вашу дочь, хотя ей-богу стоило бы!

Возмутиться де Энакеру как следует, мы не дали времени. И хорошо, думаю, завтра он будет злой как дюжина бесов.

Астор весьма старалась создать уют в моем просторном шатре. Со всей тщательностью перегородила его на две половины. Мы вместе устроили вторую постель. В общем, все было в порядке, она демонстративно выполняла все мои распоряжения. Безропотно легла спать,

хотя снаружи все еще шумел праздник.

Я стоял у входа в шатер, слушал, как она тихо дышит, устраиваясь поудобней, шуршит мягкими шкурами постели. Заходить пока не хотелось, надо было подавить навязчивое желание глупо хихикнуть. Смех так и булькал в горле, но приходилось держать марку. Я сердит, я оч-чень сердит! Воспитательная работа чтоб ей!

Если честно проказы этой шальной девчонки меня забавляют. Хорошая девочка. Неуправляемая, но, в самом деле, хорошая. Милое создание с живым характером. Таких всегда хочется защищать, спасать от всяких страшных бед.

В шатре затихло. Я прислушался. Видимо Астор уж уснула. Тем лучшее... Постоял еще пять минут и вошел внутрь.

Спать не хотелось. Даже не, потому что еще довольно рано... Просто не хотелось.

Время шло, а я просто бесцельно пялился в узорчатый потолок. Без мыслей, без эмоций, так от нечего делать. Мысли были пустые и бессмысленны как ветер в вершинах гор. Звуки снаружи постепенно затихали вытесненные ночной тишиной. Совсем близко во сне тихо дышала Астор. Вот ее дыхание стало немного неровным. Затем едва различимый шорох. Наверное, девочка ворочается во сне.

— Маркус ты спишь? — Тихий голосок совсем рядом едва не заставил подскочить на месте. Настолько привык чувствовать девочку рядом что и не почувствовал как она подкралась.

Астор не могла видеть меня в полной темноте, только слабо различала силуэт. Зато для меня это все равно, что сумерки, все отлично было видно. И то, что видно...гм! Тонкая ночная сорочка была насквозь прозрачна и демонстрировала всю соблазнительность юного девичьего тела.

Не к месту пришла мысль, что Астор все это с самого начала задумала. Я отогнал эти мысли, хотя бы, потому что сейчас следовало думать совсем о другом.

Астор наклонилась ко мне, довольно откровенным движением скользнула тонкой ладонью по моей груди, соблазнительно, хотя и не очень умело прижалась всем телом.

Я поспешно отстранился.

— Астор что ты делаешь?

— Я хочу быть с тобой. — Она потянулась ко мне губами.

Пришлось крепко взять ее за плечи и держать на расстоянии.

— Девочка я слишком стар для тебя. Ты понимаешь, какую ошибку совершаешь?

Она попыталась поймать мой взгляд, страх и сомнения что так тщательно скрывались внутри, сейчас в полной мере отразились на ее лице.

— Я только... — Астор вздрогнула и как-то вдруг обмякла.

Я усадил ее рядом, накинул на плечи пушистое одеяло. Глупенькая маленькая девочка, она всерьез думает, что любит меня. И решившись на такое безрассудство, она спрятала свой девичий страх поглубже. Не столь уж трудно было бы мне помочь ей совершить эту непоправимую ошибку. Но я-то знаю, что это всего лишь увлечение юности, которое со временем пройдет. Астор считает себя уже взрослой, мечтает о романтических чувствах, о близости с любимым мужчиной. Какая девушка в ее возрасте не мечтает о подобном? Но она не понимает, что я люблю ее совсем иначе, как можно любить младшую сестренку. И боюсь, она еще не скоро это поймет.

Астор дрожала, закутавшись в одеяло. Безрассудство, обычно толкающее на необдуманные поступки, ушло и ей, сейчас было стыдно и страшно. Все тревоги и страхи ясно проступали сейчас в ее растерянных мыслях. В моих же лишь понимание.

Подарок Странника не самая удобная штука, порой откровенность только вредит, но сейчас это было самое то.

Мы сидели и молчали, я ласково гладил девушку по волосам. Слова были не нужны все и так понятно.

Время шло, Астор начинала клевать носом. Я ждал, когда она уснет чтоб отнести в постель.

— Маркус, — позвала она, — пожалуйста, сделай для меня кое-что.

— Что? — Тихо спросил я.

— Если тебе не трудно... изменись.

— Зачем? — Слегка удивился я.

— Я хочу побыть с тобой, только... ну так нам обоим будет проще.

Я мысленно обозвал себя идиотом! Мог ведь и раньше догадаться. Когда я стану зверем, все действительно будет проще. А главное, будучи зверем, я не буду напоминать Астор о той ошибке, которую она едва не совершила, а теперь отчаянно стыдилась. Все же девочка воспитана в лучших традициях аристократических семей и ей было не просто переступить через себя.

Я поспешил трансформироваться, ведь это и в самом деле мне не трудно.

Астор свернулась калачиком на моей постели, я устроился, рядом согревая девушку своим пушистым мехом, и горячим дыханием. Вскоре она ровно засопела, сжимая кулачком густую шерсть на моем загривке. "Как ребенок с мягкой игрушкой" — подумал я с мысленной улыбкой и тоже уснул.

Астор-Сай де Энакер.

Утро подкралось незаметно, да и не утро уже вовсе. Как мне кажется, до полудня осталось не так уж много. Легко спать долго, когда знаешь: наутро тебя никто не поднимет с первыми лучами солнца и не посадит на коня с таким непреклонным "надо ехать" что никто не смеет возразить. Да, он так может...

Он.

От одной только мысли плакать хочется. О великие боги как я себя вчера вела! Я забыла о законах морали и чести. Я наплевала на гнев отца. Что Маркус обо мне подумал!? Нет, он все понял, понял даже лучше меня и уберег!

Может это и к лучшему? Я наивно думала, что провести ночь с любимым человеком это так романтично. Мне было страшно, но разве это не нормально бояться в такой ситуации? Но ведь я уже взрослая, он сам признал мое совершеннолетие. Наивная дуручка! Наверное, все просто должно быть не так.

Маркус уберег мое достоинство лучше меня самой. Это даже хорошо, он заботится обо мне. Он знал, что чувствую я, и не позволил мне совершить непоправимую ошибку. Еще раз, он все время бережет меня. Я благодарна Маркусу за все это, за то, что не позволил поддаться соблазну. Но однажды я верю, у нас все это будет! И он не оттолкнет меня, мы будем любить друг друга без всяких глупых ловушек, что я пыталась подстроить вчера. И не правда, что он стар для меня. Какая разница сколько этому удивительному существу лет, тысяча или больше? Маркус все равно самый лучший, и я люблю его!

Однако какая ирония судьбы о боги! Вот он рядом со мной в одной постели. Услышал бы эти слова отец, я даже боюсь представить, чтоб было! И смешно мне и грустно до слез.

Можно было еще долго гонять одни и те же мысли по кругу. Они текли плавно и бессмысленно, не было никакого желания вставать с постели. Постыдная лень, но я ничего не могла с собой поделать, постепенно начала впадать в легкую дрему. Однако судьба вновь не позволила поддаться даже столь малому соблазну.

Снаружи послышался знакомый голос. Слов я не разобрала, но я и так поняла: отец деликатно спрашивает разрешения войти в шатер. Нужно было, откликнуться, но вместо этого я тревожно замерла. В какой-то момент пришел бредовый страх, что вот сейчас отец войдет и сразу догадается о моих вчерашних замыслах. О том, что едва не опозорила его любимая дочь. И не гнева его я боялась, тот страх ушел еще вчера. Что с того, если б отец накричал на меня? Нет, разочаровать я его боялась больше всего на свете!

Но отец, конечно, не ушел, как я надеялась, не дождавшись ответа, он нерешительно откинул полог и вошел в шатер. Смущенно откашлялся и вновь позвал меня.

Молчать больше не было смысла.

— Я здесь.

— Астор, дорогая! — Обрадовался отец. Я слышала шаги, он обходил развешенный мной вчера ковер.

— Ты так долго спала дорогая, я уж решил, не заболела ли... — Он не договорил, потому что моя постель неожиданно зашевелилась, и, ощерив в широком зевке клыки, на все четыре лапы встал громадный, ослепительно белый барс.

Я только сейчас поняла, насколько он невероятен. Не бывает барсов таких неправдоподобных размеров, и не бывает шкуры такого чистого белого цвета, если только зверь не альбинос. Но ведь Маркус вовсе не альбинос!

Отец шатнулся, было в сторону, потом ко мне. И замер в великом изумлении, не зная, то ли испугаться за меня и немедленно ринутся на помощь, то ли не двигаться, чтоб не усугублять ситуацию. Ибо я, не осознавая того, крепко схватила барса за шею обеими руками. Не знаю зачем, возможно хотела спрятаться за ним, таким большим и сильным.

Понадобилось несколько мгновений, на то чтоб Маркус со сна оценил обстановку. Он невозмутимо сел, очень вежливо попросил меня мысленно перестать его душить. Я быстренько убрала руки с его шеи. Не думаю, что мне под силу придушить такую зверюгу, но, наверное, не очень удобно, когда на тебе кто-то висит.

Ситуация надо заметить сложилась просто бредовая. Отец по прежнему не двигался, находился в полном замешательстве и не знал, что по этому поводу предпринять. Маркус же между тем демонстративно делал вид, что все в порядке. По кошачьи потянулся, продемонстрировав угрожающего калибра когти, издал басовитое мяу.

Отец опасливо посторонился, когда большой зверь невозмутимо обошел его, одарив нарочито безразличным взглядом. Мол, я хищник, но пушистый и домашний. Так и ушел, даже не обернувшись.

Я едва не прыснула со смеху.

— Кто это? — Слегка ошарашено спросил отец.

Я недоуменно улыбнулась.

— Барс, если не ошибаюсь.

— Да? И что он здесь делал?

— Спал, полагаю. — Абсолютно честно ответила я. Понадеялась, что не придется объяснять, откуда в моей постели вообще взялся зверь. И не моей кстати... Да дела! И мне в голову вдруг пришла такая сумасшедшая отговорка, какая могла появиться лишь в этой бредовой ситуации: — Он теплый и пушистый, а ночи здесь холодные...

— Понятно. — Кивнул отец и от удивления даже не подумал, как это абсурдно звучит. — Вставай, солнце уже высоко. Снаружи великолепная погода.

— Конечно, я немедленно встаю.

Отец сообщил, что подождет на улице, и вышел.

Я не сдержалась, нервно хихикнула ему в след.

А оставшиеся до отъезда дни мы с Маркусом благочестиво делали вид, что той ночью ровным счетом ничего не случилось. Впрочем, и не случилось же.

Баронство Гсент. Предмесье Шевроз. Город Кирж.

Граф давно здесь не бывал и теперь с немалым трудом узнавал мало знакомые места. К тому же въезжать в Кирж по этой дороге ему прежде не доводилось. Надо заметить, что де Энхард говоря о трудности пути, ничуть не преувеличивал. Потаенная тропа действительно оказалась настоящим испытанием. Некоторые молодые горцы из их провожатых, по-видимому, вообще не знали о ее существовании. Только несколько бывалых охотников да сам Маркус уверенно шли, вперед ведя за собой отряд.

Граф же первое время признаться сильно сомневался в здравости этой затеи, и возможности преодоления этого, с позволения сказать, пути. Зажатая меж двух отвесных скал тропа с опасными участками, на которых запросто можно переломать ноги или

сверзится в пропасть, внушала благоговейный ужас не только графу, но и большинству его людей. Им, не привычным к горным высотам, было очень не по себе меж двух каменных исполинов, угрожающе нависших над головой. И все же, несмотря на все тяготы пути, они таки спустились в долину, и даже, на удивление, без потерь.

Граф продолжал недоумевать, каким образом ловким горцам удалось провести коней там, где не всегда удавалось пройти человеку, это и впрямь походило на чудо. Еще большие чудеса эквилибристики демонстрировал Маркусов Шторм. Он ни на шаг не отставал от хозяина, и, тем не менее, прекрасно чувствовал себя на горной тропе. Гатлиец одним словом, чудная порода, выведенная с помощью магии. Недаром они так ценятся. В том числе и за собачью — не свойственную лошадям — преданность.

Но вот, наконец, перед ними предстали белокаменные стены Киржа. Граф был несказанно этому рад. Конечно агррами весьма гостеприимный и жизнерадостный народ, однако привычные городские улицы сейчас были почему-то более приятны. Но Маркус и Борн с Ортоном все более мрачнели, смотрели по сторонам прицельно — настороженно. Причину этих перемен можно было легко понять. Они покинули спокойное и недоступное для врагов стойбище агррами, впереди ждала сложная и небезопасная дорога. И вся ответственность ложится на телохранителей. В частности, на де Энхарда, признанного всеми лидера этой экспедиции.

Горцы обещали проводить отряд до границы Шевроз. Это успокаивало, конечно, впрочем, граф по-прежнему продолжал слегка беспокоиться. Не за себя конечно, за дочь. Астор, бедной девочке придется и дальше терпеть все эти ужасы. Де Энакер знал, что никогда не простит себе, что не смог уберечь дочь от всего этого зла. А ведь так верил раньше, что сможет обеспечить девочке беззаботную юность.

Впрочем, Астор-то как раз и не боялась, граф заметил, она уже давно перестала бояться. Это тяжело — долго бояться. А может быть, на нее так действовало присутствие де Энхарда. Моментами, когда бывало совсем трудно, Энакер замечал какие взгляды дочь бросала на своего бессменного телохранителя. Она, видимо, думала, что этого никто не замечает, но граф был еще не столь стар, и не так беспросветно глуп. Это молодость, все пройдет, только бы не наделала глупостей.

Тревога... Куда ж она денется, тревога за родное дитя? И стараешься сберечь, оградить, сделать так, чтоб потом не было больно. Не очень у него это получается, как не старайся. Благодарение богам граф не один в своих стараниях. Де Энхард не меньше отца опекал Астор, и граф был благодарен за то, что тот делал это так. А ведь мог бы вести себя и по-другому. Порой де Энакер замечал взгляды, которыми они обменивались, долгие задумчивые. Так смотрят те, кто знает друг о друге больше чем можно сказать словами. Так смотрят чем-то близкие люди. Что-то в этом было... Граф пытался осторожно расспросить Астор, но не получил вразумительных ответов, только путанные отговорки. Настаивать же не решился, зная свою дочь, мог быть уверен, что ни к чему хорошему это не приведет. Оставалось лишь приглядывать за ней. Как и любому отцу в такой ситуации.

Маркус придержал коня, чтоб поговорить с графом, размышления пришлось отложить на потом.

— Въедем в город, держитесь поближе к Борну и Ортону. Ни в коем случае не теряйте их из виду и не отрывайтесь. — Произнес он, хмуро посматривая на городские ворота. Какая поразительная перемена! Еще в горах де Энхард был совершенно другим человеком, спокойным и беззаботным. А теперь опасно натянутая сталь арбалетной тетивы.

Де Энакер посмотрел на остальных. У всех воинов столь же настороженные и сосредоточенные лица. И горцы недовольно смотрят на приближающийся город.

Маркус поймал взгляд графа.

— Халай обещал проводить нас до границы с Шеврозом. Потом они вернутся обратно.

— Полагаете, нас так быстро выследят?

— Не знаю, — Барс пожал плечами. — Впрочем, город... в большой толпе может многое случиться. Мы больше не в безопасности.

— Понимаю, — де Энакер кивнул, — мы не знаем, откуда ждать удара.

— Именно. — Маркус поднял взгляд на стражей у ворот с любопытством разглядывающих разношерстный отряд. Они действительно выглядели необычно. Агррами въезжают в город — это понятно, они иногда спускаются с гор, чтоб поторговать с жителями равнин. Да и то такое случается не часто. А эти так и вовсе не купцы, воинский отряд, явно охраняют кого-то, причем даже не своих соплеменников. Это уж, в самом деле, небывалое зрелище.

— Слишком мы заметны. — Будто озвучивая общее мнение, вполголоса проговорил да Энхард.

Граф тем временем заплатил положенную пошлину и они, наконец, въехали в узкие улочки Киржа. Здесь было многолюдно и шумно, как и в любом не самом маленьком городе. Граф припомнил, что неподалеку от Южных ворот, через которые они как раз въехали, должна быть рыночная площадь.

Кирж город небольшой, однако, всегда громкий и суетный, настоящий муравейник. Ибо служит неким перевалочным пунктом на основном торговом пути, и имеет свой порт, хоть и речной. Город живет в основном за счет торговли. Купцы с доброй половины соединенного королевства пересекают Кирж, и многое из провозимых товаров, так или иначе, оседает здесь.

Граф бывал в этом городе еще в дни своей молодости, но в отличие от окрестностей, которые он не узнавал, город совсем не изменился. Будто время обходило его стороной.

Отряд немного поплутал по улицам, завернул на рынок и, в конце концов, вышел к небольшой шестиугольной городской площади. Солнце медленно ползло к горизонту, розовило камень белых стен вечерней зарей. Пора было искать место для ночлега.

Борн с Ортоном нагнали де Энхарда.

— Куда теперь? — Поинтересовался Борн.

Все взгляды, конечно же, устремились на де Энхарда. Так повелось, что он всегда единолично принимал решения, и теперь уже никто не усомнился в его способности знать все. Маркус, однако, не соизволил ответить. Граф решил внести свое предложение:

— Не знаю как сейчас, но лет двадцать назад неподалеку отсюда располагался вполне приличный постоялый двор.

— Да, — кивнул Маркус, — я знаю это место. "Приют путника", в двух кварталах от площади. Можно посмотреть, вдруг он все еще стоит.

Граф уже перестал удивляться тому, что такой молодой с виду парень порой начинает походить на географический справочник с историческим уклоном. Впрочем, подозрение, что он много старше тех двадцати, на которые выглядит, неторопливо перерастали в уверенность. Это же подтверждало поведение Борна, уж он-то, казалось бы, вовсе не обязан, беспрекословно подчиняться какому-то юнцу. Но он не возразил ни разу, скорее наоборот. Ко всему прочему, некоторые события в стойбище агррами наводили на определенные размышления.

Впрочем, де Энакер не стал понапрасну забивать себе голову. Вместо бесполезных подозрений попытался вспомнить, как двадцать лет назад выглядел "Приют путника". Кажется, в те годы это было небольшое двухэтажное здание, с нарядно выкрашенным фасадом. Заведение хоть и не слишком богатое, но всегда аккуратное и чистое. А какие там простыни! Какие перины!

Нужную улицу нашли без труда. Однако когда подъехали к искомому месту замерли пораженные (по крайней мере, граф и де Энхард точно). От прежнего небольшого уютного постоялого двора не осталось и следа. Теперь на его месте высилась большая — в четыре этажа — домина, с широкими окнами и замысловатой лепниной по фасаду. И только название, удивительно этому особняку не подходящее осталось прежним: "Приют путника" — гласила вывеска над входом.

— Да-а, дела... — Маркус задумчиво обзрел особняк. — Давненько я тут не бывал.

Они всей оравой въехали во двор гостиницы, сразу же образовав небольшое

столпотворение.

Де Энхард подозвал выглянувшего из конюшни парня.

— Эй, малый, давно построили эту махину?

Парень недоуменно посмотрел на странную компанию, и все же ответил:

— Пятнадцать лет уж как стоит.

— Действительно давно... — Негромко пробормотал Маркус. — А хозяин кто?

Теперь уж парень смотрел на гостей как на совсем уж полоумных.

— Известно кто, старая госпожа Вада.

Получив такой ответ, Маркус довольно хмыкнул, и спешился первым. Помог Астор.

— Идемте господа, здесь мы хорошо отдохнем.

Граф с величайшим облегчением покинул седло. Его немолодые кости радостно предчувствовали долгожданную мягкую перину и свежие простыни. Какое это неописуемое удовольствие. Особенно после нескольких ночевки в горах под открытым небом.

Баронство Гсент. Город Кирж.

Они ввалились в гостиницу всей пестрой толпой, уставшие и пыльные с дороги. На улице уже стемнело.

Внутри было тихо и не слишком людно.

Хорошо одетые в основном достаточно обеспеченные люди сидели за уютными аккуратными столиками и неторопливо ужинали. Кое-где обсуждались дела. Все выглядело чинно и очень культурно. Сразу было видно, что в этой гостинице давно останавливаются лишь люди с определенным уровнем достатка.

На новых посетителей взглянули с легким любопытством и тут же забыли. Они, конечно, слегка не вписывались в общую обстановку, ну так что такого, люди долгое время провели в дороге. Нередко аристократы берут в дальний путь и охрану. Ну а горцы недалеко от Нитских гор никого особенно не удивляли. Мало ли по какой причине они решили присоединиться к чужому отряду. В остальном же эти посетители были самыми обычными.

Они устроились за свободным столиком. Большинство агррами перекинувшись парой слов на своем языке, покинули зал. Видимо пошли проверить лошадей.

К новым посетителям поспешил метрдотель, невысокий щуплый человек возраста чуть старше среднего. Маркусу его лицо показалось смутно знакомым. Кажется, он работал тут еще до превращения простого постоялого двора в гостиницу.

— Что угодно господам? — Поинтересовался метрдотель, согнувшись в учтивом поклоне.

— В первую очередь ужин, конечно. — Ответил де Энхард. — И комнаты конечно, желательно рядом.

— Сию минуту.

— Погоди...э-э... Ханс, кажется? Так вот Ханс, еще горячую ванну для леди, и...

— На заднем дворе есть летний душ для охраны, — понятиливо кивнул Ханс.

— То, что надо. — Обрадовался Маркус. Желание смыть с себя пыль было довольно ощутимым.

— Ужин немедленно подадут, — сообщил метрдотель. — И прошу прощения... господа агррами, какие комнаты предпочитают, обычные для охраны или?...

— Н'хе? — Спросил один из горцев.

— Наэ те'тшен лэт. — Ответил де Энхард.

Горец улыбнулся и отрицательно качнул головой.

— Ау те'тшен. Вэ чет фану.

Барс кивнул, сообщил терпеливо ожидающемуся метрдотелю:

— Он говорит не нужно комнат, у них палатки. Надеюсь, задний двор у вас достаточно просторен?

— Э-э, да-а. Да, конечно, но... я должен спросить у хозяйки.

— Спроси, — милостиво разрешил де Энхард, и, не удержавшись, хмыкнул. Если это и впрямь была та, Вада которую, он знал, то она не откажет даже в такой странной просьбе. У Вады всегда был один серьезный пункт — постараться сделать так чтоб КАЖДЫЙ посетитель остался доволен.

Он, конечно же, не ошибся. К ним стремительной походкой рассекая зал, направлялась высокая пожилая женщина, рядом спешил коротышка — Ханс.

— Значит, горцы говоришь? — Негромко спрашивала женщина (впрочем, Барсу с его слухом и этого хватило). — И кто еще?

— Ну...как обычно, аристократ какой-то, с дочерью, охрана. Еще парень такой здоровенный как гора, беловолосый. На горца чем-то похож. Телохранитель кажется.

— Беловолосый? С большим мечом?

— Да-а...

— Интересно, — раздумчиво произнесла Вада и, остановившись напротив де Энхарда, принялась его откровенно невежливо разглядывать, не обращая никакого внимания на остальных гостей. Маркус делал то же самое. Казалось, они соревновались, кто первый не выдержит такого демонстративного внимания. Разговор за столом утих сам собой. Всем стало любопытно. Наконец хозяйка гостиницы улыбнулась:

— Ни чуть не изменился шельмец!

Маркус вернул ей улыбку, поднялся, чтоб предложить даме стул.

— Зато ты похорошела дорогая.

— Лъстец, — польщено хмыкнула Вада, — не смущай старушку.

— Это кто ж тут старушка?! — Не притворно возмущился Барс.

— Да ладно тебе, — махнула рукой женщина. — Хорошо, что заглянул, давно не виделись. — Она, наконец, обратила внимание на его спутников, лицо стало серьезным. — Но я вижу, ты не просто так пришел проведать старую подругу. Опять дела, да? Значит ненадолго. — Вада вздохнула. — Конечно, место для палаток твоим друзьям найдется. Теперь комнаты. Охрану как я понимаю лучше поселить на том же этаже что и их подопечных, и желательно, чтоб там больше никто не жил. Четвертый этаж я, пожалуй, смогу полностью освободить, там сейчас всего два постояльца, правда, в нескольких комнатах еще не закончен ремонт... ну уж, как-нибудь. Я все правильно поняла? — Она вопросительно посмотрела на Маркуса.

Тот только руками развел. Сколько лет прошло, а Вада еще не забыла тех времен, когда он останавливался в "Приюте", (еще том старом, обычном постоялом дворе) с целыми толпами самого разнообразного народа. Хорошие то были деньки. Вада, конечно, постарела, но все по-прежнему помнила.

В такие моменты, когда Барс встречал старых друзей, медленно увядающих, под гнетом возраста, а он навсегда оставался двадцатилетним юнцом, в такие моменты он начинал ненавидеть свое проклятое долголетие. Но Маркус всегда старался побыстрее избавиться от подобных пагубных мыслей. Тем более Вада из тех редких людей что никогда не жалеют о прожитых годах. То, что тебе было дано — твое, а на остальное не зарься. Таков ее жизненный принцип. Маркус знал: близкая старость этой женщины будет благородной и полной достоинства.

Ну а он сам... он как стихийное бедствие. Налетел, наделал шума и исчез в неизвестном направлении. Надолго, возможно навсегда. И, поди, узнай, может, его уже прибили за ближайшим углом, с него станется. Иногда Маркус все же объявлялся, но конечно вовсе не для того чтоб навестить старую подругу. Вада это знала, но отнюдь не обижалась. Ибо так же знала: Барс существо неугомонное и задержаться где-либо надолго просто выше его сил, а уж если такое случается, то грозит большими проблемами. Для кого грозит — вопрос отдельный. Как, например, случилось тридцать лет назад, тогда за его спиной остались горы трупов и жуткая слава разрушителя храма Холоса.

Что ж, Вада никогда не пыталась удержать Маркуса, никогда не ждала. Но он непременно появлялся, и она была ему рада. Наверное, это и есть настоящая, крепкая

дружба.

Когда все постояльцы давно уже разошлись по своим комнатам и легли спать, когда сонные и усталые слуги закончили положенную вечернюю уборку, Маркус еще долго сидел с Вадой в укромном скромно обставленном кабинете. Они разговаривали, но вовсе не вспоминали былые времена. Потому что и так помнили, каждый свое. В данном случае Маркус просто надеялся получить кое-какие сведения. Вада, всю свою жизнь пробившая хозяйкой постоялого двора, а теперь и вполне уважаемой гостиницы, повидала множество разных людей. Для каждого у этой женщины находилось немного времени пообщаться, и потому она всегда знала самые свежие новости, сплетни и слухи. Барс знал, что для Вады это занятие нечто вроде хобби — собирательство новостей. И он всегда бесстыдно этим пользовался. Сейчас его интересовало графство Шевроз. Вада, как всегда, не разочаровала.

Граф де Шевроз был немолодым, но весьма энергичным человеком, жена его умерла десять лет назад от какой-то неизлечимой болезни. Повторно он так и не женился. И прямых наследников у него не было. Однако были племянники: юная Астор-Сай де Энакер, дочь покойной сестры. И трое сыновей графа де Тальсара, старшего брата де Шевроза.

По мнению большинства знакомых Шевроз после смерти графа должен был унаследовать Яльмир, средний сын де Тальсара. Этому были две причины. Во-первых, Шоевроз непосредственно граничит с Тальсаром, и в последствии Яльмиру было бы легче вести дела со старшим братом, принявшим бразды правления из рук отца. К тому же из-за близости владений племянники часто общались с дядей и были им горячо любимы.

Вторая же причина заключалась в том, что де Энакер после смерти жены вообще не поддерживал связь с ее родственниками. С Тальсарами же и вовсе находился не в лучших отношениях. Естественно, что Астор никогда не знала своего дядю Годора де Шевроза.

Впрочем, сам граф на тот свет не спешил и о своем мнении на тему наследства не распространялся. Хотя все и так выглядело очевидным, ходили даже слухи о том, что он все же составил завешание в пользу Яльмира. Это косвенно подтверждалось тем, что молодой человек стал все чаще гостить у дяди. И тот конечно совсем не возражал. Однако за две недели до своей внезапной кончины де Шевроз тайно вызвал к себе нотариуса и переписал завешание. Об этом стало известно позже, когда новое завешание обнародовали, тогда же выяснилось что вопреки всем ожиданиям, своей наследницей граф сделал Астор-Сай де Энакер.

А умер граф де Шевроз довольно странно, внезапно, от сердечного приступа. Все бы ничего, да только его личный врач утверждал, что для такого возраста сердце у графа было на удивление здорово. Впрочем, возраст был все же преклонный, поэтому внезапный сердечный приступ без особых колебаний списали как раз на него...

— ...Это все что я знаю. — Закончила свой рассказ Вада.

Маркус всерьез задумался. Краткий обзор событий — хорошо. Однако что это дает? Пока не особенно много. Надо разбираться, продолжать думать. Чутье подсказывало ему, что в этом деле все далеко не так просто. Да еще эта странная смерть де Шевроза. В самом ли деле старик скончался по естественным причинам? Что-то уж очень это напоминает работу Посланцев.

— Что ты знаешь о Тальсарах? — Спросил Барс.

Вада помолчала задумавшись.

— Не слишком много, в основном слухи. Не всем из них можно верить. Однако и из Тальсара ходят торговые караваны... Начнем, пожалуй, с самого графа. — Она ненадолго замолчала, вспоминая что-то. — Эстебан де Тальсар. В основном о нем отзываются как об умном и справедливом человеке, хороший управленец. Однако чрезвычайно вспыльчив и безапелляционен в своих решениях. В последние годы он постепенно отходит от дел, предоставляя возможность заниматься ими старшему сыну. Тридцатипятилетний Седрик де Тальсар, судя по всему, в полной мере унаследовал горячность и опрометчивость отца. Тем не менее, многие называют его рассудительным и прозорливым, можно надеяться, что это компенсирует иные недостатки характера.

Средний сын — Яльмир совсем не похож на старшего брата. Отличается на редкость уравновешенным характером и расчетливостью, однако не самолюбив. И весьма общителен. Со старшим братом у него разница в четыре года.

И, наконец, младший: Бран де Тальсар. О нем мало, что можно сказать. Двадцать семь лет, говорят, что Бран очень замкнутый и необщительный человек. Всегда подчеркнуто вежлив и холоден с окружающими, даже с братьями и отцом. Имеет странное, по мнению многих хобби — изучение магии. — Вада перевела дух. — Вот, пожалуй, и все что я могу сказать об этой семье. Хотя есть еще кое-что, не знаю важно ли. Жена графа — Наэль — два года как сошла с ума, де Тальсар отправил ее в храм Милосердной Целительницы, это на границе Тальсара и Шевроза.

Да-а... Маркус долго ломал голову, пытаясь понять, кто из этих людей мог нанять Посланцев. Кто настолько ненавидит де Энакеров и жаждет заполучить Шевроз, что готов связаться с теми, от кого потом не избавиться до конца жизни. И конец этот может оказаться очень скорым. К тому же стоят услуги Посланцев Тьмы непомерно дорого, они хоть и фанатики, но отнюдь не идиоты, цену себе знают.

Если верить описаниям Вады (а она, конечно, не ошибается, но тоже знает все с чужих слов), то де Тальсары не очень похожи на обуреваемых завистью мстителей. За что мстить? Впрочем, учитывая подозрительную смерть де Шевроза, можно предположить что, некий субъект имел контракт с Посланцами еще до появления на сцене Энакеров. В таком случае этот некто давно разработал план, как завладеть Шеврозом. Очень тщательный и очень продуманный план. И появление неожиданной наследницы весь его разрушило. Так кто же этот хитрец?

Можно бы конечно заподозрить все семейство де Тальсаров, однако, несмотря на пресловутую вспыльчивость графа у того все же должно хватить здравого смысла, чтоб не связываться с фанатичными поклонниками смерти. К тому же не похоже чтоб в этом деле была задействована вся семья. Кто-то из сыновей? Возможно. Но старший тоже как-то не вяжется с этим делом. Он впоследствии получит собственное наследство, да и, судя по всему, так же прямолинеен как отец. Разумней всего было бы подозревать Яльмира, ведь именно он, если бы не Астор, должен был стать хозяином Шевроза. Но что-то уж это слишком очевидно, Яльмир перед смертью графа гостил у него, уехал буквально за час до того как тот скончался. Такой глупый ляп во всем хитроумно продуманном плане? Ну, уж это вряд ли. Действовать так чтоб никто ни о чем не догадался, помочь дядюшке скончаться от сердечного приступа, но сделать это так чтоб в случае прокола на тебя могли указать пальцем? В такие демонстративные ошибки Барс не верил. Ведь не мог же человек нанявший Посланцев всерьез предполагать, что этот факт не попытаются связать с внезапной смертью от сердечного приступа человека с совершенно здоровым сердцем, да ко всему еще тайное изменение завещания.

Кто же остается? Младший — Бран, личность самая загадочная. Видимых мотивов у парня как бы не наблюдается, но исключать его конечно тоже нельзя.

А если де Тальсары к этому делу не имеют никакого отношения? То есть совсем, не сном, ни духом? И этот вариант нельзя исключать.

Вновь прокрутив в голове все эти факты Маркус пришел к однозначному выводу: если до прибытия в Шевроз ситуация кардинальным образом не изменится он обязательно встретится с этим семейством. Иных подозреваемых все равно пока нет. Информации чересчур мало.

Оторвавшись, наконец, от размышлений де Энхард заметил, что Вада тихонько ушла, оставив его наедине со своими мыслями. А на улице уже глубокая ночь. Он рассеяно хмыкнул и отправился в свою комнату, надо хоть немного отдохнуть пока не подошла его смена дежурить.

Отряд покинул "Приют путника" ранним утром. Хозяйка, несмотря на ранний час, лично вышла их проводить. Маркус по привычке не стал прощаться, только обнял ее. Вада тоже помолчала. Просто помахала рукой в след. Уж не в первый раз он так уезжал. И

возвращался. Правда, очень нескоро.

Некоторое время они пробирались по городу к Восточным воротам. Кирж постепенно просыпался, заполняя лабиринты улиц народом. Маркус и Борн тревожно переглянулись. Оба прекрасно знали насколько сложнее охранять человека в толпе, и как непросто выделить потенциального убийцу среди множества обычных горожан. Оба рассчитывали покинуть город, до того как он затянет их в водоворот своих улиц.

Однако им это не удалось. Уже у самых ворот собралась такая толпа, что яблоку некуда было упасть. Отъезжающие, прибывающие, мелкие торговцы и нищие. Они создавали настоящий затор.

Ожидаемые неприятности не замедлили появиться с такой завидной стремительностью, что это едва не кончилось трагедией...

Толчея оказалась такой, что, несмотря на все старания телохранителей, отряд все же разделился, их просто оттеснили друг от друга. Граф, большая часть его людей и Маркус оказались на одной стороне улицы. Астор, горцы и остальные телохранители — на другой стороне, чуть позади. Барс хоть и доверял своим товарищам, но все же постарался не упускать из виду вторую часть отряда. Он может быть лишь на долю секунды раньше, чем Борн и Ортон заметили подозрительного нищего, что с редкой скоростью для такого хлипкого тела метнулся к юной графине. Де Энхард рванулся назад. Умный Шторм, не дожидаясь приказа хозяина, принялся продираться сквозь толпу, при этом не раз хватанув неосторожных прохожих своими крепкими зубами. Но, не смотря ни на что, Маркус чувствовал, что все равно опаздывает, оставалось лишь надеяться на своевременную реакцию Борна. Тот, в самом деле, заметил слишком рьяного попрошайку и не долго думая просто засветил тому пяткой в лоб. Нищий начал заваливаться назад, но в последний момент дернулся и каким-то чудом успел коснуться руки девушки. Астор вскрикнула, поспешно отдернула руку и... без чувств упала на гриву своей лошадки.

Маркус от досады едва не зашиб неосторожно оказавшегося на пути конника. Сердце сжало нехорошее предчувствие. Борн, скрипя зубами от злости, подхватил свою подопечную пока та не выпала из седла.

Им пришлось выбираться из толпы, чтоб отойти в сторону. Не все еще поняли, что произошло. Только Маркус осмотрел руку девушки и выругался, так что люди стали оглядываться.

— Яд. — Лаконично ответил он на вопросительно-тревожный взгляд графа. Увы, это действительно был яд, Барс сразу распознал его по тонкой синеватой жилке выступившей рядом с маленькой точкой прокола. Пока что эта "жилка" была не длиннее пары сантиметров, но она будет постепенно расти, пока не доберется до сердца. И тогда жертва яда погибнет, так и не придя в сознание. Примерно через сутки.

Барс был знаком с этим ядом не понаслышке. Растительный, длительного действия яд "марагон", или кровяночка. Таким пользуются лесовики Шимарги с островов Лос. Де Энхард не раз видел, как погибают от "марагона" и сам однажды испытал его действие на себе. И выжил лишь чудом в последний момент, приняв противоядие. Даже его устойчивого к большинству ядов едва не угробила это дрянь. Вся беда в том, что в этой местности противоядие "марагону" найти практически невозможно. Ингредиенты к нему тут такая же экзотика, как и сам яд.

Маркус еще раз ругнулся сквозь зубы и подал знак своим спутникам.

— Возвращаемся в "Приют". У нас еще есть сутки... — Он не договорил, заметив побледневшее лицо де Энакера. Граф только силой воли не допускал отчаяния.

Остальные мрачно молчали. Они не сделали своей работы и понимали, что виноваты.

— Может обыскать этого? — Борн кивнул на бесчувственного "нищего". — Вдруг все-таки...

— Сомневаюсь, — Маркус покачал головой, — но взгляни на всякий случай.

Обыскав убийцу, Тайвер нашел только маленький пузырек с бесцветной массой без запаха. Он хотел запустить палец в пузырек, но де Энхард остановил его.

— Не трогай, это "марагон". В больших количествах он впитывается даже через кожу.

Борн быстро закрутил пузырек и поднял взгляд на Барса.

— Что будем делать?

— Искать противоядие, — тихо ответил Маркус, — что же еще? Надеюсь, нам повезет.

Они двинулись обратно к недавно покинутой гостинице, постояльцы которой наверняка еще только начали просыпаться.

Вада встревожено встретила своих недавних гостей. А, увидев бесчувственную девушку с бледно-восковым лицом, сразу все поняла, всплеснула руками, немедленно приказала слугам приготовить носилки и позвать лекаря.

Маркус сел на крыльцо гостиницы, не обращая внимания на суету Вады и графа. На то, что остальные бессмысленно пытаются заняться, каким-нибудь делом лишь бы не болтаться по двору бесцельно. Барс прекрасно понимал, что надо что-то делать, время уходит. Но ему позарез нужно было подумать. Он хорошо знал рецепт противоядия, однажды самому приходилось делать. Но найти ингредиенты для него здесь — немыслимо! Впрочем, одна из составляющих уже имеется — сам яд. Даже две. И все же... Все же сидеть, сложа руки это тоже не выход, надо действовать!

Какая своевременная мысль! Маркус решительно встал и отправился собирать людей. Часть горцев он оставил у дверей комнаты Астор. И приказал ни при каких обстоятельствах не покидать пост. В комнату пускать только хозяйку гостиницы, а всех слуг тщательно проверять. Не хватало только сейчас еще, каких-нибудь неожиданностей. Впрочем, горцам Барс полностью доверял. Они лучше погибнут, чем подведут его.

Остальных он собрал во дворе. Оглядел людей и с некоторым удивлением обнаружил, что все они с нетерпением ждут его распоряжений, все хотят действовать — немедленно! Делать что-нибудь лишь бы не чувствовать себя такими беспомощными. Даже всегда невозмутимые горцы. Даже внешне расслабленные и безучастные Борн и Ортон. Их ничего, не выражающие глаза, вообще не выдавали чувств. Но, тем не менее... "Нет, — поправил себя Маркус, — я не увидел это на их лицах. Я почувствовал общее настроение своим новым то ли шестым то ли седьмым чувством". И это было хорошо, ибо впереди еще много работы.

— У нас слишком мало времени, — начал де Энхард свою речь, — и задача не простая. Сейчас я раздам всем списки препаратов, которые нам нужны, мы разделимся на группы по двое, и будем искать. Мы обязаны обшарить весь город. Особо обращайтесь внимание на травяные лавки, знахарей, вновь прибывшие купеческие корабли. Не скупитесь, граф не пожалеет денег за жизнь своей дочери. А теперь за дело! — Когда все начали расходиться, Барс окликнул Борна. — Пойдешь со мной.

Тот кивнул. Спросил кратко:

— Оружие?

— Бери, — кивнул де Энхард, — не стоит ходить по городу безоружными. Что-то мне подсказывает проблем впереди еще выше крыши... Ладно, идем.

— Куда?

— В порт. Я слышал, из Саудары недавно прибыл купец. Большой говорят любитель редкостей. — Заметив вопросительный взгляд товарища, Маркус вынужден был объяснить: — Есть один ингредиент, который вряд ли можно будет найти в городе даже за большую цену. Это цветок гетру, его трудно найти даже там где он растет. Гетру водится только в самых дебрях острова Лос. Уважающий себя любитель редкостей просто обязан иметь это растение.

— И ты думаешь, он продаст его нам?

— Очень на это надеюсь. Нам вообще-то нужен один цветок, а не все растение, но в этом-то и вся проблема. Гетру очень капризное растение, его трудно вырастить вне естественных условий. Цветет оно только раз в год. И цветок как раз больше всего ценится. Он невероятно красив.

— Откуда ты все это знаешь? — Поинтересовался Борн.

— Когда-то давно я сполна испытал на себе действие "марагона". Не скажу, что это

было здорово. Выжил только благодаря другу, а потом мне пришлось искать противоядие ему... Это давняя история, я не люблю о ней вспоминать.

— Насколько давняя?

— Очень давняя. — Маркус почувствовал, что его голос срывается на рык, и попытался успокоиться. Демоны Бездны, он прожил не один век, но лишь трижды за все это время ему было так важно спасти кого-то! Важно настолько, чтоб не пожалеть собственной жизни. Два предыдущих раза ему это не удалось, и воспоминания до сих пор отдавались болью и чувством вины. Проклятая эйдетическая память, она воспроизводила события минувших столетий с точностью и остротой только что произошедших! Маркус ничего не забывал, даже если всей душой этого хотел.

Но одно Барс знал наверняка: он не позволит девочке умереть! Не сейчас, ни когда-либо потом. В лепешку расшибется, но не позволит. Потому что в тот момент, когда яд попал в кровь Астор, и она потеряла сознание, Маркус вдруг ощутил внутри себя страшную пустоту. Он больше не чувствовал той невидимой но прочной ниточки что связывала их сознания благодаря дару Странника. Ощущение было такое, будто в его душе образовался кусочек ледяного космического вакуума, который медленно рос. И это было... пугающе, жутко! Герцог де Энхард, Снежный Барс который за всю свою долгую жизнь мало чего боялся, в данную минуту испытывал неподдельный страх. Он боялся, что холодная пустота внутри останется навсегда и разрастется. Это было хуже смерти.

Маркус де Энхард.

С такими мрачными мыслями как у меня недолго и вовсе впасть в отчаяние. Но нельзя! Не имею права! Прочь ненужные эмоции, оставим только холодную логику. Всегда помогало. Сейчас только цель впереди. Пострадать угрызениями совести можно будет потом, когда все закончится.

Я даже не заметил, как мы добрались до порта. Нехорошо. Чересчур много думаю когда нужно действовать. Тут оказалось пять разных суденышек. Яхты и верткие шхуны. Нам нужно только одно.

Борн быстро разузнал, у коменданта порта, где находится судно купца Амида из Саудары. Впрочем, догадаться и так было не сложно. Красивая и изящная, но глубоко сидящая в воде из-за груза шхуна слабо покачивалась на волнах у самого удобного причала в этом порту. Грузчики с деловитостью муравьев таскали туда сюда какие-то тюки. Мы с напарником некоторое время постояли, разглядывая судно под названием "Сирена Саудары", затем, не сговариваясь, двинулись к трапу.

На шхуну нас конечно не пустили. Собственно мы и не рассчитывали, что нас вот так с ходу пустят. Охрана держалась, сдержано-высокомерно, так, словно они охраняют как минимум Дарнисадского императора, а не торговца и любителя древностей. Такое поведение меня обычно раздражает, впрочем, у них работа такая. Нам же сейчас нужна вежливость и учтивость благородных господ. С ума сойти, как давно я об этом не вспоминал!

— Прошу прощения господа, — я изобразил вежливую улыбку, что признаться было не просто глядя на эти каменные рожи, — мы хотели бы встретиться с достопочтенным Амидом али-Дахаром.

Один из охранников окинул нас безразличным взглядом, но я четко ощутил его недоверие. На взгляд этого человека мы, конечно, выглядели подозрительно. Я намного выше его и шире в плечах, мое знакомство с воинским искусством ни у кого бы не вызвало сомнений. Борн хоть и не грозен с виду, но сразу понятно — боец серьезный. Оба вооружены, к тому же одежда, не то чтоб небогатая, но... походная. Чего от нас можно ждать? Но Бездна Холоса у нас нет времени на препирательства со стражей. Что бы им такое сказать? А впрочем...

— Передайте своему господину, что о встрече просит герцог де Энхард, с важным делом от графа де Энакера.

Охранники поколебались, но все же послали кого-то с докладом, сами с места не сдвинулись. Я мысленно хмыкнул, как все-таки громкие имена и титулы действуют на людей. Стоит только упомянуть "графа" или "герцога" и вот тебе, пожалуйста. Может и не поверят, но на всякий случай все равно поведут себя вежливо, чтоб не опростоволоситься.

Посланец вернулся довольно быстро, поклонился... ну, так скажем, скорее кивнул. Вроде и вежливо, но любой спесивый аристократ за такую вежливость и голову снести может.

— Мой господин примет вас.

Мы последовали за молчаливым слугой, который привел нас в каюту, напоминающую нечто среднее между кабинетом и жилой комнатой в обычном доме человека с хорошим достатком.

Купец завтракал.

— Присаживайтесь дорогие гости. — Любезно предложил али-Дахар. — Присоединяйтесь к моей трапезе.

Каюта почему-то была обставлена на западный манер, хотя колорит востока странным образом присутствовал едва ли не в каждой детали.

Мы вежливо и при этом с большим удовольствием приняли приглашение. За всей этой беготней я и Борн, если честно успели значительно проголодаться. А яств расставленных на столе, пожалуй, хватило бы на троих таких купцов как Амид. Или на полтора меня. Как раз мы двое и получаемся.

Я с интересом разглядывал купца. Человек этот казался каким-то тщедушным. Очень худой малорослый восточник, он никак не соответствовал расхожим представлениям о человеке с более чем хорошим достатком. И имя его было столь же несоответствующее. У него просто обязано было быть другое имя.

Впрочем, стоило только повнимательнее приглядеться, становилось понятно, что первое впечатление несколько обманчиво. Амид али-Дахар явно слабым не был, невзирая на свою невнушительную комплекцию и обманчиво-чрезмерную сухощавость. Он, пожалуй, даже мог быть опасным бойцом, очень уж экономные и плавные у него жесты, выдают хорошее знакомство с боевыми искусствами.

Мне как-то доводилось потягаться с одним восточником. Точно такой маленький, жилистый и сухой как скелет в пустыне, а меня, бойца с тысячелетним опытом рукопашной и раза в три большей массой тела клал на лопатки три раза из пяти. Мастера своих секретов не выдают. Мм да, благо Посланцы всякие там единоборства не особенно уважают. Мастера ведь можно найти не только на востоке...

Купец напоминал мне старого лиса посверкивающего хитрым прищуром глаз, в которых всегда светится лукавство пополам с любопытством.

Когда трапеза была окончена купец, заговорил первым. По традиции своего народа он представился, приложив ладонь к груди и поклонившись.

— Я — Амид али-Дахар из Саудары.

Из Саудары он, как же! Я ухмыльнулся про себя, и коротко склонил голову, вспоминая когда-то прочно вбитые в меня хорошие манеры.

— Мое имя Маркус, герцог де Энхард ("крон-герцог, — уточнил я про себя, — давно исчезнувшего с лица планеты государства").

— Борн Хейдар. — Последовал моему примеру напарник.

Амид (имя ну точно ненастоящее!) по-птичьему склонил голову на бок и с прищуром посмотрел на нас. Я вдруг ощутил неприятное покалывание в висках. Вот как, а он ко всему еще оказывается и маг! Я имею некоторый иммунитет к проявлениям *силы*, таким, например как попытка проникнуть в мой разум. Но в этот раз я сознательно не стал закрываться. Пусть его. Может так даже будет лучше, меньше объяснять придется.

— Итак, господа какое же столь важное дело у графа де Энакера ко мне? — Весьма метко осведомился купец. Даже вопрос сформулировал довольно точно, не "у вас герцог", а "у графа".

Я вежливо улыбнулся.

— Думаю, граф в данный момент не предполагает, где мы находимся. Но могу уверить, мы действуем от его имени.

Купец в ответ тоже улыбнулся. Не думаю, что мое заявление стало для него новостью. Ведь все это он же вычитал из нашего с Борном сознания.

— Хорошо господа, поставим вопрос иначе: какое у Вас ко мне дело?

— Мы ищем довольно редкую вещь и надеемся, что она у вас есть.

— И что же это? — Почти искренняя заинтересованность.

— Цветок гетру.

— Да, у меня есть гетру. — Просто согласился али-Дахар. — Но зачем позвольте узнать, вам понадобилось столь редкое и дорогое растение?

— Вы знаете что такое "марагон"?

Купец медленно кивнул.

— И для кого же противоядие, если не секрет?

— Для одной юной леди которая погибнет к завтрашнему утру если мы не найдем противоядие. — Вступил в разговор Борн.

Я понял, что во всех этих разговорах больше нет смысла, и перешел прямо к делу:

— Так вы продадите нам цветок?

— Нет. — Не задумываясь, ответил Амид али-Дахар. — И не пытайтесь предлагать мне золотые горы. Цветок я вам не продам. Однако я могу отдать его вам.

За этим явно должно последовать неизбежное "но", после которого нам ни чего не останется, как принять предложенные условия или же уйти ни с чем. Что-то мне это не нравится.

— Я отдам вам цветок гетру, но лишь при одном условии, — тем временем продолжил купец. — Если хоть один из вас одолеет меня в честном поединке.

— В противном случае?... — На всякий случай поинтересовался я.

— Ты отдашь мне свой меч. — Мягко улыбнулся купец.

Я мысленно присвистнул. Надо же, заметил таки! Для настоящего ценителя редкостей мой меч бесценен. Довольно редкий, хорошо сохранившийся раритет, причем существующий в единственном экземпляре.

Однако слишком уж он уверен в себе, хотя мы с Борном выглядим куда более сильными войнами. Это настораживает. К тому же меч... Калдис. За века я буквально сросся с ним душой. Это не просто оружие, это память об отце, о доме который у меня когда-то был. Мне очень хочется верить, что мы не проиграем. Но я не привык довольствоваться иллюзиями, бесы побери! Астор не должна погибнуть, я просто не имею права этого допустить! Уверен Борн такого же мнения. Несмотря на любые сомнения, мы все же попробуем.

Помимо профессиональной верности долгу (мы все ж таки телохранители!) у нас обоих имеются и личные мотивы. Ну со мной все уже ясно, или наоборот ничего не ясно, это уж с какой стороны посмотреть... А вот Борн, как я понимаю, злится на себя за столь не профессиональную ошибку повлекшую за собой такие последствия. Он, по сути, не справился с работой, за которую взялся.

— Согласен. — Отбросив раздумья, решительно сказал я.

— Что ж, иного я и не ожидал. — Улыбнулся купец и без всяких разжевываний перешел к делу: — Начнем, пожалуй, с вас господин Хейдар. Палуба моей шхуны в качестве ринга надеюсь, вас устроит?

Борн сосредоточенно кивнул, он уже полностью настроился на предстоящую схватку. По-моему, мой напарник тоже чувствует подвох, но, как и я не может определить, в чем он.

Матросы на палубе, не обратили на нас абсолютно ни какого внимания, это наводило на неприятные мысли, что они привычны к подобным развлечениям своего хозяина. Каждый день он тут, что ли, бои устраивает?

Нам быстро освободили площадку как раз достаточную для небольшой потасовки.

Правил никаких объявлено не было. Все просто: мы побеждаем и забираем цветок гетру, или же проигрываем и купцу достается мой меч. Одного я не пойму. Зачем старику это надо? Ну, никак не похож купец на любителя доброй драки. Не развлекается же он так?!

Противники замерли друг против друга.

Я намеревался очень пристально наблюдать за ходом поединка. Но, честно говоря, даже я со своими периодическими приступами глубокого пессимизма не ожидал, что этот щуплый человечек так лихо уделает Борна! А ведь он боец не из слабых. Что ж это делается, а!?

Честный поединок там или нет, а разум свой от чужого вмешательства я все-таки перед схваткой заблокировал. Есть у меня, благодарение богам, такая способность.

Купец — маленький такой по сравнению со мной — выглядел совершенно спокойным, как и положено опытному войну. Мы поклонились друг другу и замерли в свободных ожидающих позах. Я не хотел нападать первым. Он тоже.

Тем не менее, атаковал все-таки он. Я в полной мере ощутил, какой нереально стремительный и сильный этот щуплый старичок.

Не стану описывать этот бой. Он, пожалуй, был одним из самых странных в моей жизни. Об этом бое можно было сказать многое, но в то же время ни сказать ничего. Итог один: Я ПРОИГРАЛ! Остается утешиться тем, что али-Дахару эта победа тоже далась очень не просто. Утешение впрочем, слабое. Я не добыл цветок гетру для Астор, и теперь девчонка погибнет. Когда граф нанимал меня на эту работу он, вероятно, рассчитывал что я сделаю все возможное и невозможное для спасения его дочери. Сделал ли я все? Не знаю. Может, и нет. Но я просто не могу придумать что-либо еще. Не хочется об этом думать, но душе, однако на редкость погано.

Последний раз смотрю на Калдис, провожу ладонью, по чистой стали. Мне сейчас было плевать, вчитывается ли купец в мои мысли или нет, я перестал тратить силы на защиту. Я отрывал от себя еще один кусочек души. Еще один обрывок пустоты теперь образуется в моей душе. А не все ли равно по большому счету, больше ли меньше?...

Не глядя, отдаю меч старому восточнику и мы сдержанно попрощавшись, покидаем его шхуну.

Возвращаться в "Приют Путника", не было ни какого желания, и мы неосознанно замедляли шаг. Мы потерпели сокрушительное поражение. С этим было трудно смириться. Но оставалась еще маленькая, совсем крошечная надежда. Может быть, купец не единственный человек в городе у кого мог оказаться цветок гетру? Может быть, кому-то из наших товарищей повезло хоть немного больше чем нам с Борном. Это было почти невозможно, но все равно очень хотелось верить.

Мы вернулись в гостиницу.

Половина нашего отряда все еще рыскала по городу в поисках редких ингредиентов для противоядия. И все что я мог сейчас сделать это навестить Астор. Конечно же все это время граф и Вада ни на миг не оставляли девушку одну. Я убедился в этом сразу, как только вошел в комнату.

— Как она? — Не знаю, зачем спросил это. И без того было понятно, что лучше не стало.

Граф поднял на меня уставшие, полные боли глаза.

— Бредит.

Я присел на край постели и посмотрел на ее руку. Синяя ниточка неумолимо тянулась под нежной кожей прямо к сердцу незащитной жертвы. Как же противно мне стало в тот момент от собственного бессилия! В какой-то момент я попытался отстраниться от происходящего, убедить себя, что Астор все равно рано или поздно постареет и умрет, или же ее одолеет какая-нибудь болезнь. Ведь не буду же я всегда рядом! Люди вокруг меня постоянно умирают, а я остаюсь. И продолжаю жить. Сколько же было таких, о ком я жалел? Но жизнь продолжается.

Я понял, что это самообман. А еще понял, что он ни капли не помогает. Астор как-то

незаметно стала мне по настоящему дорога. И не только мне. Я видел искреннюю тревогу на лицах обычно суровых агррами.

Девочка завоевала уважение агррами тем, что не испугалась Небесного Огня. Тем, что не осуждала их обрядов, как многие люди равнин. Она видела звериное воплощение Ото'о Ша. И, в конце концов, она просто очень обаятельная девушка. Этого для горцев вполне достаточно чтоб принять Астор в почетные члены племени. Так что все мы без исключения волновались за девочку и одинаково бессильны были ей, чем-нибудь помочь.

Мне хотелось зарычать, перервать кому-нибудь глотку. Только бы не смотреть как погибает это нежное, юное создание. Я бы, наверное, так и поступил, если бы не участливый взгляд Вады не позволяющий мне делать глупости. Старая подруга, ты слишком хорошо меня знаешь.

Ближе к вечеру заглянул Ортон.

— Барс ребята вернулись.

— Все?

— Да.

Последний вздох угасающей надежды...

— Цветок?

Ортон отрицательно качнул головой. Вот и все...

Да, они обшарили весь город. Не жалели ни сил, не денег, не людей. И разыскали таки все что было необходимо. Редкие травы, которые и не растут в этих широтах. Однако без одного единственного цветка все старания были напрасны. И ни в чем не повинная девушка мечется в страшной лихорадке. Ей осталось жить лишь до утра.

До утра... Осталось надеяться только на чудо. Держись Астор!

Я слишком много видел и долго живу, чтоб просто верить в чудеса. Они не случаются сами, чудеса нужно делать. Однако надежда это последнее что осталось у графа. Маленькая такая надежда — бес бы ее побрал! — что придет добрый волшебник и всех спасет.

Я не умею верить в чудеса, зато умею убивать. Ненависть? Месть? Ярость?... Нет. Просто больше я ни когда не буду смотреть, как близкий мне человек умирает так. Как Фрида...

Наверное, я бы все-таки сделал какую-нибудь глупость, просто чтоб сорвать злость. И даже строгие взгляды Вады не удержали бы меня. Но в дверь неожиданно постучали. Прикорнувший на стуле де Энакер встрепенулся. Я признаться тоже ни кого не ожидал. Час поздний, наши, все кто не дежурят, сидят по своим комнатам или же спят. Кого там принесло?

Поспешно открываю дверь и в полном ошеломлении застываю. На пороге возникла щуплая фигура давешнего купца. В руках восточник держал два свертка, один из которых был явно тяжелым. Тем не менее, он словно не замечая веса, своей ноши изыскано поклонился. Зачем он пришел?

Я еще пытался справиться с удивлением, а купец между тем подошел к постели Астор и сокрушенно покачал головой.

— Бедное дитя. — Он протянул мне свои свертки. — Думаю вам это необходимо больше чем мне.

Сердце мое ухнуло громко, и замерло словно, раздумывая, следует ли дальше биться или хватит с него таких нагрузок. И видимо перейдя к выводу, что жить, стоит, забилося с удвоенной силой, отбивая радостный ритм жизни. Ибо я понял, что еще одно юное сердце вопреки всему сегодня не перестанет биться.

Мне даже не нужно было разворачивать свертки, чтоб узнать что внутри. Маленький и легкий — конечно прекрасный, небесной синевы с золотом цветков гетру. А иначе, зачем бы еще восточник пришел сюда? И тяжелый свертки, это такая знакомая тяжесть, что ее никогда не забыть. Мой меч! Калдис.

Я, наверное, слишком долго прибывал в оцепенении, потому что купец с добродушной насмешкой улыбнулся. Э-э, совсем ты расклеился де Энхард, пора брать себя в руки!

Откладываю в сторону свертки и кланяюсь купцу, так как принято на его родине, искренне благодарю на его родном языке. Амид ответил мне тем же (кажется, я все сделал правильно), и направился к выходу. Однако у самой двери обернулся:

— Когда закончишь свои дела, возвращайся сюда кхет'нша. Я давно ищу достойного ученика, чтоб передать ему свое мастерство. — Сказал восточник. Сказал так, словно наверняка знал, что я приду. И продолжил: — Если "Сирены Саудары" в порту не будет, спроси у коменданта Мастера Уянга.

Уянг? Вот значит как его на самом деле зовут! Да еще и Мастер.

— Я приду Мастер.

— Знаю. До встречи кхет'нша. — Бросил купец, скрываясь за дверью. Горцы проводили его уважительными взглядами. Амид-Уянг назвал меня кхет'нша, что на языке агррами означает "правитель без царства" или "свободный правитель". Когда-то давно этому выражению придавали правильный смысл. Так могли назвать короля в изгнании, или меня. Мой отец умер, но я ведь так и не стал царем. Я утратил земли, которыми должен был править и не имею подданных, но древняя кровь царей Энхарда все еще течет в моих жилах. Сейчас подобный титул не имеет равным счетом никакого значения, так красивая метафора.

Теперь же для горцев понятие "свободный правитель" обрело совершенно иной смысл. Это тот, кто волен назначить нового вождя племени, или сместить старого, сам однако по большей части не вмешивается на прямую в жизнь племени, хотя и имеет на это право в критической ситуации. Тот, кто выше даже вождя. Для агррами я единственный возможный кхет'нша. Но я редко пользуюсь своим правом. Разве что формально подтверждаю права нового вождя когда прежний умирает от старости.

Интересно, как же глубоко восточник заглянул в мое сознание, если знает и об этом?

— Сэр Энхард! — Голос графа резанул по ушам. Вот задумался так задумался. — Объясните что происходит?

— Этот человек только что подарил жизнь вашей дочери.

— В каком смысле?

— Без гетру нельзя составить противоядия, а он просто отдал практически бесценный цветок нам.

— Так чего же вы ждете?! — Возмутился граф.

— Я не жду. — Ответил я спокойно. Душевное равновесие стремительно возвращалось ко мне. — Вада, сделай милость...

— Сейчас все принесу. — Понимающе улыбнулась она. — А для тебя прикажу подготовить комнату. Когда все кончится, ты просто обязан будешь отдохнуть.

Отдохнуть, ха! Чуть какая. Зачем мне сейчас отдых? Я теперь полон сил и энергии, способен прямо сейчас действовать. Точнее, обязан! Немедленно!

Вероятно, я и сам бы рванул за всем необходимым, чтоб время не терять. Ведь каждое мгновение промедления это мучения Астор. Однако Вада и впрямь обо всем позаботилась. К тому же появились Борн, Ортон и Халай. Они, конечно же, не могли упустить столь важное событие из виду. Кроме того, Халай сменил караул у дверей, чтоб его ребята были свежими и отдохнувшими. На всякий случай.

Я на пару минут сосредоточился, тщательно вспоминая и прокручивая в голове рецепт противоядия. Пусть я ничего не забываю, но это все-таки не отвар для больного зуба сварить, тут дело серьезное. Малейшая ошибка и все старания будут впустую. Было бы обидно совершить такую ошибку в шаге от цели.

В принесенную Вадой ступку я принялся последовательно складывать все ингредиенты. Сначала "марагон", аккуратно, чтоб не приведи боги, не коснуться голыми руками, достаточно пары капель этой гадости, чтоб она просочилась под кожу. Следующим идут порошок из коры оранжевого дерева конс, и листочки травы с каким-то совершенно не произносимым названием.

Теперь цветок гетру. Жалко портить такую красоту, однако его нужно очень тщательно измельчить. Оставался последний компонент, но он вызывал у меня некоторое сомнение.

Нужна кровь человека испытавшего на себе действие "марагона". Боюсь кроме меня кандидатов не найдется. Но как насчет давности? И потом, кровь-то у меня не совсем человеческая...

— Чего вы ждете?! — Не выдержал граф, видя, что я медлю. Вот кому действительно не помешает отдохнуть. Нервный какой.

— Сомневаюсь я последнем ингредиенте. — Тут нужна кровь человека у которого после противоядия выработался иммунитет к "марагону".

— И где ее взять сейчас?

— Не волнуйтесь, я добавлю свою. — Успокоил я графа. — Вот только со мной это слишком давно случилось. Получится ли?

— А у нас есть выбор?

Я немного подумал.

— Да и нет, пожалуй. Ладно, рискнем! — короткий росчерк кинжала по ладони. Алая струйка потекла в подставленную ступку. Нужно совсем немного.

Вот и все. Осталось только тщательно перемешать полученное лекарство, добавить воды и заставить Астор выпить. С этим прекрасно справились де Энакер и Вада.

— Теперь нам осталось только ждать. Если через два часа синяя жилка исчезнет, значит, лекарство подействовало как надо. — Сказал я графу. Де Энакер поднял на меня глаза, и я пораился какое у него измученное лицо. Оно осунулось от нервного чрезмерного напряжения. Граф провел у постели дочери почти шестнадцать часов. Это невыносимо больно — смотреть, как умирает твое единственное дитя. Эта сжигающая ярость бессилия, когда знаешь, что от тебя ровным счетом ни чего не зависит. Он был намерен не отходить от Астор хоть еще час, два или сколько может понадобится. Да и я заодно с ним. Только рассудительная Вада, как всегда, взяв руководство в свои руки, не позволила нам этого.

— Немедленно оба ступайте вниз и поужинайте. Здесь и без вас найдется, кому подежурить. — Она обвела всех суровым взглядом и остановилась на де Энакере. — А на вас господин граф просто лица нет. Вы хотите напугать бедную девочку, когда она придет в себя? Идите, идите! Как только что-нибудь изменится, вам немедленно сообщат.

Мы с графом попытались протестовать, однако Вада была непреклонна (восхищаюсь я характером этой женщины!). Борн, Ортон и Халай к тому же вызвались поочередно дежурить всю ночь, они якобы успели отдохнуть за последние часы. В общем, нам ничего не оставалось, как подчиниться мнению большинства. Пришлось идти, в самом деле, ужинать. Аппетита, правда, никакого не было, мы ели вяло, лишь бы хоть чем-то занять себя. Особенно де Энакер. Он бедняга, похоже, даже не чувствовал вкуса пищи. Представить трудно, как ему сейчас тяжело, а еще ждать два часа. Да с начала времен и в любые эпохи родительская любовь остается неизменной.

А время так медленно идет! Полночь...

То, что Астор приходит в себя я, кажется, почувствовал одним из первых. Именно почувствовал. Появилось вдруг странное ощущение, словно что-то знакомое, но ненадолго утерянное вернулось ко мне. Как теплая озорная улыбка в моем сознании вместо леденящей пустоты. И тут же я сообразил что происходит. Пелена дурмана, навеянная ядом, отступает под натиском лекарства и разум Астор проясняется, избавляясь от мучительной лихорадки.

Я сорвался с места с такой скоростью, что жалобно звякнула посуда на дубовом столе. А в следующее мгновение я уже несея по лестнице, перелетая через три, а то и четыре ступеньки. Где-то позади тяжело пыхтел граф, с трудом поспевая за мной. И откуда только силы берутся?

Вся эта беготня отняла у нас, наверное, лишь несколько секунд, но мне показалось, что я взбирался по лестнице не меньше часа. В любом случае в комнату мы ворвались просто с диким шумом. Я едва не зашиб Ортона который, кажется, как раз собирался выйти. Догадываюсь, что он намеревался сообщить нам радостную новость. Ну, по крайней мере, мы избавили его от этой необходимости, хоть и ценой нескольких синяков.

Астор действительно очнулась. Увидев отца, улыбнулась слабо и уснула. Уснула

чистым безмятежным сном здорового человека.

Только теперь, наверное, от облегчения я почувствовал усталость. Ну, ничего, уже можно отдыхать с чистой совестью. Здесь я больше не нужен. Однако маленькой графине просто невероятно повезло. Так, пожалуй, научишься верить в чудеса, добрых волшебников и даже богов. Да, и в этих тоже, хотя небожители и невообразимо далеки от дел смертных. И все равно, благодарение богам за это чудо. Ну, так на всякий случай. Чтоб никому обидно не было.

Астор-Сай де Энакер.

После того как я поправилась, мы остались в гостинице еще на один день. Хотя я и чувствовала, что готова отправиться в путь немедленно, как только проснулась. Однако отец был непреклонен, решил, что я еще слишком слаба для длительного путешествия и обязана хоть немного набраться сил. Ну, может он и прав. Чуть-чуть.

По правде сказать, мне здесь нравится, и хозяйка гостиницы очень милая заботливая женщина. Я и не ожидала, что обо мне будет беспокоиться столько людей! Очень приятно, когда о тебе так заботятся.

Я долго донимала всех и каждого расспросами пока не добилась того, что мне рассказали, что со мной произошло, все до мельчайших подробностей. Мне почему-то казалось очень важным знать все. Сколько людей старалось спасти меня, пока я металась в беспамятстве! Разве могу я обойти их своим вниманием? Разве не стоит поблагодарить за столь искреннюю заботу? И признаться столь забавное зрелище как растерянный Маркус стоит тех расспросов. А он по-прежнему озадачен поступком купца. Ведь он просто отдал то, за что мог запросить любые деньги! Действительно странно. Впрочем, у него должны быть свои мотивы для подобного поступка. Так я и сказала Маркусу. На что он пожал плечами и сообщил, что обещал восточнику вернуться и стать его учеником, после того как завершит дела. Этот разговор состоялся три дня назад, после того как мы покинули Кирж, и почему-то оставил у меня в душе неприятный осадок. Наверно, я слишком сильно боюсь, что он уйдет, когда все это закончится. Как будто я без того не знала, что так будет...

Между тем путешествие продолжается. Сегодня утром мы миновали границу графства Шевроз и первый населенный пункт на его территории. Селение Хаман, до него нас должен был проводить отряд Халая. Однако после недолгих обсуждений горцы решили проводить нас до самого Нашона. Халай объяснил такое решение весьма своеобразным заявлением:

— Вы как дети малые. Стоит хоть на минуту отвернуться, и что-нибудь, обязательно случится.

Халай хороший человек. Из всего его отряда лишь один бывал в Нашоне и то однажды. Но оставить нас они не могли. По-моему, горцы посчитали делом чести защищать нас до конца.

Еще когда мы недолго гостили в стойбище агррами, я очень подружилась с младшей дочерью Халая. Мне кажется, Шает очень похожа на своего отца. Такая же бесстрашная и задорная. Мне тоже хочется быть такой. Я очень стараюсь не доставлять никому лишних проблем. Даже стараюсь помогать по мере моего малого умения. Например, сегодня я вместе со всеми разбивала лагерь. Оказывается, очень приятно сидеть у костра, к которому собственными руками собрала хворост. Я поделилась своими наблюдениями с Маркусом, что вызвало в его удивительных глазах легкую усмешку.

— Это потому что тебе такое дело в новинку, а для остальных повседневная обязанность. Мы в отличие от тебя не можем отказаться от нее в любой момент, когда нам этого захочется. Ты еще не испытала в полной мере всех тягот пути.

— Но мы уже больше месяца в дороге! — Возмутилась я.

— Однако ты должна признать Астор, вокруг тебя всегда есть люди, которые позаботятся о ночлеге, костре и ужине. В не зависимости от того будешь ли ты им помогать или нет.

Я хотела уже обидеться, но поняла что Маркус во многом прав. Меня оберегают, заботятся и защищают. Грех жаловаться на трудности пути, другим в любом случае сложнее, чем мне.

Вот и Маркус, хоть и выглядит совершенно спокойным, даже отрешенным, я уже знаю, что он не упускает ни одного малейшего изменения в окружающей обстановке. Как сейчас. Я совсем ни чего не заметила, а он почему-то насторожился. И зловеще сверкнули кошачьи глаза.

— Что случилось? — Прошептала я, придвигаясь поближе. О, как же я привыкла прятаться за этой широкой надежной спиной!

— Ничего. — Маркус встрепнулся. — Показалось, наверное. Пойду-ка, проверю. — И он по своему обыкновению растворился во тьме, только прежде бросил пару слов Борну.

Следующим утром он не вернулся, и мы продолжили путешествие без Маркуса. Хотя мне это очень не понравилось. Никого особенно не заинтересовало его внезапное исчезновение, и я про себя решила что, наверное, повода для беспокойства нет. Уж кто-кто, а Барс всегда в состоянии о себе позаботиться. Видимо все же зря я так решила, или просто пыталась обмануть саму себя и заглушить нарастающую тревогу. Хотя на первый взгляд ни что не предвещало беды...

Только к вечеру второго дня меня начало одолевать сильнейшее, и, казалось бы, беспричинное беспокойство. Было такое ощущение — беда незримо витает в воздухе, неторопливо подбираясь, все ближе. В этот вечер я заставила себя лечь спать пораньше, чтобы хоть ненадолго избавиться от этого пугающего чувства. Не самый лучший способ признаться. Но все же сон как говорят, лечит душу и помогает утром яснее смотреть на мир. Однако уснуть этой ночью мне так и не посчастливилось.

Я долго ворочалась и прислушивалась к звукам, снаружи пытаюсь уснуть. Тонкие стенки палатки позволяли увидеть силуэты проходящих мимо людей в свете дрожащего пламени костра. Я зачем-то начала гадать, кому принадлежат эти силуэты. Совершенно бесполезное занятие. Вскоре я поняла, что попытки уснуть, совершенно бесполезны.

Боль пришла неожиданно. Странная неправильная боль, она словно бы пришла издалека. Как будто это была не моя боль, но, тем не менее, я ее ясно чувствовала, но не физически, а как-то иначе. Хотя сама по себе боль, кажется, была физической, однако я воспринимала ее еще и как душевную, от этого было еще хуже.

Кажется, я закричала, не знаю, даже потом не смогла этого вспомнить. В мою палатку заглянул отец. Я в этот момент была в кошмарном состоянии. Лежала, свернувшись калачиком и со всхлипами, судорожно хватала ртом воздух как выброшенная на берег рыба.

Отец конечно страшно испугался. Сперва замер оцепенело, потом попытался, что-нибудь сделать. К счастью я уже кое-как взяла себя в руки. Боль как бы изменилась, заняв определенный уголок в моем сознании и холодя душу горьким чувством близкой потери.

— Не волнуйся папа, — твердым голосом попыталась сказать я, получилось почти хорошо, — мне уже гораздо лучше, нужно только немного отдохнуть и все.

— Но Астор, милая, ты... такая бледная. Ты не заболела? Может тебе нужно что-то...

— Нет, папа. — На удивление убежденно ответила я. — Все в порядке. Честно. Мне нужен только отдых. Очень тебя прошу, оставь меня одну.

— Ну, хорошо дорогая. — Чуть поколебавшись, согласился отец. — Только, если что, обязательно зови. Борн будет поблизости, да и моя палатка рядом. Может все-таки приказать принести, что-нибудь?

— Спасибо, не стоит. Это, наверное, последствия яда. Завтра все пройдет.

— Последствия. — Пробормотал отец, выбравшись из моей палатки. — Где же этот де Энхард бесы его поберут?!

Я почувствовала, как в голове распускается огненный цветок боли. С трудом, дождавшись, когда отец отойдет достаточно далеко, я вцепилась зубами в одеяло. Мучительно приходило понимание происходящего. И выводы получались совсем неутешительные. Страшные. *"Маркус!"* — Звала я в отчаянной надежде. — *"Маркус!!"*

ответа не было. Мне хотелось метаться и выть как дикому зверю. Какая-то неопределенная сила гнала меня прочь из лагеря. Я знаю: я должна спешить на помощь. Ни кто кроме меня не сможет помочь!

Не знаю, как мне удалось выскользнуть из палатки незамеченной, как беспрепятственно удалось миновать охрану. Сказочно повезло, наверное. В этот момент я просто не думала о таких вещах. Меня занимала единственная мысль: "Только бы найти, только бы успеть вовремя!" наверное, поэтому же я не заметила Борна, который бесшумно выскользнул из-за кустов на границе освещенной огнями лагеря. Я налетела на него и некоторое время остервенело, отбиваясь от крепких мужских рук не вполне осознавая, что со мной происходит. И упорно пытаюсь прорваться дальше. Он крепко держал меня, пытался задавать какие-то вопросы, но смысл их доходил до меня далеко не сразу.

— Что случилось? Куда вы рветесь госпожа?

Я лепетала нечто бессвязное, и сама поражалась, как бредово это звучит.

— Ему надо помочь... он умрет... Скорее!

— Кто умрет? — Борн чувствительно встряхнул меня. — Кому помочь?!

Я дернулась, пытаюсь вырваться.

— Пусти, если я опоздаю, он умрет! Ну, пусти же!!!

Может быть, он понял, что не добьется от меня ни чего более вразумительного, может, решил поверить...

— Хорошо госпожа. Я только позову, кого-нибудь...

— Нет! Сейчас, немедленно!!

— Ладно, но я все равно ни куда вас одну не пущу. Так вы все равно ни кому не поможете, а себя погубите. Ждите здесь госпожа, я мигом.

Удивительно, но эти слова заставили меня, образумиться. Наверное, я поняла, что так действительно вряд ли могу кому-то помочь. А может, я просто привыкла слушаться. Слушаться когда Маркус властно приказывал мне: "Стой и жди!" — и нельзя было ослушаться его. Так или иначе, я осталась на месте, только взмолилась в ночную темноту: ***Потерпи Маркус миленький! Ты только дождись, я скоро...***

Борн вернулся с Халаем. Лицо у горца было весьма озадаченное.

— Ни шханде? — Спросил Халай.

Некоторое время я переводила вопрос в уме, потом решала, как ответить. Тем временем успела немного прийти в себя, насколько это вообще возможно в таком состоянии.

— Ото'о Ша. — Наконец сказала я.

Халай нахмурился.

— Идем!

И мы пошли в темноту. Я ориентировалась на разгорающееся во мне пламя боли, как по маяку. Боль вела меня, становясь, все сильнее по мере приближения к нашей цели. Боль Маркуса была вернее путеводной нити. И мне было страшно, очень страшно. Но страх этот как бы притупился, не мешая мне и просто время, от времени сжимая сердце в своих тисках.

Я продиралась сквозь какие-то заросли кустарника, спотыкалась временами в темноте, но не могла, просто не смела, остановиться хоть на миг. Я спешила, спешила!.. Борн и Халай ни на шаг не отставали от меня, держа оружие наготове. Борн ругался сквозь зубы, кажется, жалея что, не взял с собой побольше людей. Я понимаю у него работа такая, он меня охраняет, но вряд ли я стала бы ждать, пока Борн соберет этих самых людей. А вот Халай напротив был крайне молчалив и мрачен. Его я тоже понимаю, он беспокоится. Мне и самой сейчас просто жутко.

Я как-то потеряла счет времени, поэтому мы, наверное, плутали довольно долго, когда, наконец, вышли на какой-то луг. По крайней мере, мне так показалось в темноте. Впрочем, слабый свет луны позволил нам осмотреться. Что там было! Наверное, в других обстоятельствах мне стало бы плохо. На траве лежали четыре тела в ужасном состоянии. Мало того, что они были несвежими... Маркус, очевидно спешил, очень уж жутко они выглядели. Когда же я увидела его самого, сердце мое едва не остановилось от ужаса. Сейчас

он был зверем. Серебристая в ночи шкура барса была густо запачкана бурыми пятнами крови, его и чужой. Нельзя было сразу определить, насколько серьезно он ранен, но в боку торчат два арбалетных болта глубоко вошедшие в плоть (я очень надеялась, что не так уж глубоко, просто такое ощущение создает пушистая шерсть). Глаза зверя были закрыты.

Пока мужчины тщательно осматривали луг, и мертвые тела я опустилась на колени рядом с Маркусом, ноги отказывались меня держать. Мой разум словно заволокло густым туманом, лишь частью сознания я фиксировала свои действия. Вот обняв бесчувственного Барса за шею, я и рыдая зову его по имени. Не знаю вслух или мысленно. Кажется по всякому.

— Не умирай, слышишь?! Не умирай! Ты не можешь!.. — Не останавливаясь, шепчут мои губы.

Подошел мрачный Халай с только что зажженным факелом, присел рядом. Оторвать меня от Маркуса ему не удалось, и тогда отдав факел Борну, он осторожно начал осматривать раны Барса.

— Несколько ножевых ранений, и стрелы в бок. Глубоко. — Наконец сказал Халай. Он плохо говорил на языке долин, но я все поняла. Не могла не понять. Прикусила губу, чтоб не зареветь в голос.

— Он потерял много крови, но надо вынуть стрелы, или начнется заражение. — Тем временем продолжил Халай. — Борн посвети-ка.

— А?

— Свет. — Подсказала я, заворожено наблюдая за тем, как ловкие пальцы горца осторожно ощупывают раны вокруг древка стрелы. Переломить толстое древко арбалетного болта или сделать, что-либо, еще не навредив еще больше было просто невозможно, и Халай попросту попытался выдернуть их. Я думала, что сойду с ума! Или уже сошла? Разве такое возможно?! Я испытала поистине адскую боль. Нет, не мое тело, а разум, который казалось, теперь плотно слился с разумом Маркуса. Но какая разница, чем вызвана эта боль, если у меня нет сил, ее переносить! Мне показалось, что мой вопль услышали даже в нашем лагере, но на самом деле из груди вырвался лишь жалкий хрип. И в следующий миг чьи-то сильные руки осторожно подхватили меня, не давая завалиться на землю. Борн. Он крепко держал меня, и выглядел немного растерянным.

Я скосила глаза на Халай. Он с величайшей осторожностью перевязывал раны Барса лоскутами собственной рубашки. Я испуганно сглотнула, ощущая, как пересохло у меня в горле. О великие боги, а если этот ужас повторится?! Халай бросил пронзительно-тревожный взгляд в мою сторону и постарался действовать еще осторожнее.

Борн, убедившись, что я уже сама в состоянии удержаться в вертикальном положении и отпустив меня, наконец, присел на корточки рядом с горцем. Принялся с любопытством рассматривать раненого Барса.

— Как вы узнали, что ему нужна помощь госпожа?

— Я чувствую его боль.

В очередном взгляде горца мелькнуло что-то... уважение? И еще большая тревога. Халай кажется, понял что, вынимая стрелы, причинил боль и мне. Вернее больше мне, поскольку Маркус в тот момент находился без сознания и вряд ли что-либо чувствовал.

— Ничего я уже в порядке. — Стараюсь успокоить Халай. — Только, наверное, надо поскорее обработать раны. Он так долго тут лежит, а вдруг заражение крови уже началось?... — Мне самой стало страшно от этой мысли. Я поспешила вновь обнять Маркуса. Боже, а если это, в самом деле, так? Ели он лежит тут уже двое суток изранены в перепачканный в чужой крови, а если арбалетные болты были смазаны ядом? Убийцы нередко так поступают. Какой ужас!..

— Я схожу в лагерь и принесу все необходимое. — Сказал горец.

— Только заberi с собой госпожу. — Добавил Борн.

— Нет! — Тут же возразила я твердо. — Не сдвинусь с места, пока он не придет в себя или... не умрет.

— Ото'о Ша не так легко убить Кхели. — Ободряюще улыбнулся мне Халай, скрываясь в темноте. Кхели... странное слово, но, по-моему, красивое. Так называли меня агррами, не знаю, что оно означает. Потом спрошу у Маркус... О боги, только бы он не умер!

— **Ты слышишь?!** — Мысленно воззвала я, чувствуя как слезы новым потоком бегут по мои щекам, и капают на его серебристую шерсть. — **Слышишь?! Держись! Ты не можешь покинуть меня!**

— **Девочка... не плачь...** — Услышал, а скорее едва ощутила я слабый ответ. У него не было сил даже связно думать, но самое главное он был жив! Жив!!!

Я прижалась к нему щекой, от облегчения начав всхлипывать даже громче.

— Боги как же я испугалась! Я уже думала, что потеряла тебя.

— **Все будет, хорошо... не плачь малышка.**

— Хорошо, я не буду плакать. — Пообещала я. — Ты только потерпи, сейчас вернется Халай, и мы тебе поможем. Обязательно поможем.

— **Кто еще знает?...**

— Только Борн, он тут рядом.

— **Хорошо.** — Прошелестело в моей голове, словно вздох и почти сразу кануло в черную пустоту. Я испуганно прислушалась к своим ощущения, неужели?... Но нет, сердце бьется, и можно различить дыхание. Значит, живой.

Очень может быть, что со стороны я выглядела как умалишенная, разговаривая, сама с собой. Судя по лицу Борна, он примерно так и подумал. Да ну и пусть. Какая, в сущности, мне сейчас разница? Важно лишь одно — чтоб Маркус выжил, чтобы остался со мной. И ради этого я готова выглядеть хоть в конец ополоумевшей в глазах окружающих. Потому что... потому что я люблю его! И пусть нам на самом деле не суждено быть вместе, как бы все не обернулось. Да я это знаю! И трезво оцениваю свои шансы на счастливую семейную жизнь со своим любимым. Этих шансов практически нет. Однако я люблю его и не переживу если он умрет...

Вернулся Халай со всем необходимым, не забыв прихватить даже запасные факелы. Он тут же без промедления принялся обрабатывать раны Маркуса, которые были поистине ужасны. Я с содроганием следила, за тем как горец промывает, а затем чем-то смазывает и перевязывает раны. И вздрагивала каждый раз от его прикосновений, словно это были мои раны. Халай конечно был предельно осторожен, и вряд ли Барс, провалившийся вновь в забытье, чувствовал боль, но я-то чувствовала. Наконец Халай закончил свою работу. Весь перевязанный зверь выглядел очень замученным, и у меня сердце кровью обливалось от жалости. Мы переместили его на подготовленный заранее лежак из веток и толстого плаща Халай, и я уложила голову Барса себе на колени, всей душой надеясь, что он сейчас очнется.

Борн и Халай убрали уж начавшие пахнуть трупы, оттащили в недалекий овражек и завалили камнями. Разожгли маленький костерок, тщательно следя за тем, чтоб он не дымил. Оба не сговариваясь, сели спинами к огню зорко вглядываясь в ночную темноту и не выпуская оружия из рук.

Время шло, утекало сквозь пальцы, а Маркус все ни как не приходил в сознание.

— Нам нужно возвращаться в лагерь госпожа. — Наконец заговорил Борн. — Если кто-то обнаружит ваше исчезновение, начнется страшный переполох.

— Нет. — Решительно отрезала я. — Еще раз повторяю: ни куда я отсюда не уйду. К тому же если моего отсутствия до сих пор не заметили, до утра не стоит волноваться. Ведь не станет же кто-то среди ночи заглядывать в мою палатку, чтоб убедиться, что я не пропала.

— Но к утру придется вернуться. — Заметил Халай. — А я останусь здесь.

— Посмотрим. — Неопределенно ответила я, не желая в данный момент пререкаться. Моя рука совершенно неосознанно ворошила мягкую шерсть Барса... И вдруг он открыл глаза. Не передать какое облегчение я в этот момент испытала.

— Как ты себя чувствуешь? — Глупый вопрос конечно, но мне показалось, глаза Маркуса сверкнули иронией.

— **Бывало и хуже.** — Ответил он.

— Куда уж хуже? Ты же еле живой!

— **Я живущий как таракан девочка.**

— Фу гадость, какая! — Сначала я хотела рассердиться, но потом поняла, что он специально шутит. — Лучше бы сказал, что у тебя девять жизней как у кошки.

— **И это тоже.**

— Я смотрю, что умирать ты уже не собираешься.

— **Ни в коем случае. На самом деле все не так страшно как кажется, малышка.**

Я почувствовала, с каким трудом дается ему этот разговор, однако, судя по всему, Маркус нереально быстро идет на поправку. Раз шутит, значит, точно не умрет. Я невольно улыбнулась.

Халай осторожно коснулся моего плеча.

— Ну, как?

— Лучше чем можно было ожидать.

Услышав это, горец вздохнул с явным облегчением и, подумав немного, спросил что-то на своем языке.

Я постаралась воспроизвести ответ Маркуса как можно точнее. Хочу заметить, что задачка оказалась не из простых. Во-первых, в языке агррами если хоть в одном слове не правильно поставишь ударение, его смысл кардинально меняется, а то и всей фразы. Во-вторых, я абсолютно не поняла что сказала. Халай, однако, все понял и окончательно успокоился. Хотя не знаю, не рано ли. Ведь Барс все-таки серьезно ранен.

Спустя несколько минут мы задумались на одной довольно серьезной проблемной: что делать дальше?

— Наверное, его надо перенести в наш лагерь. — Немного неуверенно предложила я. Я не могла сказать, что это однозначно хорошая идея. И Халай тут же это подтвердил.

— Нельзя. — Сказал он отрывисто с сильным акцентом. — Это может навредить Ото'о Ша. И лучше, чтоб об этом ни кто не знал.

Борн промолчал, и вообще ни как не выразил своего отношения к нашему разговору, но мне почему-то показалось, что телохранитель согласен с Халаем.

— Но ведь нельзя же оставлять его здесь.

— **Можно.** — Вмешался Маркус, однако кроме меня этого никто не услышал, а я предпочла проигнорировать.

— Придется в таком случае кому-то дежурить тут. — Предложил Борн. — Например, несколько твоих людей, Халай которым ты больше доверяешь, могут делать это по очереди.

Горец отрицательно покачал головой, даже не подумав объяснить причину своего отказа. Впрочем, немного подумав, и я с ним согласилась.

— Лучше все-таки чтоб никто не знал о случившемся.

— Почему? — Поинтересовался Борн.

Я неопределенно пожала плечами. Как это ни странно, мне показалось, что он даже лучше знает почему, и только претворяется несведущим.

Мы помолчали.

— Итак, мы ни к чему не пришли. — Спустя пару минут заключил Борн.

— **Вы оставите меня здесь и продолжите путь.** — Мысленно велел Маркус.

— И не надейся. — Упрямо возразила я. — Мы ни куда не поедem, пока ты не поправишься и не встанешь на ноги... ну на лапы.

— **Твой батюшка вряд ли с этим согласится, Астор.**

— Я скажу ему, что заболела, и хочу здесь, задержатся ненадолго. И мы будем ухаживать за тобой, пока тебе не станет лучше.

— **Девочка, это неразумно...**

— А мне все равно! Ты не бросил меня, когда я умирала от яда. Я тебя тоже не оставляю.

— **Астор, пойми ты, для твоей, да если уж на то пошло, и для моей безопасности будет лучше, если вы немедленно уедете. Не стоит сидеть тут и дожидаться убийц!**

— Может быть. — Мне надоело спорить, да я и не могла быть полностью уверена в своей правоте, но и уступать не собиралась. — Хватит спорить, от тебя все равно уже ничего не зависит.

— *Вот упрямая!* — Сокрушенно вздохнул Маркус, и кажется, заснул.

Мужчины с большим недоумением смотрели на меня, и я невольно тоже вздохнула.

— Ну что ж, пока поступим, так как я уже сказала, а там будет видно.

Оба согласно кивнули.

Халай немного поколебался, но все же решил задать мучавший его вопрос:

— Ты слышишь Ото'о Ша?

Я задумчиво посмотрела на Барса. Моя рука неосознанно поглаживала снежно белую с бликами серебра шерсть, чесала за ухом, как котенка. Если только можно представить себе такого огромного кота. Все как тогда в пещере... Я задумалась: стоит ли отвечать на вопрос? Наверное...

— Это дар Небесного Огня. — Я постаралась ответить максимально понятно для Халая.

На лице горца отразилось искреннее недоумение. Объяснить ему? Или оставить все как есть? Но ведь это вовсе не тайна, и Маркус ни разу не просил меня что-то скрывать от Халая. И почему бы ни рассказать пока мы тут сидим, ожидая рассвета?

Похоже, мои сбивчивые объяснения о дружбе Маркуса с Небесным Огнем, то есть Странником, и его Даре нам после освобождения от многотысячелетнего плена еще больше озадачили Халая. Но мне показалось, что он стал относиться ко мне с каким-то странным благоговением, что ли. Как к человеку, коснувшемуся сокровенных тайн богов. Впрочем, Странник ведь и был для агррами богом. А Маркус у них нечто вроде духа-хранителя племени. Только такое отношение мне почему-то не понравилось. Зря я, наверное, разоткровенничалась.

— Не говори никому, пожалуйста. — Попросила я Халая.

— Почему?

— Ну... просто не говори, ладно? Хотя бы пока все это не кончится.

— Хорошо. — После недолгих раздумий согласился горец. И я сама не знаю, почему вдруг ощутила большое облегчение. За что мне нравится этот человек, так это за свою невозмутимость и краткость в разговорах, которая обусловлена не столько плохим знанием языка, сколько чертами характера. Впрочем, я не стала слишком развивать эту мысль. Близился рассвет, и пора было возвращаться в лагерь, пока нашего отсутствия не заметили. А в том, что этого еще не случилось, я была уверена, иначе поднялся бы такой переполох, и по округе шарило множество людей в поисках пропажи.

Халай сказал что останется с Ото'о Ша на весь день. Борн, критически осмотрев нашу ненормальную компанию, наконец, пообещал, что придет на ночь сменить горца. И мы вдвоем вернулись в лагерь. Мне предстояло теперь убедить отца остаться здесь еще хотя бы ненадолго. Хотя после всех тревог и бессонной ночи я, наверное, и впрямь выглядела немного нездоровой. Ох, хотя бы все получилось!..

Графство Шевроз. За несколько дней пути до Нашона.

Все очень странно — решил Борн. Все слишком странно. Это единственное что на данный момент мог сказать телохранитель обо всей сложившейся ситуации. Впрочем, теперь было достаточно времени, чтоб все обдумать. Юной графине легко удалось убедить отца в том, что ей нездоровится. Куда сложнее было заставить его оставаться на месте. Де Энакер скорее рвался в дорогу, считая, что дочери необходим хороший лекарь и справедливо полагая, что в этой глуши его не найти. Девушка действительно выглядела нездоровой, это Борн заметил еще ночью. Но он так же подметил причину этого недомогания. И вот это как раз выглядело странным. Несмотря на сбивчивые объяснения юной графини, Борн не совсем понимал каким образом, она чувствует боль раненого зверя? Признавал, что это вполне

вероятно, но саму природу этого явления понять не мог. Маги, например, нередко пользуются телепатией, но если бы они при этом чувствовали недомогания друг друга... глупость, в общем.

А вот Халай, похоже, понял все. Или же принял как данность чудо, совершенное божеством в которое он верил. Борн пока не мог похвастаться такой же безоговорочной верой. Он верил в других богов, и все это казалось бредом сумасшедшего. Да оно так и выглядело. Сначала эти странные метания графини, когда она с совершенно безумным видом рвалась в ночь спасти непонятно кого. Ели бы ей тогда на пути попался кто-то другой, то он вряд ли поверил в такой бред. Борн поверил, и Халай тоже. С первых слов, как ни удивительно. "Ото'о Ша" — сказала он, и этого было вполне достаточно, чтоб на лице обычно сдержанного горца отразилась, неподдельная тревога. А стоило Халаю увидеть израненного, перепачканного своей и чужой кровью зверя тревога стала еще сильнее. Борн не сразу понял, но была у него уже одна догадка, невероятная, но собственно, почему невероятная, если он уже давно догадывается об этом? Ото'о Ша, — сказала юная графиня, — Снежный Барс на языке агграми. Совпадение? Едва ли. Как-то к месту вспомнилось начало путешествия, первое нападение посланцев. Тогда тоже была ночная поляна, и де Энхард склонившийся над тремя телами. На них тоже были следы когтей и клыков крупного хищника, точно как нынешней ночью. А еще неожиданное нападение в поместье Фан-Хорда. Точно такая картина, смертельные отметины хищника. Борн мысленно велел себе тщательно проверить собственные предположения, а до тех пор не строить беспочвенных догадок.

Он искоса посмотрел на палатку графа, затем на другую, принадлежащую Астор. Вечером. Что-либо прояснить удастся лишь вечером. А пока... Борн коротко усмехнулся и вынул меч из ножен. В заплочном мешке аккуратно завернутый в тряпицу покоился точильный камень, там же нашлись и другие необходимые для поддержания оружия в необходимой форме вещи. Что-то подсказывало, что острый меч ему очень скоро понадобится. Борн вновь, и точильный камень с шелестом заскользил по кромке клинка.

Вечером Борн собрал кое-какие вещи и уже собирался потихоньку ускользнуть из лагеря, чтоб как обещал сменить на посту Халай. Но тут впервые за весь день из своей палатки появилась юная графиня (отсыпалась, наверное). Быстро оглядевшись, она нашла взглядом Борна и стремительно подошла к нему. В руках девушка держала какой-то сверток.

— Я пойду с тобой! — Выпалила Астор и, не давая собеседнику времени на возражения, быстро добавила: — Потом я вернусь с Халаем обратно.

Борну эта идея крайне не понравилась, однако от неуместного спора он воздержался. Хотя желание запретить этой настырной девчонке покидать лагерь было велико. Ну как, скажите на милость, можно охранять человека, который наперекор всякому здравому смыслу сам лезет туда, где опасней? И все же, чтоб избежать нежелательного внимания возражать он не стал. Тогда уж точно не удастся выбраться из лагеря незаметно. Таким образом он подведет Халай который если считать со вчерашнего вечера уже сутки сидит возле зверя. Да и собственное любопытство вряд ли удастся удовлетворить. А главное — кто потом удержит эту неугомонную девчонку от самоубийственного поступка, если ей вдруг вздумается самой, без охраны проведать раненого барса? В общем, ничего не оставалось, как брать ее с собой.

— Хорошо госпожа идемте. Только тихо.

Некоторое время они молча пробирались в темноте. Борн на всякий случай придерживал графиню за руку. Не приведи боги, затеряется, где-нибудь в этой тьме, среди этих колючих кустов и мелких овражков, в которых легко можно сломать ногу. Ищи ее потом, спасай. Если успеешь. Враги повсюду, стоит только отвернуться и все. Их постоянно находят, Посланцы появляются, словно бесы из-под земли в самых неожиданных местах...

Борн удрученно вздохнул и прибавил шагу, таща за собой девушку.

— Поторопитесь госпожа.

— Борн если можно называй меня по имени. — Попросила девушка. И заметив недоумение телохранителя, поспешно пояснила: — Мне неловко, когда ты зовешь меня

госпожой. Ты гораздо старше, и мы уже давно путешествуем вместе.

Борн недоуменно поднял бровь, чего она, впрочем, не могла видеть в темноте. Конечно же, он был примерно того же возраста что и граф, и вполне мог бы называть девушку по имени... если бы тоже был дворянином. Вообще-то, он был просто обязан называть графиню госпожой, но раз уж она сама попросила...

— Будь, по-вашему, Астор. А теперь давайте все-таки поторопимся. Нас все-таки ждут.

Почувствовав их приближение, Барс тихо рыкнул. Халай не убирая рук от оружия, всмотрелся в темноту. Но уже спустя мгновение Барс расслабился, и горец понял, что это идут свои. Борн и Астор вышли к маленькому, тщательно укрытому и бездымному костерку.

— Ну, как? — Первым делом спросила Астор.

— Так же как вчера. — Отозвался Халай.

Девушка села поближе, провела ладонью по шерсти зверя.

— *Тебе очень больно?*

— *Нет.* — Ответил он бодро.

— *Не лги мне!*

— *А ты не задавай глупых вопросов!* — Огрызнулся Маркус, понимая, что обман не удался.

— Но я беспокоюсь о тебе!

— *Глупости. От твоего беспокойства раны на мне не заживут быстрее.*

— Дурак! — Рассердилась девушка, и демонстративно стала к Барсу спиной. Он изобразил угрожающий рык, но девушка лишь презрительно фыркнула в ответ. — Этим можешь кроликов пугать. — Сказала она резко.

И чуть позже, немного остыв:

— Я приду утром.

Халай и юная графиня скрылись в темноте.

Борн, крайне внимательно следивший за этой односторонней беседой, невольно подобрался, услышав раздраженный рык, однако потом он заметил, то чего не могла увидеть, но все же почувствовала Астор — насмешливые искорки в зеленых кошачьих глазах. Ни какой угрозы не было, лишь насмешливое лукавство. Определенно подобные повадки не свойственны обычному хищнику. Слишком человеческие у этого зверя были глаза.

Борн не сразу заметил, что барс за ним пристально наблюдает. На поляне повисла почти ощутимая тишина. Борн, убеждая себя что, барс все-таки не оборотень и в зверином обличье должен сохранить ясность ума, но, тем не менее, чувствуя себя крайне нелепо, все же спросил:

— Это ты, де Энхард?

Барс некоторое время молчал, затем послышалось неохотное: Гр-р...

— Это следует понимать как утвердительный ответ? — Уточнил телохранитель.

— Гр-р! — Теперь это действительно звучало утвердительно.

— Да это многое объясняет. — Задумчиво произнес Борн.

Барс насмешливо фыркнул, так по-человечески, что это могло бы выглядеть нелепо. Однако лишь послужило окончательным доказательством, что под звериной шкурой кроется пусть и не совсем человеческий, но все-таки разум. Впрочем, сомнений как таковых практически и не было. Борн по прозвищу Тайвер уже достаточно давно догадывался, с кем имеет дело, нужны были лишь неопровержимые доказательства. И вот эти доказательства, можно считать, получены.

Долгий кропотливый труд, можно сказать, подходил к концу. Остался последний шаг... Борн ухмыльнулся и подумал что теперь дело примет совершенно иной оборот. Следует лишь, лично убедиться, что это действительно *тот самый* герцог де Энхард и он, *в самом деле*, умеет превращаться из зверя в человека и обратно. А главное, что он реально способен противостоять магии. Но это будет потом. А сейчас Барс даже не подозревает, насколько могущественные силы заинтересованы в нем. И не узнает пока не придет время.

Улыбка Борна стала уже явной, и несколько зловещей. Но барс этого уже не увидел, он спал измученный постоянно ноющими ранами.

Разговор в нигде.

- Ты один? — *Словно бы отовсюду зазвенел красивый женский голос.*
- Нет, — *ответил мужчина, ничуть не удивившись столь странному эффекту — он рядом. Но он спит.*
- Ты выяснил? — *Требовательно спросила женщина.*
- Да, Светлейшая.
- Это действительно он?
- Да. Я уверен.
- Хорошо присмотришься к нему. Доложишь по прибытию. И не предпринимай ни каких действий без особой на то необходимости.
- Слушаюсь, Светлейшая. — *Ответил мужчина. Но контакт не прервался.*
- Что-то еще? — *В красивом женском голосе звучали раздраженные нотки.*
- Да, Светлейшая. Я весьма обеспокоен тем, что нас так быстро находят. Операция может оказаться под угрозой. Прикажете пожертвовать объектами?
- Нет, — *тон слегка нерешительный, заметно было, что невидимая собеседница слегка колеблется.* — Нет, не стоит. Думаю, они еще пригодятся. Однако что значит, быстро находят? Ты подозреваешь предателя?
- Подозреваю. Но кто сказать не могу. Он очень хорошо маскируется.
- Хорошо если тебя это беспокоит — займись. Но не забывай о конспирации. Ты должен остаться с ними до конца.
- Слушаюсь. — *Был ответ. И на этот раз контакт прервался. Невидимое присутствие мощной силы исчезло. Человек нахмурился и подкинул хворосту в маленький костерок. А потом закатал рукав и пристально посмотрел на маленький символ, что золотом блеснул на его руке чуть выше локтя. Миниатюрное стилизованное изображение солнечного диска чуть потеплело под кожей, отзываясь на близость света.*

Маркус де Энхард.

Мне снился довольно странный сон. Будто Борн разговаривал то ли со звездами, то ли с чем-то еще, от чего оставалось ощущение золотого света и *силы*. А это нечто отвечало ему обворожительно-прекрасным женским голосом. И голос этот словно серебряные колокольчики звенел властно и требовательно. Борн же отвечал сухо и почти без эмоций. Я почему-то с большим трудом мог понять, о чем у них идет речь. Но все же понимал, и от этого становилось не по себе. Очень странные слова, странные собеседники.

В какой-то момент что-то ослепительно сверкнуло и, я внезапно провалился в еще более глубокий сон уже без всяких сновидений. Но этот сон запомнился очень четко, как вообще-то не бывает со снами.

Проснулся я часа за два до рассвета, с ощущением какой-то необъяснимой тревоги, видимо навеянной ночными событиями.

Борн заметил, что я уже не сплю, посмотрел на меня очень внимательно, словно пытаюсь рассмотреть что-то новое, ранее не виденное. Затем без всяких предисловий выдал:

— Я много думал этой ночью и пришел к выводу, что среди нас предатель. Но кто это сказать не могу. Даже предположений нет.

Я внимательно прислушивался к интонациям его голоса, и почувствовал, как шерсть у меня на загривке становится дыбом. Нет, причиной тому было не заявление о возможном предателе. Еще в том сне я не удивился тому, что Борн сделал подобный вывод. Нас действительно слишком быстро находят. Даже в тех местах куда мы и сами не планировали

попасть. Но неужели тот сон был не просто сном? Но с кем в таком случае разговаривал Борн? Что за **сила** помогает ему? И зачем этой силе понадобились граф с дочерью и я? Ничего не понимаю!

Борн заметил мое напряжение и даже опасливо отодвинулся, но, похоже, истолковал мою реакцию на свои слова иначе.

— Ты догадывался об этом?

Я поспешно изобразил согласный рык. Тем более, что это было правдой. Я действительно уже некоторое время догадывался о том, что кто-то сообщает Посланцам Тьмы о наших передвижениях. Причем, скорее всего, сообщает посредством магии, иначе они не смогли бы реагировать так оперативно, порой даже опережая нас. Тем более, тайный агент в нашем маленьком отряде это вполне в духе Посланцев.

— Необходимо как можно скорее вычислить этого оборотня. — Заметил Борн.

— Гр-р!.. — Он что меня за идиота принимает? А то я не знаю что необходимо! Только как вычислить человека, который за такое длительное время ни разу не выдал себя? Можно подумать, я не пытался. Да и сам Борн наверняка тоже. Тайком от остальных.

— Но если мы найдем этого человека его нельзя сразу убивать. — Продолжил он свои размышления. Молчу, жду продолжения. Пока что я со все согласен. Только вот состояние тревоги все никак не проходило. Борн вызывал неосознанное подозрение. Ну почему спрашивается? Из-за странного сна? Я упорно пытался усмотреть в нем что-то странное, или же заметить в его словах намек на этот ночной разговор с неведомым существом. Ничего не было! Нет, ну не дурак ли? Может и дурак, но все это неспроста, я уверен!

Между тем пока я так размышлял, Борн продолжал развивать свою мысль:

— Я больше чем уверен, что если мы попытаемся убить оборотня или хотя бы выкажем свою осведомленность, ничто не убережет нас от появления нового шпиона. Впрочем, их уже сейчас может быть двое или больше. Согласен?

— Гр-р... — и что он мне все разжевывает, будто идиоту? Неужели думает, что я в зверином обличье поглупел как оборотень?

— Вижу, ты согласен. Тогда я изложу свой план.

Дальше Борн рассуждал о том, что нам следует предпринять, чтоб вычислить предателя, но при этом не сообщить ему о своей осведомленности. Его план был рассчитан на нас двоих, что конечно гораздо лучше, чем пытаться ловить оборотня поодиночке, при этом ни кому не доверяя. Этот план был даже весьма неплох, но я, если честно, все меньше вникал в услышанное, воспринимая речь Борна лишь как необязательный фон предоставляя своей памяти фиксировать все услышанное. Позже, когда это будет нужно, я вспомню и проанализирую каждое слово.

Солнце медленно вставало, освещая ласковыми лучами траву и вездесущий кустарник, который в этих широтах умудряется расти едва ли не на любом мало-мальски плодородном клочке земли. Неторопливо приближалось наступление нового дня. Предраассветные часы, даже теплыми ночами в это время становится зябко и неудобно. Честно говоря, я очень не люблю предраассветные часы. В серой дымке подступающего утра рассеивается внимание и клони в сон. Здесь, вдвоем, мы слишком уязвимы.

Борн заметил, что я не слушаю его.

— Ты со мной согласен? — Поинтересовался он.

— Гр-р... — Рассеянно ответил я, прислушиваясь к звукам, изредка нарушающим окружающую тишину. Так шумит только человек. Ни одно животное не станет так продирается сквозь кусты, тем более в такой крошечной тишине, когда еще и птицы не проснулись, но ночные животные уже спят. И ни один воин не станет делать этого, если он только не идиот, или неуч. К тому же Посланцы не нападают при первых лучах солнца. Рассвет — торжество жизни — не их время. Они принципиально считают рассвет неудачным временем для убийства. Значит, это Астор и Халай идут. И шумит, конечно, Астор, потому как ходить бесшумно необучена.

Спустя несколько мгновений Борн тоже услышал шум и повернулся с в ту сторону

непроизвольно положив руку на оружие. Но остался на месте. Очевидно, он тоже понимал, что враг так ломится к нам не будет.

Вскоре как я и предполагал появились Халай с юной графиней. Я сразу же обратил внимание, что Астор виновато отводит глаза.

— *Что-то случилось девочка?*

— Ничего неожиданного. — Отвечает неохотно.

— *Астор?...*

— Я останусь с тобой на весь день.

— *Зачем? Это может быть опасно...*

— Слушай и не перебивай! — Воскликнула девушка. Мне показалось, что она вот-вот заплачет, однако Астор взглянула на меня злыми и совершенно сухими глазами. — Отец сказал, что завтра мы отправляемся дальше, он считает, что нам больше не следует ждать тебя. К тому же ты об этом не просил когда исчез. Не обижайся, пожалуйста!.. Я пыталась сказать отцу, что плохо себя чувствую и не могу ехать дальше. Но он считает, что в таком случае меня нужно показать лекарю, а не сидеть на месте и дожидаться убийц. Не знаю что делать. — Взгляд девушки из сердитого стал жалобным. — Мы постараемся придумать, что-нибудь до завтра, а если нет...

— ...Я останусь с тобой. — Закончил за нее Халай.

— *Нет.* — Просто сказал я.

Халай смотрел мне в глаза и не стал ждать, когда Астор неохотно передаст ему мои возражения.

— Я знаю, что ты хочешь сказать мне Ото'о Ша. — Произнес он на языке агррами медленно. — Я вижу это по твоим глазам. Ты хочешь потребовать от меня, чтоб я не оставлял девушку. Как кхет'нша ты вправе приказать не только мне, но и самому старейшине. Однако в этот раз я ослушаюсь.

Это была довольно длинная и эмоциональная речь для обычно молчаливого Халай, и я понял, что возражать не имеет смысла. Он действительно ослушается прямого приказа, не смотря на то, что для любого агррами это равносильно святотатству.

Терпеть не могу, когда окружающие видят мою слабость и начинают жалеть меня. Но еще больше не люблю, когда близкие идут на жертвы ради меня, против моего же желания. Значит, остается единственный выход.

— Ладно, будем думать, как меня отсюда переправить.

— Ты собираешься продолжить путешествие?! — Воскликнула Астор встревожено. — Но ты же...

— Да помню-помню. Ранен. Но завтра думаю, буду вполне транспортабелен. Проблема в другом: как сделать так чтоб меня никто не заметил?

— А, по-моему, проблема в другом. — Заметила Астор, не забыв передать мои слова остальным. — Как перевезти тебя так чтоб никто не заметил. Если уж это удастся то с остальным мы, как-нибудь, справимся. Я думаю, тебя даже прятать не придется. Халай может сказать, что барс священный зверь для агррами и потому он тебе помогает, а мы помогаем ему. Это даже не ложь.

Не сказать, что Астор абсолютно права, но в целом все мы с ней согласились и дружно принялись размышлять над тем как решить эту маленькую проблему с минимумом доступных средств. Учитывая, что необходимо сохранение полной тайны средств у нас всего ничего. К тому же мысль о том, что меня можно выставить на всеобщее обозрение всего нашего пестрого отряда, словно какую-то диковинную священную реликвию меня не слишком вдохновляет. Этот план Астор мы оставим на крайний случай.

Именно юная графиня и выдал первую идею:

— Может, сделать носилки и перенести тебя ночью? А там уже будем решать что делать. Нам троим, думаю, будет не очень сложно.

Идея, к сожалению, не была оригинальна. Думаю, каждому из нас она уже по разу пришла в голову, но тут же был отвергнута. Во-первых, я не маленький котенок и таща меня

ночью по этому проклятому кустарнику можно наделать столько шума что, вся конспирация моментально пойдет псу под хвост. Что бы там Астор не думала я, достаточно тяжел, какую бы форму не принял, масса тела не изменяется. Во-вторых, может статься, что после этого уже и некому будет прятаться. Утыкают стрелами с перепугу как ежей, а потом будут разбираться, кто это шляется по ночам в округе с таким шумом. У людей графа нервы и так сейчас на пределе. Ох, представляю что будет когда мы заявимся в лагерь такой компанией... Нет, нужно что-то другое.

Новую идею предложил Халай. На первый взгляд тоже не самую лучшую. Да он и сам это понимал.

— Может привести сюда коня? Вот только как вывести его из лагеря незаметно для всех.

— Ну, положим, вывести незаметно одного коня я бы мог. — Возразил Борн. — Но толку нам от этого? Как посадить его в седло? От него же все лошади шарахаются!

Все взгляды обратились в мою сторону. А я тем временем потихоньку трансформировал свои голосовые связки. Процедура эта, надо сказать, отнимает крайне много энергии и еще вчера вполне могла меня доконать. Но разговаривать через Астор в данной ситуации довольно неудобно.

— Борн полагаю, этот вопрос решается довольно просто. — Произнес я и на мгновение позволил себе полюбоваться произведенным эффектом. Столь изумленных лиц я не видел уже давно.

— И ты мог так с самого начала? — Спросил Борн почти возмущенно.

— Нет. Сил не хватало. Но мы сейчас не об этом... Посадить меня в седло не так уж трудно, если лошадь обученная ее можно заставить присесть. А потом привязать меня к седлу, чтоб не грохнулся ненароком в процессе движения.

— Угу, — скептически хмыкнул Борн, — и где же найти лошадь, которая позволит посадить себе на спину такого зверя?

— А ты думаешь таких нет? — Мне вдруг захотелось подурачиться. Я уже понял, что проблема в принципе решена, и настроение значительно улучшилось.

Подурачится, мне не дала Астор. Сообразительная девочка...

— Шторм! — Воскликнула она победно.

— В самом деле, Шторм его не боится! — Воспарял духом Халай. И тут же добавил менее радостно: — И ни кого не слушается.

Теперь настало мое время радоваться собственной предусмотрительности.

— Ты не совсем прав Халай, Шторм не слушается лишь потому, что вы не знаете, как этого добиться.

— Ты хочешь сказать его можно заставить? — Не поверил Борн.

— Ну... не совсем заставить, скорее уговорить. Однако слушаться и вести себя спокойно он будет, если ты, конечно, не попытаешься сесть в седло.

— А если все же попытаюсь?

— Рискнешь свернуть себе шею.

— Понял. Так что надо делать?

— Просто скажи ему — *анэ'гхет* .

— И все?

— И все. Шторм умный конь, он пойдет за тобой и сделает все что нужно. Но еще раз предупреждаю: этот конь не потерпит другого всадник кроме меня.

— Понял. — Серьезно кивнул Борн и попытался произнести незнакомое слово. У него, конечно, не получилось правильно с первого раза, и Халай принялся объяснять, как поставить ударения, как растянуть гласные, чтоб получилось то, что нужно.

Что у них там, в конце концов, получилось, и когда ушел Борн я уже не слышал. Страшно клонило в сон. Это все разговоры. Слишком много энергии уходит на постоянный контроль трансформированных голосовых связок. Наилучшее лекарство в таких случаях — сон. Долгий и глубокий сон. Сегодня ночь я должен быть способен подняться на ноги... на

лапы.

Унизительно быть беспомощным.

Графство Шевроз. Временный лагерь.

Уже довольно давно ему не приходилось использовать все свои способности в полную силу. И, тем не менее, Борн на девяносто процентов был уверен, что сработал отлично. Десять процентов можно было сбросить на непредвиденные обстоятельства. Но тут уж и он со своим профессионализмом не смог бы ни чего поделать. Борн почти наверняка знал, что никто не видел, как он тайком покидал лагерь, уводя в поводу коня без вести пропавшего де Энхарда. Кроме того, удалось устроить так, что никто не заметил отсутствия юной графини (ее удалось уговорить вернуться в лагерь днем, но в решающий момент она наотрез отказалась сидеть на месте).

— Здорово, — Шепотом восхитилась Астор, — никто не заметил! Как ты это?...

Борн хмуро шикнул на нее. Вне лагеря его умение было бесполезно, поскольку чтоб отвести кому-то глаза надо наверняка знать, где находится этот человек... или люди. Сейчас был самый рискованный момент. От лагеря они уже отошли, но еще не достаточно далеко. Если кто-то со стороны приглядывает за лагерем, или же кому-то вздумается именно сейчас отойти по нужде, есть большая вероятность что Борн не сможет его засечь, особенно если наблюдатель догадается вовремя затаиться в окружающем непролазном кустарнике. А какова позиция для убийцы! Вот она юная графиня как на ладони, и не сразу поймешь, с какой стороны прилетела смертоносная стрела.

Борн раздраженно нахмурился. Он понимал, что любого профессионала, как бы тот не прятался, он со своим опытом сможет засечь. Каждый профессионал действует сообразно каким-то стереотипам, общим практически для всех. Это только полный дилетант может выкинуть, что-нибудь такое от чего у любого профессионального телохранителя или же убийцы голова кругом пойдет. Как иногда, например, делает Барс.

Борн думал, так стараясь вычислить возможного наблюдателя. И не знал, что наблюдатель все-таки есть, человек, которого телохранитель ожидал тут встретить меньше. Ну, кто мог подумать, что граф вопреки здравому смыслу ускользнет от бдительной охраны и вздумает прогуливаться в такое время в стороне от безопасного и обустроенного лагеря. Если бы Борн знал об этом он, наверное, перестал бы задаваться бессмысленным вопросом — в кого такой непоседливой и упрямой удалась Астор. Однако Борн ни о чем не подозревал, и графу каким-то чудом удалось незаметным пойти за ними. Может, потому и удалось, что он не особенно умел скрываться.

На маленькой стоянке было тихо и недвижимо, костер почти догорел. Тлел едва-едва, только чтоб Борну, а в основном конечно Астор — было видно куда идти. Кто бы сомневался, что настырная девчонка наотрез откажется сидеть на месте и тем самым пропустить самые важные по ее мнению события. А оставлять юную графиню в лагере под охраной, как все успели убедиться, совершенно бесполезно. Девчонка здорово наловчилась избавляться от слишком пристальной опеки охраны. Вот только Борна и де Энхарда ей обмануть еще ни разу не удавалось. Так и получалось — графиня обязательно сбежала бы, оставь ее хоть на минуту без присмотра. И какой выбор после этого, что безопасней для нее? Таскать девчонку за собой, ночью, когда возможно за каждым кустом прячется убийца, который не побоится рискнуть собственной жизнью лишь бы достать жертву? Или же понадеяться на бдительность охраны и Ортона? Парень слишком молод, не справится он с этой чертовкой. А к тому же Борн с некоторых пор ему слегка не доверял. Он вообще теперь ни кому не доверял... Да еще эта необходимость сохранять тайну. Просто чудо какое-то, что за эти дни никто, ничего не заметил! Все еще живы, никаких нападений не было. И это притом, что они вели себя совершенно неразумно, откровенно подставлялись, и были уязвимы до крайности. Но пока что все каким-то чудом обходилось.

"Это ненадолго, — отстранено подумал Борн. — Нам просто неприлично, бесстыдно

везет. А такое везение, как правило, в один момент прерывается быстро и страшно. Кто-то, возможно, заплатит жизнью за наше нынешнее везение..."

Сейчас граф и его дочь наиболее уязвимы, но нападений пока нет. Тоже везение? Или Посланцы пока не знают где искать задержавшийся в пути отряд? Вполне может быть, если у шпиона Посланцев нет возможности сообщить своим о местонахождении кортежа. Но скоро он такой способ найдет, можно не сомневаться. Магию, например. Очень похоже...

А они тут какой день сидят на месте в этой безлюдной глуши и шлются по ночам среди этого проклятого кустарника, где можно целую армию спрятать. Борн понимал, насколько неразумно они себя ведут. Халай и де Энхард тоже это понимали. И никто ничего не пытался изменить. Будто так и надо. Не считать же вялые попытки Барса возразить, его даже девчонка слушать не стала. В любом случае бросать раненого де Энхарда никто не собирался. Он был нужен, вот и все. Всем им зачем-то нужен.

Барс почти с нежностью посмотрел на Шторма. Сколько уже раз он удивлялся редкостному бесстрашию своего коня. Он не боялся темной ночи, чужого человека ведущего его в эту непонятную ночь, потому что знал, что его ведут к единственному хозяину. А в том, что Шторм знал, Барс ни на миг не сомневался. Недаром эту породу выводили с помощью магии на далеких Гатлийских островах. Конь даже не испугался его звериной личины, словно бы нормальные хозяева каждый день должны превращаться в здоровенных белых барсов.

Вообще-то, Маркус никогда не любил лошадей, и даже не потому, что большинство из них от него шарахались. Просто его звериная натура признавала исключительно потребительское отношение к столь незащитным, по его представлениям, животным. Не раз за свою жизнь ему приходилось в трудной ситуации утолять голод за счет собственного коня, и, что греха таить, порой даже в сыром виде. Честно говоря, в сыром виде они ему как раз больше нравились. Когда нужно непременно выжить самому не стоит щадить транспорт. В общем, отношения с лошадьми у Барса не сложились. Но Шторм... Шторм это совсем другое дело. Он не транспорт, он партнер, не слабая лошадка, а воплощенная сила и гордость.

— Твой конь такой же упертый, как и ты. — Заметил Борн. — Ни в какую не хотел идти со мной, пока я не произнес то заковыристое слово со всеми правильными ударениями.

Шторм не обращая внимания на запах крови, низко опустил голову, тихо фыркнул. Его горячее дыхание вздыбило шерсть на спине Барса.

Астор присела, рядом отстранив конскую морду.

— Ну, как?

Барс коротко рыкнул, что при некотором наличии воображения можно было принять за что-то вроде усмешки.

— Жив пока, как видишь.

— Да ну тебя, с твоими дурацкими шутками!

Борн опустился рядом на корточки. Со скрипом потер небритый подбородок.

— Ну ладно, Барс, коня мы привели. А как ты собираешься, на него взгромоздиться?

— Чтоб я знал. — Ответил тот коротко. На минуту прикрыл глаза. Разумней было бы конечно не тратить силы понапрасну и трансформировать голосовые связки обратно. Но разговаривать через Астор... девочка не всегда соглашается адекватно передавать его слова остальным.

— Будем думать. — Заявил Халай, поняв, что ответа, не дожидается.

Астор крепко обняла Барса за шею, носом уткнулась в перепачканный мех.

— Ой, Маркус как я боюсь, что у нас ничего не получится! Отец узнает, что будет...

Борн и Халай разом вскинулись, хватаясь за оружие. Барс оскалил клыки, собираясь зарычать. Однако тревога оказалась ложной. Это был граф.

Конечно, по всем законам подлости он оказался именно здесь и именно сейчас. Кто бы сомневался.

Даже в темноте было видно, что лицо де Энакера пылает гневом. Может быть, он был зол оттого, что все делалось в такой тайне. А может быть, припомнил, как Барс однажды выбрался из постели Астор. При наличии воображения представить он мог все что угодно. И нельзя сказать, что граф страдал полным отсутствием воображения.

Борн раздраженно хмыкнул и вновь опустился на корточки и не слишком вежливо покосился на графа.

— Так я и знал, что это не может долго продолжаться. Какого беса вы пришли сюда ночью граф?

И мысленно у самого себя: "Как ты мог его не заметить, придурок?!"

Де Энакер даже опешил. Вопрос ни как не вязался с обычно вежливыми и предупредительными манерами Борна. А тот между тем продолжал:

— Вы хоть понимаете, что делаете, граф? Ладно, вашей дочери подобная взбалмошность и безответственность в какой-то мере простительны, она, по сути, еще ребенок. Но вы-то взрослый, здравомыслящий человек!

— Остынь, Борн, потом будем разбираться. — Прорычал Барс. — Лучше давайте поскорей убираться отсюда. Что-то нехорошее у меня предчувствие.

Борн раздраженно буркнул что-то напоследок, но мысленно согласился. Барс даже сам вряд ли догадывался, насколько его подозрения могут быть верны. Ведь мало кто знает, что Холос мастер неприятных случайностей. И если среди Посланцев найдется достаточно толковый жрец-маг, он безошибочно укажет место и время когда можно застать жертву в самой неприятной для них ситуации. И даже иной раз эту ситуацию подстроить. А сейчас самый подходящий для этого момент. Обе жертвы далеко от лагеря, ночью. И всего двое охранников.

Борн мысленно поморщился и помог Халаю аккуратно устроить Барса поперек седла. Это оказалось не самым простым делом. Во-первых, Барс в обоих своих обличиях был далеко не легоньким. Необходимо было перенести эту беспомощную тушу так, чтоб не навредить. К тому же его надо было закрепить в седле, так чтобы не упал при движении. Ведь раненый Барс не мог бы держаться сам. Однако им наконец-то удалось его устроить, не без помощи графа, конечно же.

Халай взял Шторма под уздцы. Борн запалил от костра факел, а затем загасил его.

— Осторожней, — сказал он горцу, — если конь споткнется... — Борн не закончил фразу, но в том и не было необходимости. Всем и так было понятно, что станет с Барсом, если Шторм ненароком споткнется в потемках.

Однако уйти далеко им так и не удалось. Именно сейчас словно бы по всемирному закону подлости их ненормальное везенье кончилось. Оказалось, что осторожно продираться в темноте сквозь густой и колючий кустарник Шторму было ох как не легко. Приходилось постоянно останавливаться, чтобы расчистить коню дорогу.

К счастью Борн и Халай старались не слишком далеко удаляться от своих подопечных. Поэтому они успели, вовремя насторожиться и обнажить оружие, когда Барс поднял тревогу.

На проплешину, где еще недавно горел костер, бесшумно выскользнули несколько темных фигур. Сначала их даже трудно было разглядеть, не зря считается, что ночь для Посланцев родная стихия. Однако вот двое первых обнажили свои тусклые сероватые клинки и ринулись в атаку. Они уже поняли, что обнаружены.

Борн тихо ругнулся и швырнул одному из нападающих факел в лицо. Пылающая деревяшка глухо стукнула о подставленный меч, но дальше убийце было несладко. Телохранитель атаковал его быстро и яростно. Вторым занялся Халай.

Полыхнуло пламя. Отбитый в сторону факел упал в кусты, и те мигом загорелись.

В этом ярком освещении стало четко видно как третий убийца, оставшись без противника, с арбалетом в руках хладнокровно выцеливает беззащитных графа с дочерью.

Барс действовал по наитию. Он совершенно не думал о том, что ему может просто не

хватить сил на этот отчаянный рывок. Или что это может его просто убить. Лапы оттолкнулись от седла, и большой белый зверь распластался в гигантском прыжке.

На миг наблюдающим за этим прыжком-полетом графу и Астор показалось, что он не допрыгнет. Слишком далеко. Но в следующий момент Барс обрушился на своего противника.

Астор впервые видела, как он убивает. Это было заворачивающе жутко, но и в то же время до странности красиво. Даже раненный Барс поражал воображение своей звериной грацией и силой. Он обрушился на своего противника словно лавина. От сбитых на землю инерцией тел слышны были неприятный хруст и хрипы.

Девушка испуганно зажмурилась. Внутренности вдруг захлестнуло волной боли. Она закричала, уже понимая, что это может означать. Барс лежал на земле, нелепо подвернув лапы и, не двигаясь. Его противник лежал рядом. Мертвый. Астор закричала снова и бросилась к нему, не обращая внимания на предостерегающий крик отца, ни на попытку ее удержать.

Противник Борна вдруг вышел из схватки и поразительной скоростью рванул вслед за девушкой. Телохранитель, не раздумывая, метнул ему в спину кинжал, с левой руки. Попал на редкость удачно — в сердце. Затем он помог Халаю. Впрочем, горец и сам неплохо справлялся. Ему достался гораздо менее ловкий и опытный противник.

Наконец они вместе собрались вокруг Барса. Он лежал на земле и на первый взгляд не подавал признаков жизни. Левая передняя лапа неестественно подвернута, ясно было, что она сломана. Вся шерсть его была перепачкана в крови, и не понятно чьей, его или убитого человека. Похоже, там хватало того и другого.

Халай присел, быстро осмотрел Барса. И констатировал мрачно:

— Жив. — Потом добавил гораздо тише: — Пока.

Астор безнадежно всхлипнула. Лучше остальных она понимала, что ее любимый сейчас на грани смерти.

Барс медленно открыл глаза, обвел всех затуманенным болью взглядом и опустил веки. Понимал ли он что видит вокруг?

— Надо что-то делать! — Халай в бессилии скрипнул зубами. — Раны открылись, он истечет кровью.

— Сделайте же что ни, будь, он умирает! — Воскликнула Астор, отчаянно надеясь, что мужчины все-таки придумают что-нибудь... спасут...

— Но чем мы можем сейчас помочь? — Вздохнул граф, обнимая дочь. Он уже забыл свою злость, и ему так же как остальным очень хотелось, чтобы Барс выжил. Но в отличие от своей дочери де Энакер являлся человеком здравомыслящим и слишком хорошо понимал, что помочь здесь могло только чудо. Или вмешательство богов. Но боги слишком редко вмешиваются в дела смертных, вряд ли стоит на них рассчитывать.

Только Борн с мрачным молчанием наблюдал за этой бесполезной возней. Затем внезапно буркнул: "Мне надо подумать" и отошел в сторону, ничего не объясняя остальным.

Барс.

Было ясно — это конец. Возможно, с помощью хорошего мага-целителя и удалось бы выжить, но тут ни то что мага, а даже обычного деревенского лекаря не найти. У меня слишком много повреждений. Перелом передней лапы, два сломанных ребра, пробитое легкое (результат неудачного приземления), внутреннее кровотечение. К тому же открылись незажившие раны. Я стремительно теряю кровь... и что хуже — энергию, то, что могло бы помочь мне выжить даже сейчас.

Умирать не то что бы страшно — обидно. Когда, прожив десять веков, знаешь, что впереди может быть еще столько же, или в десять раз больше обидно умирать молодым. И не сделав всего, что собирался.

Рядом безнадежно и отчаянно всхлипывает Астор. Как она по мне убивается... Жалко

девочку. Вот странно, ведь это я умираю, жалеть стоило бы себя. С другой стороны боюсь, теперь и она не долго проживет. Рано или поздно это противостояние закончится победой Посланцев.

Хоть бы уж плакать перестала.

Больно...

Попытка вздохнуть оборачивается еще большей болью. В легких что-то булькает и из пасти вытекает пузырящаяся кровь. Я бы, наверное, мог выжить, даже с такими ранами, даже без помощи целителя у меня бы был шанс в другой ситуации. Но убийца, на которого я так неудачно приземлился, в последний миг успел полоснуть меня зачарованным кинжалом по незажившей ране. И магическая энергия, которая течет в моих венах наравне с кровью и делает меня тем, кто я есть — теперь вместе с этой кровью вытекает не оставляя шансов на спасение. Вот так-то.

Вновь пытаюсь вздохнуть. Бульканье и кровь. Больно.

Астор сидит рядом и тихонько всхлипывая гладить меня между ушами. Ну не плачь, девочка.

Граф смотрит на меня как-то беспомощно и виновато. Его мне тоже жаль...

Какие странные мысли лезут в голову...

Сознание начинает туманиться. Я бы давно должен отключиться, и был бы этому рад, однако Астор каким-то образом держит меня. Но сознание все равно уплывает... это хорошо... не будет больно.

Сквозь туман застилающий сознание пробивается странное золотое свечение. Я перестану чувствовать боль, и вообще свое тело. Я даже снова могу думать... но как-то странно. Это я уже умер, или просто бред?

Слышу голоса, кажется смутно знакомые, однако слов разобрать не удалось. Обычная человеческая речь почему-то проскальзывала мимо сознания, превращаясь в нечленораздельную тарабарщину. Однако по какой-то причине мне казалось важным понять, о чем говорят голоса из золотого света. О том, что только что умирал, я уже не помнил. И вообще такое понятие как смерть в данный момент вызывало у меня лишь смутное беспокойство.

Я сосредоточился на чужой речи, пытаюсь осознать проникающие в мое затуманенное сознание слова. Ну же!.. Получилось!

— ...он умирает Светлейшая, — сообщил кому-то мужской голос, — все наши планы теряют смысл.

— Очень плохо! — Недовольно отозвался мелодичный женский голос. — Что у вас там случилось?

— Новое нападение. Его ранили. — Ответил мужской голос (я, наконец, узнал Борна). — Но думаю дело не только в новых ранах. Это существо, кем бы он ни был, слишком живучее, чтобы умереть так быстро от подобных ран.

— Так... — В голосе невидимой женщины прозвучали задумчивые нотки, в золотом свете зазвенели серебряные колокольчики. — И в чем причина как ты думаешь?

— Не знаю Светлейшая. — Судя по тону, Борн и в самом деле не знал. — Он словно теряет жизненные силы, словно бы они вытекают вместе с кровью. Возможно, среди нападавших был маг, или они имели зачарованное оружие.

— Он не должен поддаваться магии в звериной форме, собственно потому его и выбрали. — Задумчиво проговорил мелодичный голос незнакомки. И тут она оборвала сама себя. — Все это не имеет значения! Нет времени искать более подходящую кандидатуру. Вылечи его, я дам *силу*.

— Просто вылечить? — Изумился Борн.

— Нет, конечно. За жизнь надо платить. Заключим сделку: пусть убьет Черного Лорда, это в его же интересах. Дашь ему всю информацию, какая потребуется, однако объясни как следует — пусть и не пытается разорвать сделку. Я найду его даже в мире мертвых, если это место доступно этому существу. А теперь иди. Когда будешь готов — призови *силу*.

— Слушаюсь, Светлейшая!

На этом разговор прервался. Исчез непонятный золотой свет.

А я вернулся в свое тело и вновь почувствовал боль. Сознание вновь поплыло, но какой-то его частью я успел понять, что подслушанный разговор занял меньше чем одно мгновение времени. Потом мои путанные мысли сосредоточились совсем на другом. Демоны Бездны, я не боюсь смерти, но я хочу жить! Мои звериные инстинкты заставляли бороться и искать выход даже в этой безнадежной ситуации. И если все только что услышанное не мой предсмертный бред, шанс есть! За это нужно будет убить какого-то Черного Лорда. Никогда не был наемным убийцей, вообще призираю их, но... жизнь того стоит!

Надо как-то передать Борну, что я согласен. Демоны со всем этим, главное сейчас выжить, а с остальным потом разберусь! Но как передать? Я же не могу говорить... почему не могу? Ах да, я же в звериной форме. Но надо сказать!.. Как?

Астор!

Надо собраться. Последний рывок, а там как сложится.

Мысль из нескольких четко сформированных слов.

"Передай Борну — я согласен!"

Все.

Астор испуганно вздрогнула.

— Он умер? — Ей казалось, что плакать и бояться, уже нет сил, но слезы почему-то все равно двумя ручейками бежали по щекам.

Халай присел и подставил под нос Барсу свой кинжал. Пришлось подождать, пока на полированном металле образуется несколько влажных капелек. Горец встал ничего, не ответив девушке. Он слишком остро понимал, что это был, возможно, последний вздох Барса.

Вернулся Борн, увидел бездыханного Барса, но спросить ни чего не успел. Но заплаканная Астор дернула его за рукав.

— Маркус просил передать что, согласен. О чем это?

— Так и сказал? — Удивился телохранитель. — Ладно, уходите все.

— Но...

— Я могу спасти его. — Жестко сказал Борн. — Но пока мы пререкаемся, может быть поздно.

Что со мной происходило, я понимал с трудом, лишь гораздо позже удалось разобраться в своих странных ощущениях. Сначала было тепло, и все вокруг обволакивал золотой туман, неестественно мерцающий. Тепло распространялось по моему телу, постепенно превращаясь в жар. Затем вернулась боль, которая казалось, уже навсегда покинула умирающее тело. Боль была просто нестерпима, она была в десять раз сильнее того, что могли причинить раны. Я горел в странном золотом пламени.

Я бы, наверное, закричал, но из глотки вырвалось лишь сдавленное сипение вместе со сгустками крови. Когти судорожно скребли землю, вырывая куски дерна. Я едва это осознавал, и вообще почти ни чего не чувствовал кроме пламени в котором сгораю.

Надо отключить боль, я же это когда-то умел... сосредоточиться и заставить себя не чувствовать. Но вместо этого в моем сознании ледяными осколками взорвался полный боли крик Астор и я, окончательно провалился во тьму.

Какие-то ирреальные ведения. Лица давно умерших друзей, или просто малознакомых людей. Они пытаются мне что-то сказать, или же предупредить. Однако я не понимаю, хочется только, чтобы они все перестали мельтешить с бешеной скоростью, а лучше вообще исчезли. И только в какой-то частичке сознания свербит назойливая мысль — это не реальность, это мой бред.

Раздвигая толпу призраков, ко мне подходит девушка. Я сразу узнал ее. Фрида. Когда-

то я так любил эти серые, словно грозовая туча, глаза. Или же словно отточенная сталь, в зависимости от ситуации.

Она протягивает руку, показывая мне порезанный палец, кровь кажется, навечно застыла неживой рубиновой каплей.

— Это моя смерть, видишь? — Печально говорит она.

— Знаю. — Я хорошо помню, как она порезалась, когда точила свой меч и моментально умерла, потому что яд действовал быстрее, чем человек осознавал что порезался. Я тогда даже сделать ни чего не успел.

— Это загробный мир?

Фрида кивнула.

— Зачем ты пришел сюда?

Очень содержательный разговор, одним словом бред.

— Умер, наверное. — Пожимаю плечами. Как бы я еще мог попасть на тот свет?

— Ты не можешь умереть. — Нахмурилась Фрида. — Ты обещал спасти девушку. Ты заключил соглашение с богиней и теперь должен жить.

— С богиней?! — Я смутно начал припоминать о том, что было до того как... я оказался здесь (где здесь?). Борн видимо с помощью магии разговаривал с какой-то особой, называемой Светлейшей. Ну конечно, как же я сразу не догадался!? Светлейшей на севере зовут верховную богиню нашего мира. Она глава конклава богов. Светлейшая приказала Борну спасти меня, а я взамен должен убить какого-то Черного Лорда. Кто это вообще такой?

— Фрида, кто такой Черный Лорд?

— Враг, которого ты ищешь.

Не слишком вразумительно, но от мертвых вообще трудно добиться четких ответов. Какого врага я ищу? Только того, кто хочет убить Астор... Ах-ха!

— Уходи отсюда, — неожиданно говорит Фрида, — за тобой долг. Ты обещал спасти девушку, но она уже идет за тобой.

Идет за мной? В каком смысле? Растерянно осматриваюсь и вижу прозрачный силуэт Астор, он медленно приобретает объем и материальность. О, демоны Бездны! Если это не мой предсмертный бред, а действительно загробный мир, то девочка умирает! Что же делать?!

— Уходи, — настойчиво повторила Фрида, — это место для человеческих душ. Ты не можешь, здесь находиться.

— А я кто?

— Ты не человек, и ты еще не умер. Иди.

Очень мило. Мне просто и ненавязчиво напомнили, что я не человек. А то я сам этого не знал. Борн тоже помнится, когда беседовал с богиней, обозвал меня "это существо". Даже в человеческий загробный мир меня не принимают. Мол, пошел вон, ты здесь не нужен. Да в Бездну! Это всего лишь мой бред, и я сейчас же, немедленно очнусь!

Стоило только подумать об этом и, у меня перед глазами заплескались цветные, словно бы я вот-вот потеряю сознание. Можно ли потерять сознание, уже находясь вне него? Кажется, сегодня я это узнал...

Кажется, я после этого несколько раз приходил в себя, но поручится, не могу. Однако потом то ли засыпал, то ли вновь терял сознание, но уже без бредовых видений. Наконец очнулся окончательно. По крайней мере, осознал, что больше не хочу спать или проваливаться в вязкую муть болезненного беспомыслия. Тело сковывала сильнейшая слабость, веки казались пудовыми. Понадобилась пара минут, чтобы собраться с силами и разлепить глаза. И еще какое-то время чтобы сфокусировать расплывающийся взгляд.

Сперва я даже не совсем понял, где нахожусь, в частности и потому, что не слишком хорошо видел. Однако, слегка сосредоточившись, я обнаружил, что лежу на чем-то мягком. Похоже на одеяло из шкур. Вокруг стенки... чего? Ага, палатка! Так, меня, похоже, все-таки перенесли. Отрадно. И судя по лучам света, пробивающимся снаружи уже день.

А этой ночью я едва не умер...

Есть о чем подумать. Но сначала разобраться в каком я состоянии.

Пошевелится, с первого раза не удалось. Со второго впрочем, тоже. С третьего раза едва-едва повернул голову. И то радость. Скашиваю глаза на свои конечности. Лапа. Следовательно, я все еще в звериной форме. Ничего удивительного, у меня и двигаться-то сил нет, а уж на трансформацию и вовсе энергии не хватит. Борн, конечно, вылечил меня (непонятно только каким образом), но вернуть утраченную энергию то ли не смог, то ли не счел нужным. С другой стороны Светлейшая и не давала ему таких указаний.

От нечего делать разглядываю свою лапу. На когтях засохли комки грязи, белая обычно шерсть сейчас выглядит неприятно бурой от засохшей крови, свалившейся. Интересно, я, что же весь так выгляжу?! Бр-р...

Полог палатки откинулся, слегка нагнувшись, внутрь вошел граф.

Я попытался, было подняться, тут же вынужден был отказаться от несвоевременной идеи. Сейчас я способен разве что моргать.

Граф присел рядом, вздрогнул, встретив мой взгляд. Видимо от неожиданности.

— Вижу, вы очнулись. Хотите, что-нибудь? Воды может быть?

Согласно моргаю. Пить я хочу, даже очень. Я еще и есть хочу. Но жевать сейчас я вряд ли в состоянии. Похоже, в ближайшее время мне придется питаться исключительно жидкими супчиками. Кошмар! Я хищник, я мяса хочу!

Де Энакер выглядывает из палатки, кому-то что-то говорит. Спустя минуту появляется Халай с двумя большими мисками в руках, ставит их перед самым моим носом. Из одной одуряюще пахнет густым мясным бульоном. В другой значит вода.

Пытаюсь дотянуться, но, конечно же, ни чего не получается. Обидно! Миски в двух сантиметрах от моего носа, но у меня нет сил, сдвинуться даже на миллиметр. От соблазнительного запаха желудок скручивают спазмы.

Из глотки невольно вырывается злое рычание. Дожили! Так и с голоду подохнуть недолго!

Халай обхватывает меня одной рукой за шею, чуть приподнимая, другой рукой подвигает миску. Он что рассчитывает я смогу так есть?!

Высовываю язык, пытаюсь лакать. Получается паршиво — рука Халай давит на горло.

Помимо воли представляю, как я сейчас выгляжу. Ничего себе красочная композиция! Красный от натуги Халай пытается удержать мою жалкую, безвольную тушу за шею. Я полузадушенный с вываленным наружу языком и ошалело выпученными глазами. Несмотря на всю серьезность ситуации, мне стало смешно. И я бы, наверное, засмеялся, но звери, к сожалению, смеяться не могут. Я смог лишь фыркнуть и, конечно же, подавился.

Халай встревожено заглянул мне в глаза, но, увидев улыбку графа — все понял.

— Раз смеешься, значит, все не так плохо. — Облегченно заметил он.

Да уж, просто замечательно! Лучше бы поесть дал, умник.

Халай, похоже, угадав мои мысли, принялся меня кормить. Лучше даже не думать о том, как все это выглядит со стороны. Граф, по крайней мере, поспешно ретировался. Наверное, чтобы ни засмеяться в моем присутствии.

Закончив меня кормить, Халай принялся рассказывать, что произошло, после того как я отключился, справедливо полагая, что это будет мне интересно.

Оказалось мое чудесное излечение далось Борну совсем не легко. Вернувшись в лагерь, он сразу же отправился отсыпаться. И добудиться его не могли до сих пор.

Тот крик Астор, перед тем как я отключился, мне не послышался. Девушка по какой-то причине потеряла сознание.

Халай высказал предположение, что так на нее подействовала наша связь. Ведь когда меня ранили в первый раз, Астор каким-то образом это почувствовала. Я вспомнил, какую адскую боль ощутил в тот момент и мысленно согласился с этими выводами. Если бедная девочка почувствовала хотя бы десятую часть того что досталось мне... Как-то сразу приходят на ум слова Фриды из моего бредового видения. "Она идет за тобой..." — так

сказала мертвая воительница. А если это был не совсем бред, и Астор могла, в самом деле, умереть вместе со мной?! Даже думать о таком неприятно.

Ну, Странник, удружил ты со своим подарком!

Больше новостей у Халай не было. В бессознательном состоянии я пробыл пол суток, против ожидания это не так много. Если бы меня лечил даже самый искусный лекарь с хорошими магическими способностями, после такой встряски я провалился бы в отключке не менее суток, да еще потом неделю бы был не на что не способен. Впрочем, чему удивляться, ведь насколько я понял, меня спасло от смерти какое-то весьма могущественное существо, как бы не богиня.

— Ну что тебе еще рассказать? — Спросил Халай. И, конечно же, не дождавшись ответа, продолжил сам. — Мы когда тебя привезли, люди графа очень удивились. Я сказал, что ты священный зверь племени, которого мы призвали для защиты графини. Что ты был ранен, спасая ее жизнь. И мы не двинемся с места, пока ты не выздоровеешь. Граф, кстати, против непредвиденной задержки не возражал.

Я мысленно усмехнулся. Неплохую историю придумал Халай! А самое главное совершенно правдивую. Ведь я действительно помимо всего прочего являюсь Священным Зверем племени, и о моей дружбе с Астор все знают. Не раз видели меня в зверином обличье рядом с девушкой.

— А ран у тебя нет, — сообщил в заключение своего обстоятельного рассказа горец — Мы тебя внимательно осмотрели, ни переломов, ни ран, даже шрамов нет. Борн предположил, что такое плохое состояние у тебя было из-за потери жизненной энергии, возможно среди призраков был маг. Так что ты отдыхай родич, восстанавливай силы. Я позже зайду. — Уложив меня поудобней, он тихонько удалился.

Очень вовремя. Чувствую, что во время этого одностороннего "разговора" здорово утомился. Веки отяжелели, глаза уже невозможно было удерживать открытыми, и вскорости я уснул.

Снятие масок. Раунд первый.

Барс выбрался из палатки, шумно вздохнул, неуклюже переступая лапами. Выглядел он довольно невзрачно, густая и пушистая белая шерсть свалялась, кое-где слиплась неопрятными бурыми комками засохшей крови. Взгляд зеленых кошачьих глаз казался не по-звериному разумным из-за сквозившей в них застарелой усталости. Он взидал на мир, словно древний старец уже очень много повидавший в этой жизни.

Усталый зверь лег у входа в палатку. Со вздохом положил крупную голову лапы. Пристальным взглядом провожал каждого прохожего. Люди нервно ежились и старались обойти палатку по широкой дуге. Очень неудобное ощущение возникало под этим пронизывающим до костей взглядом.

Горцы на это реагировали спокойней, они-то знали, что как бы странно Барс не смотрел сейчас, это им ничем не грозит. А вот люди графа теперь постарались не только обходить палатку стороной, но и вообще не появляться в приделах видимости зверя. Хищник все-таки, кто его знает, что выкинет в следующий момент?

Сам Барс едва ли замечал реакцию людей, погрузившись в свои размышления. В нынешнем состоянии это было пожалуй единственное доступное занятие.

За более чем сутки отдыха набрался сил единственно на то чтобы кое-как выползти из палатки на свежий воздух, и плюхнуться на землю у порога. Так как дальше лапы просто отказывались держать, не говоря уж о том, что бы двигаться. Столь унижительное бессилие было для него крайне непривычно, от чего Барса вскорости одолела меланхолия. Самое подходящее состояние для размышлений.

Почему-то больше всего не давали покоя слова Фриды из того странного то ли сна, то ли видения. Что это было на самом деле — реальный загробный мир, или же тревожный сигнал подсознания? И почему именно Фрида говорила со мной в этом видении, не потому

ли, что в последнее время я слишком часто ее вспоминал, тревожа покой мертвых?

"Тебе здесь не место. Ты не человек".

И впрямь глупо было бы считать себя человеком, смешно даже. Ему ли не знать? Но никогда прежде Барсу не говорили это так. Почему-то несмотря, ни на что было трудно отделить себя от рода человеческого. Душа упорно отказывалась признавать очевидное.

Барс всегда помнил, что в его жилах течет кров ках-аа-лу, загадочной и совершенно непонятной расы. И когда задумывался об обстоятельствах своего появления на свет, крепко подозревал — его мать *наверняка* знала, что ее ребенок унаследует от отца-человека лишь внешнюю схожесть и такое же крупное телосложение. Каким образом она этого добилась, он даже не представлял. О том, что внутреннее строение его организма весьма отличается от человеческого можно даже не упоминать. Самые явные признаки, конечно же, долголетие, возможность полной или частичной трансформации тела. Когда-то давно, когда Барс безуспешно пытался понять свою природу, он усиленно изучал оборотней, и в конечном итоге пришел к выводу что не имеет с ними ничего общего. Оборотни — проклятые. И этим все сказано. Они не способны контролировать свою звериную ипостась. В звериной форме их обуревают безумная жажда крови. Ни один хищник, даже больной бешенством, не сходит с ума настолько. Это что-то не просто звериное, это *дозвериное* ! Их жажда крови имеет запредельную природу, она идет от самого Холоса — отца смерти.

Барс же когда принимал звериную форму, полностью сохранял разум. Хотя это тоже неправильное сравнение. Он в любом обличии был зверем, хищником, но хищником разумным и умеющим вести себя как человек. Лишь постоянные рамки самоконтроля удерживали его истинную суть от того чтобы проявиться во всей красе. Рамки эти, однако, были железными.

Опять же, оборотни не способны к частичной трансформации и в свое изменение не затягивают посторонние предметы, такие как одежда, например. Или вещи близкие к телу. Знакомый маг как-то объяснил Барсу, что сам он генерирует некое поле, небольшое, но весьма мощное преобразующее вместе с владельцем все, что в него попадает.

Впрочем, оборотни — они, так или иначе, люди, или были таковыми до того, как продали душу Холосу за метку зверя. Барс же изначально являлся существом полумагическим, и существовал совсем по иным принципам.

"Вот и признался себе, наконец, что другой. — Барс поднял голову, тоскливо покосился на небо, вздохнул и опустил, вновь на лапы прикрыв глаза. — Десять веков себя обманывал, причисляя к человеческому роду, на с очевидные вещи предпочитал закрывать глаза. Так обманывал, что сам поверил. Дур-р-рак!"

Кто-то подошел и сел рядом. Глаза открывать было лень, но он и по запаху определил, что это Борн с графом.

— Хандришь, герцог? — Весело спросил Борн. — Вот и зря. Жизнь прекрасна. Тебе ли этого не знать?

Барс нехотя открыл один глаз, удивленно посмотрел на телохранителя. Герцогом его не называли уже очень давно, пожалуй, уже пару веков. И никому кроме Астор он о своем происхождении не рассказывал. Вряд ли девочка стала бы об этом болтать, кому попало, даже и Борну.

— Ну что смотришь? — Ухмыльнулся Тайвер. — Знаю я, знаю...

"И что ты еще знаешь?" — Вяло подумал Барс.

— Многое. — Ответил на невысказанный вопрос Борн, видимо прочтя его в глазах.

— А почему герцог? — Тихо поинтересовался граф. Он, похоже, не очень-то и удивился.

— Это его официальный титул. — Беспечно сообщил Борн. — Крон-герцог де Энхард. Последний существующий представитель древнейшей царской династии. Наследный принц давно не существующего государства.

Барс досадливо скривился, обнажив клыки.

— Вы серьезно? — Вот теперь де Энакер удивился.

— Более чем. — Кивнул Борн. — Скажу больше, вам, граф, повезло заполучить в телохранители, самое старое существо этого мира не считая богов.

"И впрямь много знает зараза!" — Барс опасно сузившимися глазами посмотрел на Борна. Он разозлился. Очень. Гнев придал сил. Поднявшись на чуть подрагивающие лапы, он угрожающе зарычал, обнажив длинные клыки.

Граф непроизвольно отшатнулся. Борн же остался на месте, старательно демонстрируя безразличие. Однако чутко уловил возникший в телохранителе укол страха. Борн очень быстро взял себя в руки, но обмануть зверя не смог. Трудно оставаться равнодушным, когда на тебя наступает разъяренный хищник.

Барс чувствовал настойчивое желание перегрызть Борну глотку. Но вокруг было слишком много посторонних глаз. Вряд ли люди будут равнодушно наблюдать, как зверь убивает человека. К тому же по здравым размышлениям, которые все же иногда пробивались сквозь злость, с Борном еще следовало серьезно поговорить. Оч-чень серьезно!

И все же от маленькой демонстрации силы удержаться не смог. Борн в последний момент успел отшатнуться, да и то только потому, что Барс еще не до конца восстановился. Лапа зверя мелькнула с невероятной скоростью, вспарывая одежду когтями, но, не зацепив при этом кожу.

В наступившей гробовой тишине Барс спокойно лег на прежнее место. Ему доставляло непреодолимое удовольствие ошеломление людей, а больше того — бледная физиономия Борна. Даже подступившая было хандра быстро испарилась. Да в чем, собственно, проблема? Разве что-то изменилось, оттого что он признал себя ках-аа-лу, а не человеком? Да совершенно ничего не изменилось!

Только он успел поздравить себя с первой по настоящему здоровой мыслью за сегодняшний день, из палатки выбралась сладко позевывающая Астор.

Девушка явно прибывала в очень хорошем настроении. Лучезарно улыбнувшись всем сразу, она к удивлению многих охранников без всякой боязни присела рядом со зверем, запуская руки в густую шерсть.

— Ой, какой ты грязный, — заметила юная графиня неодобрительно. — Давай, тебя искупаем?

Барс изумленно вскинул взгляд.

— Ну а что? — Астор потянула его за шерсть, на загривке понуждая подняться. — Тут ручей рядом, мы зайдем, где поглубже...

Барс уперся всеми четырьмя лапами, извернувшись, вырвался из цепких девичьих кулачков. Отступил на всякий случай в сторону.

— Ты что, — удивилась графиня, — Неужто воды боишься?

Воды он не боялся естественно, но в зверином обличье очень ее не любил. Можно конечно и по старинке, как обычному коту и положено, то есть языком, но эта идея вызвала еще меньше энтузиазма. Барс на всякий случай поспешил отойти еще на пару шагов. Убегать от цепких девичьих ручек как-то несолидно, однако же, и оказаться в воде ему вовсе не хотелось.

— Ну Ба-арсик, — как капризному котенку укоризненно сказала Астор, — как не стыдно быть таким грязнулей?

Барс уже готов был ретироваться и пусть эта взбалмошная девчонка думает что хочет, но тут кто-то громко рассмеялся. Он сердито обернулся и обнаружил, что смеется Халай. Остальные горцы, наблюдавшие эту сцену, предлагали героические усилия, для того чтобы остаться серьезными. Вся эта ситуация была очень глупой. С одной стороны очень не хотелось позволять Астор сделать то, что она хочет, а с другой это действительно выглядит так, словно он боится. Понимая, что его, банально берут на слабо, как мальчишку какого-то, Барс тяжело вздохнул. Рассчитывать на сочувствие горцев в этой ситуации тем более не стоит, по их мнению, девушке Кхели, небесной фее, вообще все позволено.

Барс беспомощно покосился на графа, выглядел он при этом настолько растерянным, что де Энакер сразу поспешил на помощь:

Дорогая, зверь же простудится в ручье. Он еще слишком слаб.

— С такой-то шерстью. — фыркнула девушка. — Ты лучше посмотри на него — поросенок, а не барс! Весь мех слипся.

Барс обреченно вздохнул. Похоже, от принудительной помывки ему не отвертеться. Он позволил девушке ухватить себя за загривок и покорно перебирал ногами, когда она повела его к ручью. За ними последовал целый эскорт из любопытных. Конечно, кто ж откажется от такого зрелища? Хрупкая графиня ведет купаться ручную киску размером с хорошего тигра.

Барс сердито рыкнул, но делать нечего: он уже фактически согласился.

Астор завела его в ручей и принялась плескать водой с ладошек. Выглядело это донельзя глупо, ручей был мелкий, а густой подшерсток никак не желал промокать, грязные потеки воды склеивали шерсть неопрятными бурыми колючками. Тогда девушка заставила его лечь, чтобы легче было оттирать застывшие кровь и грязь. Барс молча терпел эти издевательства, задаваясь закономерным вопросом: "как он дошел до жизни такой"? Вода была холодная и мокрая. Брр!

Сопротивляться не было никаких сил, не моральных ни физических. Ему бы чуть побольше энергии, он бы уже трансформировался. А так приходится изображать послушного домашнего котика. Да и домашним котикам при подобном обращении позволено хотя бы царапаться, Барс же был лишен и такой малости.

Наконец это мучение закончилось. Барс совершенно чистый, но мокрый насквозь с прилипшей к бокам шерстью выбрался на берег.

— Какой ты смешной! — улыбнулась Астор. — Тебя теперь только высушить и можно бантик на шею повязать для красоты. Розовый.

Вот это уже было последней каплей. Выдав возмущенное "гр-рр-мяу" барс поспешно отскочил на пару шагов в сторону, твердо решив живым не сдаваться!

Тут же грянул жизнерадостных хохот зрителей. Первым скис от смеха Халай, за ним не удержались и остальные горцы. Хохотали даже люди графа, хотя и не догадывались кто на самом деле ручная зверушка графини.

"Весело им! Тоже нашли клоуна! — рассержено косился на веселящуюся компанию Барс. — Сейчас еще смешнее будет". Он подошел поближе и... встряхнулся по-собачьи. Капли с длинной шерсти полетели крупные, во все стороны! Густая, приспособленная для холода горных снегов шерсть основательно пропиталась водой и теперь охотно ее отдавала. Спустя пару минут промокли все, кто оказался достаточно близко. А взъерошенный барс теперь сильно напоминал отощавшего побеленного ежика, слипшаяся сосульками шерсть торчала во все стороны, что предавало ему донельзя комичный вид. На похудевшей, словно у помоечного кота морде злобно сверкали кажущиеся слишком большими зелеными глаза.

Новый взрыв хохота был оглушающим. Суровые войны, словно дети, тыкали друг в друга пальцами и щупали одежду.

Барс удовлетворенно хмыкнул. Сделал гадость — жизнь в радость.

— Судя по твоей довольной роже, — заметил подошедший Борн, — ты отыгрался на нас сполна.

Граф тоже улыбнулся, хотя и более сдержанно.

— Астор, дорога тебе сегодня, похоже, удалось искупать нас всех. А от вас, герцог, я не ожидал подобных мальчишеских шалостей, — он укоризненно покачал головой.

"Мальчишеские шалости?! — мысленно возмущился Барс. — А как бы ты реагировал на предложение повязать бантик на шею? Хорошо хоть эта взбалмошная девчонка не предложила завить усы колечками"

— Усы колечками? — повторила Астор подслушавшая этот мысленный монолог. — А что это идея! Усы колечками, бантик на шею. Розовый, обязательно розовый, шелковый! А еще тебе можно сделать модную стрижку!

Барс так и сел потрясенный столь изуверской фантазией.

Граф и Борн согнулись пополам, медленно оседая на траву. Они даже не могли смеяться в голос, только хватали ртами воздух, конвульсивно содрогаясь.

"Цирк", — подумал барс. Впрочем, он больше не сердился. В последние дни все находились в состоянии нервного напряжения и теперь выплескивали его в безудержном веселье. Может, так оно и лучше.

Следующие три дня Барс старательно набирался сил. Процесс шел на удивление медленно. Обычно в таких редких случаях когда он так сильно выкладывался растроченная энергия восстанавливалась примерно за сутки. Впрочем, уже на второй он смог бы трансформироваться, однако это бы опять сожгло весь запас энергии. Барс не спешил, ему сейчас опасно быть беспомощным, лучше уж потерпеть и побыть зверем лишнее время. К тому же, как только он вернется к человеческому облику, неотвратимо придется разговаривать с Борном и де Энакером. У каждого из них найдутся какие-то вопросы и претензии. А как же без претензий? Но затевать эти разговоры до того как он поймет, что будет отвечать не хотелось.

Тем не менее, не третий день Барс решил, что тянуть больше нет смысла. Оставаясь на одном месте, они подвергали себя немалой опасности. И задерживались только из-за него. Но и просто превратиться, на глазах у всех, он не мог. Тем более что его уже считают погибшим, и не ждут.

Пришлось вечером демонстративно покинуть лагерь. Провести ночь в роще неподалеку, чуть-чуть испачкать и повредить одежду, которая, защищенная его магией, после превращения была целехонькой и чистой. На рассвете, рассмотрев свое лицо в отражении ручья Маркус остался доволен. После ранения он, конечно, восстановился, однако лицо все равно выглядело уставшим, черты заострились. А взгляд уже привычно угрюмо-настороженный. Как раз для человека, прошедшего неизвестно где и в полном одиночестве несколько дней. Это, конечно, вызовет множество вопросов и подозрений, слишком уж вовремя он пропал. Но кто решится их озвучить?

Его возвращение вызвало удивленные взгляды, шепотки за спиной, однако под хмурым взглядом зеленых глаз всякое желание задавать вопросы или хотя бы просто привлечь к себе его внимание отпадало начисто.

— Собирайтесь, — сразу же приказал Маркус, — отправляемся немедленно.

Он вел себя нарочито грубо, говорил тоном человека, не терпящего возражений, чтобы не дать кому-то времени задуматься о нестыковках и странностях. Граф еще вчера был обо всем предупрежден через Астор, так что с этим проблем не возникло.

Собрались быстро, всем уже надоело сидеть на одном месте. Коней сразу же пустили в галоп, не оставляя времени на вопросы и даже мысли.

Впрочем, Барса меньше всего интересовало мнение графской охраны по поводу его странного появления. Граф в курсе, а охранники права голоса не имеют. Более всего де Энхарда сейчас интересовали два предстоящих разговора, к которым он эти дни тщательно готовился и даже с некоторым азартом ожидал, кто же окажется первым? Первым оказался граф.

Когда они вынуждены, были пустить лошадей шагом чтобы дать им отдых, граф нагнал Маркуса во главе колонны.

— Я хотел бы немного поговорить с вами, не возражаете?

— Нисколько, — ответил Барс, — но давайте проедем чуть вперед, не нужно, чтобы нас слушали.

— Конечно. — Чуть склонил голову де Энакер. Он тоже предпочитал поговорить наедине.

Они отъехали на некоторое расстояние от отряда, но так чтобы оставаться в пределах видимости охраны. Граф пару минут молчал, решая с чего бы начать этот разговор.

— Не считите за обиду Маркус, — наконец осторожно заговорил граф, — я вам доверяю насколько вообще можно кому-то доверять в сложившейся ситуации. Но вы должны понять, я все же вынужден задать несколько вопросов. Это не праздное любопытство, я должен, наконец, знать с кем путешествую и кому доверяю жизнь дочери и свою.

— Достаточно. — Прервал Маркус. Получилось излишне жестко, хотя на самом деле потуги графа выспросить все интересующее и при этом оставаться предельно вежливым выглядели довольно-таки забавными. Барс решил перехватить инициативу. Так можно будет избежать лишних вопросов. — Я прекрасно понимаю, о чем вы хотите спросить, поэтому не утруждайтесь я сам отвечу, — он сделал вид, что на несколько мгновений задумался. — Ладно начнем пожалуй сначала. Да все что сказал Борн — правда. Я действительно ношу титул крон-герцога, что эквивалентно наследному принцу и согласно действующим законам титул этот останется при мне несмотря ни на что. Я последний представитель правящей династии Энхардов. Моему роду более трех тысяч лет, так что его можно считать одним из самых древних в этом мире.

— А как насчет "древнейшего существа в этом мире" цитирую дословно? — Спросил граф.

— Никогда об этом не задумывался, — Барс сделал паузу, продолжил осторожно: — но действительно с некоторых пор я перестал встречать людей которые хоть отдаленно могли бы соперничать со мной в количестве прожитых лет. С другой же стороны я считаю, что старость это скорее состояние тела, чем количество лет. Так что физически и духовно я бессовестно молод, а оглядываясь на прожитые годы — беспросветно стар.

— Странная точка зрения, — прокомментировал граф, слегка потерявшись в словесных кружевах.

— Только, граф, прошу вас, не надо спрашивать, сколько мне лет, — усмехнулся Маркус, — я конечно не кокетливая девица, но поверьте сейчас это совершенно неуместно.

— Вы так охраняете эту тайну, что я могу подумать, будто вам несколько столетий. — Слегка улыбнулся де Энакер, пытаясь пошутить.

Барс лишь задумчиво улыбнулся в ответ.

— Давайте будем считать, что вы почти угадали, Галатон, и на этом остановимся. Кстати не возражаете, если я буду звать вас по имени? Раз уж маски сброшены...

— Ничуть. А мне называть вас герцог? Или ваше высочество?

— Напрасно иронизируете, граф. Я никогда не был принцем и кажется, об этом уже говорил. И называть меня можете как вам это удобно. Против герцога я не возражаю. И, продолжая наш разговор, отвечу на еще один незаданный вопрос, который вас наверняка волнует: я не оборотень. Как бы не было схоже мое превращение (а оно может казаться таким лишь со стороны), я не оборотень, и это доказанный факт.

— Вы уверены?

— Уверен. — Маркус невесело усмехнулся. — Это единственное в чем я на данный момент полностью уверен в отношении себя. Ну что, у вас остались еще вопросы? — он насмешливо посмотрел на собеседника, ожидая, как тот выкрутится.

Это на самом деле было не очень хорошо с его стороны, раз уж решил взять инициативу в свои руки, следовало довести дело до конца, а не останавливаться на самой неудобной теме. Однако Маркусу было очень интересно, как граф попытается поделikatней свернуть к беспокоящему его вопросу. Или же плюнет и попытается спросить прямо?

Де Энакер молчал. Весь этот разговор ставил его в тупик, точнее в тупик его ставил Барс. Он просто не позволял своим напором выйти за рамки этой беседы, спросить о чем-то, не касающемся дела. И вот теперь решающий раунд. Это было похоже на словесный поединок, в котором Барс сознательно уступил графу финальный ход.

— Собственно говоря, герцог меня интересуют ваши отношения с моей дочерью.

Маркус взглянул на собеседника почти удивленно.

— Bravo, граф! Я не ожидал от вас подобной решительности. Вообще-то, на мой взгляд, это довольно таки личная тема, но из уважения к вашим отцовским чувствам я отвечу. Однако, — Барс пристально посмотрел в глаза де Энакера, от чего тот поежился, — я надеюсь, Астор об этом разговоре не узнает.

— Обещаю.

— Ну что ж, на самом деле все обстоит так: Астор думает что влюблена, реально же ей

сейчас просто нужен тот на кого можно положиться. В такой сложной ситуации она инстинктивно ищет защиты и путает это с любовью. Я не против стать для вашей дочери такой защитой, честно говоря, за время нашего путешествия мы с ней сильно друг к другу привязались, но это не то чувство, которое она от меня ждет. — Маркус сделал паузу, раздумывая стоит ли продолжать. — Я полюбил Астор, она просто чудесная девушка. Но полюбил скорее как сестру. Всегда, знаете ли, мечтал иметь младшую сестренку. Вам не о чем волноваться, граф. Для меня Астор ребенок, о котором необходимо заботится.

— Что не помешало вам оказаться с ней в одной постели. — хмуро заметил граф явно припоминая еще случай в горах.

— А вы помните, *каким* я там оказался? Не кажется ли вам, что это как раз и было решением проблемы? — С некоторой иронией спросил Барс.

Де Энакер на миг задумывался и был вынужден признать, что это справедливое замечание.

— Прошу прощения, герцог, ни в коем случае не хотел вас оскорбить.

— Знаю. Поверьте, граф, Астор с моей стороны ничего не угрожает. Она мечтает о чистой и романтической любви, а я ей этого дать не смогу.

Именно эти слова убедили графа, вероятно, потому что они были сказаны достаточно искренне.

"Остался только Борн, — улыбнулся вслед графу. — Интересно, что он мне скажет?" Но телохранитель как ни странно, в отличие от графа словно бы ждал что когда у Маркуса самого лопнет терпение. Эта игра очевидно должна была затянуться, потому что при желании у Барса могло быть очень много терпения.

Часть II Противостояние

Графство Шевроз. Город Нашен.

Они доехали! Это казалось почти невероятным: после всех сложностей, после всего пережитого добраться до цели казалось чудом. Как ни странно, остальная часть пути прошла без происшествий. Посланцы словно забыли о своей цели, подумай, пожалуйста. Охранники облегченно вздохнули, а вот Маркус наоборот еще больше насторожился. Тревожило его это затишье. Ну не было у Посланников причин отказываться от своих планов вот так сразу. Что они затевают? Барс чувствовал надвигающуюся опасность, очень близкую. Но поделать с этим ничего не мог.

Нашен очень красивый город, столица графства. Море, много парков, статуи и фонтаны на центральных улицах. Но самое главное это великолепный порт... Однако экскурсию пришлось отложить. Маркус попросту не позволил, приказав ехать в замок Шевроз.

Де Энакер попытался, было возмутиться.

— Это столица нашего графства, должны же мы, по крайней мере знать как выглядит город!

— Вряд ли Нашен сильно изменился с тех пор как вы здесь последний раз бывали, граф, а Астор еще успеет увидеть, если останется жива. В противном же случае это ее вряд ли будет интересовать. — Барс был раздражен, а потому говорил нарочито жестко.

— Но...

— Вы собираетесь спорить со мной? — Барс так взглянул на де Энакера, что у того сразу пропало всякое желание спорить, наверное, на месяц вперед.

Астор обидчиво надула губки, но она хорошо понимала, что все делается только ради ее безопасности, но ведь так хотелось увидеть город!

Замок располагался за городской чертой, но достаточно близко к городу. Он с первого взгляда понравился Барсу. Этакая аккуратенькая, но хорошо укрепленная крепость. При

нужде можно и оборону держать.

— Недурно, — выразил свое мнение Маркус.

— Действительно, — согласился Борн. Очевидно, он тоже в первую очередь оценивал обороноспособность замка.

Борн в последнее время вел себя не так как прежде. После чудесного спасения Барса он словно бы тоже сбросил маску. Он вел себя гораздо более уверенно и независимо, больше не напоминая обычного телохранителя. Пожалуй, они с Маркусом были чем-то похожи. Как ни странно никаких разговоров Борн не затевал, об обещании Барса не напоминал, казалось, он намеренно тянет время. Однако герцог решил, что тоже не станет первым затевать этот разговор, терпения у него хватит. А если Борн хочет, чтобы он выполнил договор, пусть сам предоставляет нужную информацию, как ему, кстати, и было приказано.

Прислуга как на параде выстроилась в шеренгу во дворе замка, приветствуя новых хозяев. Охрана замка тоже выстроилась во дворе, кроме тех, кто дежурил на стенах. В начищенных до блеска явно парадных доспехах.

Маркус крайне внимательно рассматривал людей, сделал незаметный знак Халаю быть начеку (тот после всего случившегося решил пока не возвращаться в горы, а повел свой отряд вслед за Барсом). Герцог не упускал ни одного лица, он не сомневался, что среди obsługi замка **обязательно** есть люди Посланцев. Но как они будут действовать, он предугадать пока не мог. Попытаются ли убить юную графиню сразу или же затаятся, и будут выжидать?

Нет, конечно, не сейчас. Глупо было бы нападать, когда все напряжены и ждут неизвестно чего. Но Посланцы нередко предпринимали совершенно самоубийственные атаки в наиболее, казалось бы, неподходящий момент, и добивались успеха.

Впрочем, прямо сейчас Барс опасности не чувствовал, но все равно не расслаблялся.

Парадный въезд получился на славу. Астор так лучезарно улыбалась всем и каждому, что наверняка мигом завоевала сердца своих подданных.

Утомленные непростой дорогой воины облегченно вздохнули. Теперь можно будет хоть немного расслабиться.

Халай было порывался устроить своих людей, как привык, в походных шатрах на широком дворе замка. Астор в ответ на просьбу указать место, где это можно сделать лишь недоуменно пожала.

— Зачем? Замок большой, мы всех прекрасно разместим.

— Нам так привычней Кхели. — попытался возразить горец.

— Тем не менее, в комнатах гораздо удобнее. Во дворе место хозяйственным постройкам, а не людям.

Дискуссия могла бы затянуться надолго, Халай вознамерился настоять на своем, однако Барса его упорство не устраивало. О чем он в приказном тоне и заявил. Горцы разместятся в замке! В этом случае возражений, конечно, не последовало, хотя горцы довольными не выглядели. В конечном итоге сошлись на том что шатры во дворе все-таки поставят, и часть горцев будет там время от времен ночевать раз уж им так комфортней. Агррами таким решением остались довольны.

— Для чего такие сложности? — шепотом спросил Халай. — Ты же знаешь Ото'о Ша, мы не любим каменных стен вокруг, если это не наши горы.

— Потерпите, — так же шепотом ответил Маркус на языке агррами, цепким взглядом хищника наблюдая за любыми движениями замковой челяди. — Мне нужны верные люди **внутри** замка.

— Людям графа ты не доверяешь?

— Именно. Не им, ни местным. **Я знаю**, что среди них есть люди Посланцев, и они затаились. Ох, чувствую, родич, все стало еще сложнее. Опасность рядом, у меня шерсть дыбом.

— Так плохо? — обеспокоился горец. Чутью Барса он доверял безоговорочно.

— Хуже Халай, — Барс вздохнул, — не понимаю я ничего. Но вот чую: скоро нам туго

придется.

— Почему же граф так беспечно себя ведет? — горец посмотрел в спину де Энакера, тот был спокоен и даже весел.

— Он думает, что с приездом в Шевроз все кончится, ему так легче. Оно бы и было так, ведь вступив во владения Астор разрушит все планы тех, кто нанял убийц. Но это, во-первых, если дело и впрямь в наследстве, только вот доказательств этому, сам понимаешь, никаких. А во-вторых, убийцы могут пойти и дальше. Они уже предположительно уже угробили одного законного графа.

— И что примечательно, угробили аккуратно, не подкопаешься. — заметил тихо подошедший Борн. Причем говорил он тоже на языке агррами. — Ни магии, ни яда, но старика и впрямь убили.

— Откуда знаешь? — не слишком удивился Барс.

— Знаю, — с намеком сказал телохранитель, — об этом мы еще успеем поговорить.

— Ну-ну...

Слуги скоренько разместили людей. Замок действительно был достаточно большой, места вполне хватало и охране. Половина казарм давно пустовала. Прежний хозяин не держал полный гарнизон.

— Ну что ж, герцог, — де Энакер довольно улыбнулся, — похоже, действительно добрались!

Маркус на это оптимистичное замечание ответил недовольным молчанием. Портить настроение графу и Астор категорически не хотелось, у них сегодня, можно сказать, праздник. Только вот жизнь дороже.

Они расположились в кабинете прежнего графа. Слуги принесли напитки, кланяясь, сообщили, что комнаты для господ уже готовы, а обед подадут через полчаса.

Астор потянулась к бокалу с виноградным соком, однако Маркус быстро перехватил ее руку.

— Что такое? — удивилась девушка.

— Ты, кажется, забыла одно правило: без проверки из чужих рук ничего не брать.

— Но я пить хочу... — тон недоуменно-обиженный.

Барс даже комментировать не стал. Взял бокал, тщательно понюхал сок, напрягая свое звериное чутье, и только убедившись, что ничего опасного нет, отдал Астор.

Когда-то давно он научился такой полезной вещи, как определения ядов с помощью коротенького наговора "отведение зла". Да к тому же большинство отравляющих веществ имеют хоть и слабый, но запах. А Барс никогда не забывал запахов, которые попадались ему хоть раз в жизни.

— Герцог по-моему это уже слишком. — покачал головой Галатон. — Мы что же теперь, и в собственном доме должны всего бояться?

Маркус коротким жестом приказал слуге выйти. Тот сразу смекнул, кто тут на самом деле командует, и быстренько испарился из комнаты. Барс закрыл за ним дверь и остался стоять, подперев спиной дверь, словно это самое удобное в комнате место. Уши его чутко ловили любые звуки доносящиеся снаружи.

— В собственном доме можете не бояться. — серьезно ответил Маркус. — А сюда вы только что приехали. И формально, если помните, еще не владеете Шеврозом. Для этого нужно выполнить кое-какие процедуры. А это дело не быстрое.

Этому правилу, насколько знал Маркус, уже несколько веков. Десять глав самых знатных семей королевства должны были одобрить передачу наследства и заверить его законность. А для этого будущий владелец должен был прожить в своих владениях хотя бы две недели. Бывало, что совет наследника и не одобрял, передавали право на собственность другим родственникам. Но это чаще было чисто политическим решением. Совет десяти наиболее влиятельные в государстве люди, они фактически им правят.

— Это всего лишь формальность. — пожал плечами граф.

— Простите за грубость, Галатон, но вы притворяетесь дураком или в самом деле не

понимаете всей серьезности ситуации?! — сердито рыкнул герцог. Его уже начала выводить из себя эта беспечность, и то, что ему как последнему параноику приходится одному обо всем беспокоиться. — Вас пытаются убить! И у убийцы осталось не так уж много времени, чтобы сделать это. Но я думаю, что заказчик не остановится не перед чем, даже когда вы вступите в права собственности. Прежнего графа он убил без колебаний!

Маркус отошел от двери и теперь нависал над графом устрашающей горой. Сейчас он казался еще больше чем прежде, словно внезапно прибавил в росте. Де Энакеру начало казаться, что он маленькая мышка, которую разъяренный кот сейчас просто прихлопнет лапой.

— Разве де Шевроз умер не от сердечного приступа? — Все же отважился спросить граф.

— Графа де Шевроза действительно убили. — обыденным тоном сообщил Борн занявший место Барса у двери. Они словно бы сговорились, никого не выпускать из помещения пока не закончат этот разговор. — Заинтересованные...гм... люди провели расследование. Способа, которым убили графа де Шевроза, выяснить не удалось. Но то, что инфаркт был вызван искусственным путем, доказано безоговорочно.

— То есть его, в самом деле?... А я все же сомневался...

Все взгляды скрестились на Борне, словно ждали, что он опровергнет собственные слова. Телохранитель безразлично пожал плечами. Он сказал все, что собирался.

Де Энакер, перестав чувствовать на себе давящий взгляд Барса, почувствовал себя чуть более уверенно. Спросил более осмысленно:

— Откуда вам все это известно?

— И не только это? — Хмыкнул Маркус.

— Ты уверен, что сейчас самое время для таких разговоров? — все тем же невозмутимым тоном поинтересовался Борн, вопрос графа он благополучно проигнорировал.

— Вот сейчас, по-моему, как раз самое время. — кивнул де Энхард. — Мы четверо здесь самые заинтересованные лица, а ты, как я подозреваю, из нас самый осведомленный.

— Ну, хорошо, — Борн, наконец, тоже отлепился от двери и, подойдя к свободному креслу — сел. — Начнем пожалуй с вопроса: герцог ты знал, на что соглашаешься, когда позволил тебя вылечить?

— Насколько это возможно в тот момент.

— Это не ответ! — Нахмурился Борн.

— Каков вопрос.

Они столкнулись взглядами. Маркус понимал, что Борн просто не хочет говорить кое о чем при посторонних, потому пытается выяснить, что же конкретно знает собеседник. В то же время Борн, по-видимому, вынужден будет ответить на любой прямой вопрос Барса. Разговор не ладился.

Барс задумался. Возможно, графу и Астор и впрямь не следовало знать всего. Вот только как избежать этого? Все-таки Борну придется смириться с тем, что какую-то информацию придется выдать. Но если получится не сказать лишнего...

— Ладно, — наконец заговорил Барс, осторожно подбирая слова, — я знаю все, о чем ты дважды говорил с некой особой на той поляне.

— Во-от как! — Борн удивленно поднял бровь. — Как же ты, смог это услышать?

— Откуда я знаю! — Барс по-кошачьи фыркнул. Эти дурацкие разговоры с хождениями вокруг темы начали его раздражать.

— Все? — Настойчиво поторопил Борн.

Маркус на миг задумался, потом решил рискнуть.

— Не совсем... потом мне деликатно намекнули что, заключив сделку с богами не отвертеться от нее и на том свете. И еще Черный Лорд... — он замолчал. Борн взглядом показал, что об этом при посторонних говорить можно. — Я так понял что эта загадочная личность наша основная проблема на данный момент?

Борн кивнул.

— Этот... Черный лорд, — спросил граф, — он нанял Посланцев?

— Не нанял, — неприятная пауза, — приказал.

Тишина установилась такая, что, казалось, можно услышать, как в другом крыле замка ходят слуги. Смысл сказанного до всех дошел не сразу.

— То есть ты хочешь сказать, что *кто-то приказал* Посланцам? — наконец спросил Барс.

— Я сказал то, что сказал.

— Никто не может приказывать Посланцам Тьмы, — несколько растерянно проговорил де Энакер. — кроме самого Холоса. Или... его воплощения в мире живых. Но это лишь бессмысленные легенды ненормальных фанатиков! Бред полнейший! Разве кто-то поверит в существование бога смерти на земле?

Барс пару минут размышлял, а затем выругался в сердцах. Вспомнил, что в приличном обществе так не выражаются, извинился... и повторил с не меньшим чувством.

— Что? — ошарашено, спросила Астор. Таким Барса она еще не видела. К тому же прежде он так никогда не ругался.

— Паршиво. — признался Маркус. — И даже не то плохо, что не заставить теперь заказчика отменить контракт на вас, и даже не то, что перебей мы хоть две сотни этих фанатиков, хоть в два раза больше, не поможет это...

— Что еще хуже?!

— То, что Черный Лорд (если он впрямь воплощение Холоса) владеет так называемой магией мертвых. Та еще дрянь. Лично я не представляю, как с ней бороться.

Граф печально вздохнул. Радость от того, что это тяжелое путешествие наконец-то закончилось — померкла. Не стоило даже надеяться, что все так легко кончится. Можно было бы уже и привыкнуть. Очередную неприятную новость граф принял почти спокойно. Черный Лорд, ну что ж, осталось надеяться, что герцог справится и с ним...

— Тебе все равно придется его убить. — как бы невпопад сообщил Борн герцогу.

— А то я сам не знаю. — огрызнулся тот хмуро. — Нет, я могу понять, почему именно меня выбрали для этого дела, невосприимчивость к магии и все такое... но магия мертвых! У меня нет ни малейшего желания испытывать свою невосприимчивость *таким* способом!

— Куда ты денешься? — ничуть не впечатлился Борн. — И не рычи на меня. Ты живешь взаймы, так что, будь добр, выполняй договор. И вообще, все не так страшно, чтобы стать полноценным Лордом и овладеть всей доступной магией, нужен не один год. А этот появился всего семь месяцев назад. Есть заинтересованные лица, которые все проявления активности Холоса отслеживают постоянно. Имей в виду.

— Что ж этого Лорда, раз он еще не вошел в силу, не прибили сразу? — Поинтересовался Барс.

— Во-первых, его еще найти надо. А это гораздо сложнее, чем отследить его появление. Во-вторых, Черный Лорд, даже еще не вошедший в силу, все равно опасен.

Повисла короткая пауза. Каждый думал о своем. Маркус переваривал услышанное. Что и говорить, с Лордом сражаться ему не хотелось совершенно. Он никогда не был любителем глупого и необдуманного риска. Но были два обстоятельства, которые объективно сильнее его нежелания. Борн правильно сказал, что он живет взаймы, а значит, обязательства хочешь, не хочешь, придется выполнять. Но гораздо важнее для него была Астор, которую он собирался защищать до конца.

— Вот что, — наконец сказал Маркус, — все эти разговоры нам сейчас никакой практической пользы не принесут. Лорда искать придется это и так ясно. А пока все остается по-прежнему. Я и Борн постоянно будем рядом. Я скажу Халаю, он приставит к вам хотя бы по двое своих людей.

— Вы не доверяете моей охране? — Спросил граф.

— Тем, что с нами еще с Ультрата, более-менее. — ответил Барс. — Остальным совершенно нет. Но, если совсем уж честно, полностью я доверяю только горцам. По той простой причине, что любой мой приказ для них закон.

— Ясно, все по-прежнему. — печально констатировал граф.

— Именно.

Астор грустно смотрела на Маркуса. Почему-то совсем не удивилась всему только что сказанному. Хотя после того, как Барс едва не умер, она перестала читать его мысли. Он иногда говорил с девушкой мысленно, но и эти разговоры становились все более редкими. Все остальное время Маркус каким-то образом наглухо блокировал свое сознание. И все же была какая-то тревога (предчувствие?) которую он не мог скрыть от Астор. И вот, похоже, тревога эта оправдывается, даже приехав, наконец, в Шевроз они узнали, что и здесь надо всего опасаться. Здесь, как оказалось, даже больше чем раньше. Нигде нет для них безопасного места.

Печально. Однако девушка наверняка знала, что Маркус будет ее защищать что бы ни случилось, какая бы опасность ей не грозила. От этого страшно и в то же время очень приятно, что кто-то способен на такое ради нее.

— Идите, отдыхайте. — Прервал ее размышления Барс. — Борн?

— Я присмотрю. — кивнул телохранитель. — Вечером поговорим.

— Хорошо, а я пойду пока познакомлюсь с начальником местной охраны. Надо же знать, на что здешний народ годен.

На том и разошлись.

Андрес Солер, капитан замковой стражи сидел на лавке у казармы, словно простой солдат и мрачно точил свой меч. Подчиненные знавшие капитана достаточно хорошо предпочитали обходить его стороной.

Андрес пребывал в состоянии угрюмого недоумения. Новый граф наконец приехал, казалось бы радоваться надо, теперь-то порядок будет. Однако все было слишком уж странно. Те же горцы, например. Что спрашивается делать целому отряду воинов-агррами аж в Нашоне?

Еще этот белобрысый... герцог. Судя по его поведению, разговорам с графом и графиней даже последнему слуге становится понятно, кто тут на самом деле будет всем распоряжаться. Этот странный субъект просто с ходу показал кто тут главный. И как рассказала капитану одна служаночка, горцы, похоже, тоже подчиняются этому непонятному герцогу.

Как быть-то? Андрес размышлял. Наверняка беловолосый потребует подчинения и от капитана стражи. Это же ясней ясного, тут в замке почти сотня воинов. И они подчиняются своему капитану, а, следовательно, тому, кому подчиняется капитан. В идеале графу де Энакеру, официально же хозяйка этих земель юная графиня.

Андрес, в общем-то, не обязан был подчиняться чужаку, тем более, что честному служаке такая мысль претила. Присягу-то он будет давать не белобрысому. Да и кто тот вообще такой? Наглый захватчик? Но вот если граф прикажет подчиняться, как быть? Отказ будет расценен как бунт.

Если честно, Андресу очень не хотелось лезть на рожон, не разобравшись в ситуации. Просто ситуация эта выглядела как-то странно и весьма неприятно на его взгляд. Заявился какой-то никому неизвестный нахал и распоряжается замком и его хозяевами так, словно полностью уверен, что никто не посмеет с ним спорить.

Андрес ждал, когда его вызовут в замок, как бывало при прежнем хозяине. Граф Шевроз принимал подчиненных в своем кабинете и, как правило, только для того чтобы безжалостно их отчитать. Если герцог желает окончательно утвердиться, то вместо графа в хозяйском кабинете капитану придется общаться именно с ним.

Андрес сильно ошибся, ибо помянутый недобрым словом (про себя) герцог уже размеренно шагал через двор походкой крайне уверенного в себе человека.

Капитан недоуменно уставился на нежданного гостя. При въезде в замок этого субъекта удалось разглядеть лишь мельком. Теперь капитан имел возможность рассмотреть его более детально и, признаться, был впечатлен.

По казарменному двору двигался этакий гигант. Метра два с лишком росту, разворот плеч такой, что на каждое словно на лавочку можно посадить по юной деве. Грудная клетка, что твоя площадь, тонкая рубашка не скрывает монолитных пластин мышц. В довершении ко всему, из-за плеча высоко торчит рукоять двуручного меча, здоровенного, под стать хозяину. Как он только такую тяжесть на спине таскает? А главное как пользуется? Двуручник за спиной это ж бред полный, пока его оттуда вытащишь, враги десять раз в фарш нашинкуют. Экая оглобля!

Андрес мысленно поморщился. Такие вот сопляки (герцог выглядел лет на двадцать максимум), любят чтобы все побольше. Если уж мышцы, то такие, чтобы одежда по швам расплзалась, если меч, то такая вот оглобля. Не зарубит, так одним весом зашибет. И ведь не думает, что от такого мускульного каркаса, как от тяжелых доспехов, скорость движения сильно замедляется. Ну и меч опять же. Сила у парня конечно, вон здоровый какой, но вес, инерция наконец. Размахнешься такой дубинищей, тебя ж за ней следом унесет. Подходи, вражина, бей в спину. А на этом сопляке даже кольчуги нет.

Впрочем, капитан вынужден был признать, что беловолосый двигается просто нереально легко для своих габаритов и веса. Даже грациозно если такое понятие применимо к подобной громадине. Он сильно напоминал айсберг со своей сверкающей на солнце белоснежной шевелюрой.

Андрес неторопливо отложил в сторону свой меч и точильный камень, когда парень темной глыбой навис над ним, загораживая солнце.

— Ты Андрес Солер? — голос оказался под стать габаритам. Низкий с хрипотцой и рычащими нотками. Такой до печенок пробирающий голос.

— Ну, я. А ты кто такой? — капитан, конечно, понимал, что должен обращаться к беловолосому на "вы", а еще добавлять "ваша милость" или "милорд", герцог все-таки, пусть и молодой. Но капитан привык на хамство отвечать хамством, к тому же этот выскочка его сильно раздражал.

Но парень похоже на непочтительное обращение попросту наплевал.

— Маркус де Энхард, Снежный Барс. — Представился тот по полной форме, даже нечто вроде поклона обозначил, чуть качнув головой. На большее-то капитану стражи рассчитывать и не стоило. Странно, что этот юнец вообще решил проявить хоть какую-то вежливость.

"Юнец" тем временем преспокойно уселся рядом на лавочку.

Капитан с невольным уважением отметил, что старая колченогая лавка даже не шелохнулась, не говоря уж о том, чтобы заскрипеть, тогда, как последние несколько лет при любом резком движении это неустойчивое сооружение норовило развалиться вовсе. Это маленькое наблюдение говорило капитану о многом. Как бы там ни было, но юнец очень неплохо способен контролировать свое массивное тело. Да что там говорить, при его-то габаритах контролирует просто великолепно!

Андрес невольно нахмурился. Имя герцога ему ни о чем не говорило, в отличие от прозвища. О Снежном Барсе капитан кое-что слышал. Очень удачливый наемник, серьезный и явно немолодой человек. Капитан мысленно отмахнулся от собственных сомнений, этот перекачанный сверх меры мальчишка совершенно не походил на того человека, о котором ходило столько разнообразных слухов. Совпадение должно быть.

— Громкое у тебя прозвище. — чтобы не молчать слишком долго заметил капитан.

— Как уж прозвали, — безразлично пожал плечами Барс, опять не обратив внимания на подначку. — Меня еще и не так называли... Что это ты такой хмурый капитан?

Андрес прямо-таки опешил. И что прикажете отвечать на это, правду? Как бы потом головы не лишиться. Парень вроде не из обидчивых, но кто его знает до какой степени распространяется его добродушие.

— А чему мне радоваться-то? — наконец буркнул капитан.

— Это точно, — согласился Барс легко, — радоваться тебе совершенно нечему. — и вдруг без перехода: — Ну что надумал-то?

"И это высокородный? — удивился капитан. — С такими-то манерами?". Андресу и прежде приходилось общаться с аристократами, не в захудалом же гарнизоне служит. Да взять того же графа де Шевроза и его родичей. Правильная речь, безупречные манеры, отстраненная вежливость по отношению к окружающим. А этот ведет себя как обычный наемник.

Капитан так озадачился несоответствием созданного в его разуме образа с реальностью, что даже забыл ответить на заданный вопрос.

Герцог же, казалось, о чем-то задумался. Сидел на лавке, устремив в никуда взгляд своих зеленых глаз, и только время от времени щурился на солнце.

Странно, но никакой неприязни к нему капитан совершенно не испытывал. И даже казалось что и повода для этого на самом деле нет, а вопрос подчинения на самом деле мог бы решиться довольно легко, просто герцогу следовало бы доказать что он и впрямь тот самый Снежный Барс, а не юнец взявший себе известное прозвище. Впрочем, если это действительно тот самый, доказывать он как раз ничего не станет. Да и молод чересчур. Нет, все-таки не может этот мальчишка быть известным наемником.

— Значит так, — вдруг сказал Барс таким тоном, что капитану мигом захотелось, вскочит на ноги и вытянуться перед ним по стойке "смирно" как новобранцу какому. Андрес с некоторым трудом подавил это почти инстинктивное желание. — Мне твои колебания понятны капитан, я даже уважаю твою верность закону и истинным хозяевам, однако если ты откажешься выполнять мои приказы можешь распрощаться не только со своей должностью, но и головой. Мне не нужны проблемы с твоими людьми в самый неподходящий момент.

Вот теперь Андрес в полной мере почувствовал, что все таки имеет дело с высокородным. Абсолютное умение властвовать, заставляющее подчиняться инстинктивно. И не скажешь, что всего минуту назад выглядел обычным наемником. Однако капитан не собирался сдаваться просто так, гордость не позволяла.

— Простите милорд, но вам я подчиняться не обязан.

Барс одарил его таким взглядом, что мороз пошел по коже.

— Значит, распрощайтесь со своей службой. Гарнизон будет командовать другой командир. — сообщил безразлично.

Андрес начал злиться

— Снять со службы меня может только граф.

— Снимет, можешь не сомневаться, — равнодушно пообещал герцог, — если мы сейчас не найдем общий язык.

Капитан угрюмо молчал. Уступить не позволяли принципы и собственная гордость. Не жалел он подчиняться наглому захватчику, который даже ничем не доказал право на власть. И в то же время капитан прекрасно понимал, что упираться бесполезно.

— Уважаю твои принципы и даже понимаю, — неожиданно сменил тон Барс, — но и ты меня пойми. Ситуация сложная, в любой момент от твоих людей может понадобиться оперативность и четкое выполнение моих команд. Как думаешь, получится что-то, если мы будем препираться из-за моих приказов?

— Приказы может отдавать и граф. — Угрюмо возразил Андрес прекрасно понимая, что это не аргумент. Какой из графа воин капитан уже понял с первого взгляда.

— А если он попросту не будет знать, какой именно приказ нужно отдать в этот момент? Если от своевременно отданного *правильного* приказа будет зависеть жизнь графа и его дочери? *Ты* возьмешь на себя такую ответственность?

Капитан смолчал. О покушениях на графа и его дочь он уже знал. Фанатичная секта убийц способна на самые неожиданные ходы. Андрес был командиром замкового гарнизона, но уж точно не телохранителем. Да и сам гарнизон, если честно, несмотря на содержащееся в порядке вооружение и постоянные тренировки в настоящих боевых действиях участвовал лишь раз, и то давно. Его бойцы были предназначены для обороны замка, но способны ли они защитить от внутренней угрозы?

— Осознал? — без тени насмешки спросил герцог, с интересом наблюдая за размышлениями капитана. — Так надеюсь, мы все-таки договорились или тебе все же нужен приказ графа?

— Да, — неохотно согласился Андрес. — Только я не понимаю, какая, в таком разе, от моих людей польза? Если на замок нападут, мы его удержим. А если изнутри? Ты ведь этого опасешься?

— Хорошо соображаешь, капитан. — Одобрил Барс. — Не волнуйся, я придумаю, как твоих людей использовать. И раз уж ты все сам понял, присматривай за своими. Мало ли что.

Андрес кивнул, протягивая руку для рукопожатия, о своих недавних сомнениях он уже забыл, словно их и не было. Барс и в этот раз проявил редкую для высокородного терпимость, невозмутимо пожал капитану руку. Ощувив скрытую в его руках силу, капитан подумал, что конфликтовать с таким человеком все же очень неосмотрительно.

Барс поднялся, поправил легшие горизонтально ножны (ремни перевязи оказались очень непростыми), и молча ушел.

Маркус де Энхард.

Я облазил весь замок, от подвалов до маковки крыши. Общался с людьми, искал "вынюхивал" агентов Посланцев. Без особых результатов, как и ожидалось. Конечно, благодаря подарку Странника моя восприимчивость значительно увеличилась, на грани эмпатии. И я порой мог даже ощутить настроение человека, с которым разговариваю, однако определить замаскированного убийцу мне это не помогло. Если он был (а он был наверняка, вероятно даже не один, или это у меня уже паранойя?), но так просто вычислить его не стоит и надеяться. Ну, по крайней мере, я познакомился со всеми обитателями замка вплоть до последнего поваренка, и теперь более-менее представляю чего от них можно ожидать.

За этот день я успел немало сделать. Приказал капитану Андресу усилить охрану внутренних помещений замка, но непосредственно у дверей графских покоев поставил только горцев Хелая. Все-таки людей капитана я знаю слишком плохо, чтобы им доверять. Но и совсем не использовать их было бы расточительно. Кстати, люди Халая будут теперь непрерывно дежурить рядом с графом и девочкой в качестве телохранителей. Я и Борн не в состоянии успеть везде. Так что возвращение домой горцам придется отложить на неопределенное время.

Остальные заботы были мелкими, но необходимыми. Проинструктировать людей, отдать несколько распоряжений. Еще раз на всякий случай поговорить с графом о необходимых мерах безопасности. И наконец-то решить с Борном кто из нас как будет дежурить. И напоследок просмотреть бумаги старого графа. Впрочем, последнее необходимо делать не мельком, а серьезно и вдумчиво. Так что придется мне нахально оккупировать графский кабинет.

Жизнь постепенно налаживалась, к вечеру замок начал привыкать к новым хозяевам и их привычкам. Пока еще только начал, но не думаю, что это станет проблемой. Однако я уже начал уставать. Как бы не хвалился своей нечеловеческой выносливостью, недавнее ранение давало о себе знать быстрой утомляемостью. Множество мелкой, но обязательной в таких случаях суеты напомнило, что я еще далеко не в форме, несмотря на то, что времени прошло уже более чем достаточно. Да что не говори, усталость от постоянного, ежеминутного ожидания накапливается, последние дни она стала особенно заметной. Сейчас бы сменить обличье и в горы, за сутки все как рукой снимет. Вместо этого поздним вечером добравшись до своих покоев, рухнул в постель. Все, до утра с места не сдвинусь. Спать, однако, не хотелось. Бывает так: физическая усталость есть, но еще не до такой степени что бы уснуть только коснувшись головой подушки, а умственное напряжение наоборот уснуть мешает. Меня это, впрочем, не сильно беспокоило. Когда это действительно необходимо я умею засыпать мгновенно.

До хруста потягиваюсь, потом позволяю телу расслабиться на мягких перилах. Можно

и просто полежать бездумно пока время на это есть. Чувствую, не будет у меня времени расслабляться, пока не закончу с этим делом.

Сознательно гоню от себя всякие мысли, расслабляя уставшие мышцы и впадая в легкую полудрему, когда мысли приходят словно бы сами по себе. Нужные мысли, всплывают независимо от сознания, часто смутно знакомым шепотом на грани разума, обрывками картин будущего и маленькими, но очень нужными озарениями... надо только успеть поймать их до того, как провалишься в сон и забудешь обо всем.

Кто-то робко и очень тихо постучал в мою дверь, тем не менее безжалостно разрушая хрупкую дрему. Я на миг прислушался к своим ощущениям, инстинктивно пытаюсь определить личность незваного гостя.

— Входи Астор.

Они чуть приоткрыла дверь, робко проскальзывая в узкую щель.

— Не спишь еще?

— Пока нет, — лениво подумал, что хотя бы из элементарной вежливости следовало бы встать. Но шевелиться лишний раз слишком не хотелось. И я позволил себе маленькую поблажку, Астор поймет. — А ты, почему не спишь?

— Не хочется пока, — девушка аккуратно прикрыла за собой дверь. — Я утром отдохнуть успела... А можно я с тобой немного посижу?

— Можно, — не стал возражать я. И напоминать о том, что ведет она себя неподобающе для графини, придя ночью в комнату к мужчине тоже не стал. Как и о том, что кто-то из слуг мог ее видеть, а значит об этом скоро станет известно ее отцу. Астор сама прекрасно об этом знает, а мне в данный момент просто лень быть занудой. Зачем отговаривать девочку от мелких глупостей?

Астор села на край моей постели, поджав одну ногу. В ней очень часто проявляется подобная детская непосредственность. К тому же незаметно за время совместного путешествия мы оставили формальную вежливость, необходимую между малознакомыми людьми. И такие жесты, как мое нежелание вставать вопреки этикету или то, что Астор села не на кресло, а поближе ко мне, можно было считать знаком доверия друг к другу.

Мы молчали. В этом молчании не было неловкости или напряжения. Наоборот — приятная, успокаивающая тишина. Бывает так, что совершенно не знаешь о чем говорить с человеком и каждое слово выдавливаешь из себя, словно пытаешься развеять невидимое напряжение. В такие моменты большинство людей чувствуют неловкость и досаду. Бывает так, что сразу находишь общие темы с человеком, разговор завязывается приятный и непринужденный. С такими людьми вообще приятно общаться. Но крайне редко встречается человек, рядом с которым комфортно *молчать*. За мою долгую жизнь мне встретилось от силы трое таких, и с ними я дружил довольно долго.

— Ты выглядишь усталым, — заметила Астор.

— Слишком много дел. — Отозвался я.

Снова помолчали. Она подвинулась ближе, устроив острый локоток на моей груди, и подперла ладонью подбородок. Мне было не слишком удобно, но возражать не стал. Интересно, что скажет граф? Но ночь глядя, в моей комнате, более того в моей постели... я безнадежно порчу репутацию честной девушки, еще немного и мне придется жениться.

С легкой улыбкой глажу ее по голове. Она робко улыбается в ответ. Для девочки даже такая мимолетная ласка значит многое, я не часто ее балую. И лучше бы делать это как можно меньше. Иллюзия каких-то романтических отношений, самообман. Грустно...

Астор чутко уловила изменение моего настроения, хотя я и старался этого не показать. Подарок Странника в иных случаях становился весьма неудобен.

— Может, ты спать хочешь, а я тебе мешаю?

— Если я решу заснуть, ты вряд ли помешаешь мне девочка, — это чистая правда, я обычно не люблю засыпать при посторонних, особенно если они при этом бодрствуют, но к Астор это не относится. Ее мое чутье не воспринимает как потенциальную опасность.

Она благодарно улыбнулась. Ребенок. Как же мне защитить тебя, от постоянных

попыток решить эту непростую задачу уже голова раскалывается, но ничего стоящего в нее по-прежнему не приходит. Пассивная защита не выход — это ясно, надо искать противника. Появление Черного Лорда здорово искажает всю картину событий. Но при чем тут Шевроз? Посланцу Холоса зачем-то понадобились земли графства? Или чем-то помешали его нынешние хозяева? Нет, на мой взгляд дело все-таки в Шеврозе. Будем считать, что это чутье, детектив из меня плохой, зато чутье хорошее.

Надо искать. Единственная здравая мысль, посетившая меня после долгих раздумий. Впрочем, вру, на еще одну мысль меня только что натолкнула Астор. Это позволит вывести графа и девочку из-под удара на какое-то время. Но пока я эту идею даже обдумывать всерьез не хочу. Она мне по личным причинам не нравится. Но если не удастся какое-нибудь приемлемое решение в ближайшее время, придется использовать именно ее.

Необходимо еще побольше узнать о родственниках моих подопечных. Не только Тальсаров как ближайших претендентов на наследство. В случае чего и их уберут без проблем.

Астор, прикорнувшая на моей груди, неровно вздохнула. Не хотелось бы будить девочку, но лучше бы ей не ночевать в моей комнате.

— Иди-ка ты спать, да и мне отдохнуть не помешает.

Она сонно вздохнула, но без возражений ушла.

Ночь просветлений не принесла. С утра только настойчивее билась в сознании уже пришедшая вчера мысль. Несмотря на то, что подобное решение мне категорически не нравилось, оно, похоже, было единственным приемлемым на данный момент. И в плане защиты моих подопечных самым удобным. Астор наверняка будет в восторге, а вот граф, скорее всего, нет. Нужны веские аргументы чтобы его переубедить. Что ж, если в ближайшее время ничего не изменится... впрочем, я себе это уже говорил.

Отложив на время эти размышления, отправился изучать документы старого графа. Ничего особенно там не обнаружил. В основном отчеты казначея и прочие финансовые документы, а так же личная переписка. Стоимость содержания замка, доходы от графства. Весьма значительные, надо сказать. Шевроз прибрежное графство, Нашон один из крупных портовых городов на континенте. Торговля идет полным ходом, прибыль соответственно тоже капает. Это если не считать золотого рудника и двух, как выяснилось, весьма успешных заводов. Мануфактурного и пивоваренного. Богатое наследство, если бы не некий Черный Лорд, я бы поверил что только в этом все дело.

В лично переписке графа Шевроза тоже ничего примечательного не обнаружилось. Несколько писем от брата и племянников. Пара от мэра Нашона. Деловое и личное. Еще письмо от какой-то леди Миранды романтично-фривольного содержания. Однако, а граф-то был не промах!

Единственное что меня более-менее заинтересовало, это отчет о каком-то кладе найденном людьми графа в прибрежных скалах. Сам по себе факт находки не вызывал удивления, вода намыла в прибрежных скалах немало пещер. Многие из них недоступны, но пираты и контрабандисты уже не первый век умудряются прятать в таких местах ценности, а отчаянные искатели время от времени находят. Удивило, что найденный клад не присвоили, а доложили графу, получили за это награду, о чем имеется соответствующий документ с печатью графа Шевроза. После чего вышеозначенный клад исчез в неизвестном направлении.

Вот это меня уже заинтересовало. Судя по тому, что я успел найти в бумагах графа, он был человеком аккуратным, почти дотошным. Учитывал чуть ли не каждую монетку и хранил свои бумаги в идеальном порядке. А тут ничего, ни отчета казначея о получении ценностей и их описи — не сам же граф этим занимался? — ни хотя бы бумаг о том, что найденный клад вообще был доставлен в замок.

Тщательно просмотрев все документы, я задумался. Что это, ошибка, небрежность или же здесь что-то серьезное? И даже если дело нечисто, относится оно как-то к нынешней ситуации или нет?

Поскольку ничего более примечательного в бумагах графа не обнаружилось, я решил прояснить сомнительный момент. Скорее для очистки совести, чем по реальной необходимости.

Первым делом стоило поговорить с казначеем. Если даже пресловутого клада он в глаза не видел, то уж приказ графа Шевроза о выдаче награды тем, кто клад нашел мимо казначея пройти никак не мог. Сумма там была явно не на карманные расходы.

Вызвав слугу, приказал найти мне казначея, а также принести легкий обед прямо в кабинет. Отрываться от дел и спускаться в столовую мне сейчас не хотелось. Следовало собраться с мыслями и решить, что и где искать теперь. Или все же воспользоваться пришедшей мне в голову вчера мыслью и попытаться спровоцировать противника? Боюсь только, де Энакер, меня за подобные идеи собственноручно придушит.

Появившийся казначей весьма толково отвечал на все вопросы. Да он по приказу графа выплачивал поисковикам премию. Да спустя неделю в замок привезли сундук, но что в нем было казначей не знал. Господин граф не извоили пригласить его для инвентаризации ценностей. Казначей даже подозревал, что там не было никаких ценностей. Нет, куда делся сундук потом, он не знает.

Выслушав этого пухлого подвижного человека, я отпустил его и задумчиво принялся за принесенный слугами обед. Итак, что мы имеем? Некие искатели находят клад и вместо того, чтобы поделить его между собой как полагается, сообщают о находке графу и получают за это награду. Следовательно, это не тот товар который можно быстро продать, это во-первых. Во-вторых, они знают, что граф за эту находку заплатит. Вероятно даже, что их наняли специально. Далее находку привозят в замок... и что?

Печенкой чую что-то тут не то. Надо бы разобраться. Кто-то ведь должен был привезти этот клад в замок, кто-то должен был видеть хоть мельком. Зря я казначея отпустил так рано. Впрочем, ладно, еще успеется, не знаю почему, но есть у меня странное ощущение, что этот эпизод имеет какое-то отношение к нашему делу. Неужели удалось-таки нащупать ниточку?

От размышлений меня отвлекло появление Борна.

— Обедаешь, — констатировал он неодобрительно. — А ты знаешь, что граф скоро придет к тебе выяснять отношения?

— С какой это радости? — Отвечаю вопросом на вопрос. — И что ты тут делаешь, позволь узнать, когда должен присматривать за нашими подопечными?

— Там и твои горцы прекрасно справятся, — ничуть не смутился Борн, — ты мне лучше скажи герцог, о чем ты думал, когда позволил девочке прийти к тебе ночью? И когда нахально занимал кабинет прежнего графа, не спросив даже формального разрешения де Энакера? Об этом уже весь замок шепчется по углам.

Я поморщился. То, что граф будет недоволен подобным положением дел, я предполагал. В конце концов, он довольно быстро должен был понять что я веду себя тут как полноправный хозяин, намеренно оттесняя его и Астор в сторону. А вот поймет ли граф, что это делается для его же блага? Есть у меня по этому поводу некоторые сомнения. В общем, серьезного разговора не избежать и вероятно в ближайшее время.

— Я тебя предупредил, — сказал Борн, после того как не дождался от меня никакой реакции.

Я кивнул и сменил тему.

— Мне нужно чтобы ты в ближайшее время съездил в храм Милосердной целительницы и побеседовал с супругой графа де Тальсара.

— Она безумна, — напомнил Борн.

— Я помню, но возможно она не настолько безумна, что с ней невозможно общаться. Сам понимаешь, сейчас именно Тальсары вызывают наибольшее подозрение как самые вероятные претенденты на наследство. Необходимо узнать о них как можно больше.

— Ты продолжаешь мерить все по старым меркам, — не согласился Борн, вряд ли Черного Лорда интересует именно наследство. Думаю что-то другое. И к тому же насколько это разумно, мне уезжать сейчас? Стены замка не гарантируют безопасности, сам знаешь.

— Здесь останутся горцы, это во-первых, во-вторых у меня есть мысль как временно вывести Астор и графа из-под удара. В третьих, я все больше уверен, что дело все-таки в наследстве, слишком многое на это указывает. Во всяком случае, это гораздо правдоподобнее чем мысль, что Черному Лорду просто могли чем-то помешать малознакомые ему люди.

— Хорошо, я съезжу.

Борн ушел, а я, велев слугам убрать пустую посуду, и принести мне вина, задумался о предстоящем разговоре с де Энакером. Ситуация сложилась щекотливая и как все обернется в дальнейшем неясно. Я ведь сейчас, по сути, наемник. До сих пор мне удавалось держать инициативу в своих руках и графу попросту не приходило в голову меня банально уволить. Но боюсь, эта светлая идея может посетить его в любой момент. И мне непременно нужно будет переубедит графа если это случится.

Замок Шевроз. Сделка.

Граф был сильно раздражен и у него имелись для этого веские основания. Он еще мог смириться с самоуправством герцога, с тем, что даже слуги уже шепчутся по углам кто же тут настоящий хозяин. В конце концов, это вполне могло быть целесообразно, хотя де Энакер не мог понять такой необходимости. Но вот то, что собственная дочь, не скрываясь, бежит ночью в комнату к герцогу стоило им только приехать в замок, с этим граф стерпеть не мог никак!

Граф искал Барса полный решительного желания выяснить отношения и высказать тому все, что думает о нем и его умении держать обещания. Искать впрочем, необходимости не было, герцог наглейшим образом занял хозяйский кабинет.

— Что вы себе позволяете герцог?! — не утруждая себя какими-то объяснениями, высказался граф. — Это возмутительно!

— Что именно? — спокойно поинтересовался Маркус. Он был готов к этому и вовсе не собирался начинать разговор со скандала, как бы графу этого не хотелось.

— Что моя дочь делала ночью в вашей комнате? И не пытайтесь отрицать герцог, слуги видели, как она к вам входила, и как выходила тоже.

— Астор всего лишь приходила меня навестить, не вижу в этом ничего плохого, — на самом деле Маркус прекрасно понимал, что далеко не так. Того факта, что девушка приходила к нему ночью уже достаточно для того чтобы ее дискредитировать, вне зависимости от того было ли между ними что-то или нет. А, учитывая, что у агррами они ночевали в одном шатре и охранники графа это видели, репутация Астор могла быть испорчена бесповоротно. Среди аристократов весьма ценилась непорочность и порядочность девушки. Астор прекрасно знала что делала, и он сам тоже, именно потому и не пытался ее остановить.

— Вы хоть понимаете, что бесповоротно испортили репутацию моей дочери?! — справившись с возмущением от столь нахального заявления воскликнул граф. — Теперь ей будет невозможно найти достойного жених!

— С таким-то приданным? — скептически приподнял бровь Маркус. — Думаю, достойных найдется достаточно. И что вы собственно хотите от меня граф, чтобы я как честный человек женился на вашей дочери? Хорошо, я на ней женюсь.

В повисшей тишине слышно было, как капитан Андрес муштрует на плацу своих бойцов, а во дворе весело болтают слуги, и лает пес.

— Что вы сказали? — наконец выдал из себя граф.

— Я прошу руки вашей дочери, — спокойно сказал Маркус наблюдая за тем как меняется лицо графа. Было любопытно, как тот отреагирует. Учитывая, что сам Барс сидел на месте хозяина кабинета, а возбужденный граф сесть так и не удосужился, ситуация выглядела весьма странно.

— Вот оно что... — медленно сказал граф. — Решили воспользоваться ситуацией ваша

светлость? Богатое графство это конечно весьма неплохая добыча. Я вижу, вы уже почувствовали себя здесь хозяином. А может все эти покушения тоже ваших рук дело?

— И я сам себя едва не убил, исполняя свой коварный план? — усмехнулся Маркус. — Граф я сделаю вид, что ничего не слышал, и мы спокойно поговорим. Если вы отодвинете в сторону эмоции и немного подумаете, то поймете что на данный момент брак лучший способ отвести угрозу от вас с Астор. Хотя бы временно. Ведь именно ее супруг станет истинным хозяином Шевроза. А значит именно его, в первую очередь попытаются убить. У нас появится отсрочка и большая свобода действий.

— Если дело действительно в наследстве, — не слишком уверенно возразил де Энакер. Он колебался между злостью, подозрительностью и некоторой растерянностью. Но поскольку от природы он был человеком добрым и отходчивым, злость медленно проходила, ну а подозрительность... ее Маркус постарался развеять.

— Граф я могу пообещать вам, что брак будет фиктивным. По окончании этого дела я вынужден буду уехать, так что мне нет резона связывать себя настоящим браком. Спустя год Астор сможет оформить развод в одностороннем порядке, а в качестве компенсации получит титул герцогини. Все необходимые доказательства подлинности титула у меня есть.

Граф озадаченно задумался. Титул — это весьма заманчивое предложение. Очень весомое добавление к богатому приданному. Герцогский титул никто не получал уже более семи веков, поскольку право жаловать его имел лишь король или император, однако Содружество Свободных графств и баронств верховного правителя не имело и управлялось исключительно Советом самых знатных семей. Из старых герцогских семей на данный момент осталось всего две, обе входили в совет и имели огромное влияние. Породниться с ними граф даже не рассчитывал. Да, все-таки титул это очень заманчиво...

— Для фиктивного брака необходима... э-э... непорочность невесты, — заметил граф осторожно.

Да уж, дочери он определенно не доверял. Впрочем, влюбленность Астор была настолько заметной, что основания для недоверия у него было. Вот только сам Маркус вовсе не намерен был связывать себя настоящим браком, несмотря даже на свое отношение к девушке. Отношение было более чем теплым, но все-таки не до такой степени, чтобы портить жизнь себе и девочке тем, что заведомо не имело никаких перспектив. Примерно так он и сказал графу.

— Боюсь, Астор вашего отношения к ситуации не разделит, — вздохнул де Энакер. Впрочем, идея его уже захватила. Он не был склонен к излишней доверчивости, но и браки аристократов никогда не заключаются на честном слове. Права и обязанности обеих сторон прописываются в специальном договоре. А если герцог и нарушит некоторые устные обещания, то этим он свяжет в первую очередь себя. Если подумать, то такой муж для Астор не самая плохая партия. Пусть безземельный, но древний титул компенсирует этот недостаток.

Маркус проводил воодушевленного графа взглядом и устало потер переносицу. Проблема с отвлечением внимания была решена, по крайней мере, временно. Одно только объявление о предстоящей свадьбе может отвести удар от подопечных. Охота начнется на него, а уж с этим Маркус мог справиться. Более того, выжить самому значительно проще, чем защищать других.

Вздыхнув, он поднялся из-за стола и пошел разыскивать капитана Андреса. Вызывать его в кабинет не хотелось, но надо же, наконец узнать кто привез в замок загадочный клад и куда он затем делся. Не зря же чутье твердит, что с этим надо разобраться.

Капитана, как и следовало ожидать, Маркус обнаружил на плацу, тот увлеченно гонял подчиненных зычно покрикивая на особо нерадивых. Он совершенно справедливо полагал, что солдат не должен бездельничать и как любой командир считал, что самое полезное занятие это тренировка боевых качеств. Добросовестный вояка, что тут скажешь? Солдаты стенали, но послушно звенели мечами и дырявили мишени из арбалетов.

Увидев Маркуса, капитан на миг оторвался от своего увлекательного занятия.

— Что-то нужно?... — подумал и добавил вежливо. — Твоя светлость.

Барс мысленно хмыкнул. А капитан оказывается любитель острых ощущений, вот так невзначай нахамить тому, кто имеет все шансы в ближайшее время стать твоим господином. Ведь об их с Астор "отношениях" уже весь замок знает. Да и охрана графа уже наверняка поделилась всеми сплетнями и приключениями с местными вояками. Но его резоны Маркус понимал, пока что он тут не хозяин, а наглый выскочка, и Андрес хотел понять, что он за человек и стоит ли ему служить, или попросить расчет у графа пока еще не поздно. Прощупывал при любой возможности.

— Разговор есть, и не советую тебе впредь переходить некоторые границы. — Не сказать, чтобы Маркус был так уж категорически против подобного обращения, он наемничал уже много лет, и было бы по меньшей мере странно при такой жизни бросаться на каждого, кто ему тыкал или обращался несоответственно высокому титулу. Но все дело в том, что на данный момент важнее репутация аристократа и наследника древней фамилии, а не бывшего наемника.

Капитан, похоже, и сам понял что едва не перегнул палку. В глазах его на миг мелькнуло напряжение.

— Субординация вещь не лишняя, постарайся ее придерживаться на людях, — тихо сказал Маркус. — И давай действительно поговорим.

— Я слушаю, — серьезно кивнул капитан.

Барс изложил суть проблемы.

— Я так полагаю, кто-то из твоих людей вез эту находку в замок. Могут они что-то о ней сказать?

— Да я тебе и сам скажу, эту как ты говоришь находку, граф меня лично перевозить откомандировал, вместе с пятью бойцами. Только везли сундук те охотники, что его нашли, а мы их и груз охраняли.

— Что было внутри, ты, конечно, не знаешь? — поинтересовался Маркус. Хотя прекрасно понимал, что капитан не знает, что-то слишком много тайн вокруг какого-то клада. Странно, что вообще документы остались хоть мельком напоминающие о его существовании.

— Не видел, его при нас не открывали, а так с виду обычный сундук, оковка медная позеленевшая от времени, замок хитрый навесной, — ответил капитан, постаравшись предельно точно вспомнить все, что он тогда слышал и видел. — Сундук мы отконвоировали до кабинета графа вместе с охотниками. Больше, насколько я знаю, его никто не видел.

— Странно все это, тебе не кажется капитан? — задумчиво сказал Барс.

Андрес ответил не сразу, обернулся на своих бойцов грозным взглядом отбив у всех желание сачковать. Бойцы, поняв что начальство не дремлет, принялись тренироваться с прежним усердием. Капитан довольно хмыкнул и вновь посмотрел на Маркуса.

— Странно? Да, тем более что за последние пять лет это была уже третья находка, и каждый раз все проходило по той же схеме. Только вот в результате сундуки с кладом оказывались в руках казначея...

— ...а в это раз нет, — закончил Барс, — казначей мне об этом, кстати, сказать забыл. Какие-нибудь еще закономерности заметил?

— Не знаю, можно ли считать это закономерностью, — с сомнением ответил капитан, — но каждый раз, после того как находку привозили в замок, графа навещали племянники. Но они и так довольно часто здесь бывали. Все-таки соседи, да к тому же, Яльмир, средний из братьев всерьез рассчитывал на наследство.

— В этот раз кто приезжал?

— Тоже Яльмир, уехал почти сразу. Точнее выскочил из графского кабинета явно чем-то недовольный, — сказал капитан. — Я, почему запомнил — он едва служанку конем не затоптал. Испугалась девчонка до истерики. Один из моих ребят ее едва успел выдернуть из-под конских копыт.

Маркус поблагодарил капитана и, попросив его найти людей которые занимались

поисками кладов, вернулся в замок, на ходу обдумывая полученную информация. А она оказалась весьма интересна. Выходило, что старый граф уже несколько лет целенаправленно искал какой-то клад и, по всей очевидно нанял для этого специальных людей. Каждый раз после очередной находки к нему приезжали племянники. Совпадение, или они знали о поисках дяди? Барс в такие совпадения не верил, тут возникал совсем другой вопрос: в каком именно качестве участвовали племянники в этом предприятии? Компаньоны или инициаторы? Но самое интересно, что же граф искал? Не золото же и драгоценности, это несерьезно, в самом деле, доход от графства во много раз превышает то, что можно получить за такие редкие находки, если только это не какие-нибудь артефакты времен до катастрофы. Иначе все поиски напоминают такое странное хобби, но тогда было бы логичней, начини граф с племянниками время от времени отправляться в экспедиции самостоятельно. Вполне могли себе позволить, даже и сам граф, не так уж он был и стар. Молодые аристократы нередко выдумывают для себя необычные развлечения, да и не слишком молодые тоже.

Маркус не считал себя особенным специалистом по разгадыванию чужих тайн, но в данном случае кое-какие выводы сделал. Что-то такое граф нашел в последний раз и, похоже не захотел делиться с родственниками, судя по поведению племянника. Или же находка не оправдала надежд? Не в этом ли причина гибели графа и всего этого подозрительного шевеления вокруг наследства?

Остановившись возле одного из фамильных портретов в изобилии украшающих стены замка, Маркус устремил на него задумчивый взгляд. Чопорно поджавшую губы пожилую даму, изображенную на этом портрете он на самом деле не видел. Думал. Пытался найти новую ниточку в этом расследовании, самым же и затеянном. Уже не только потому, что чутье подсказывало, что этом может быть важно, но и из чистого упрямства. Зачем-то же он провозился с этим целый день? Расследование, правда, в очередной раз зашло в тупик. Осталось, надеяться, что капитан Андрес найдет нужных людей, и они смогут что-то прояснить.

Как бы Маркус не задумался, попытку подкрасться к себе он отметил машинально, даже осознавая, что это для него не опасно. Да и не умела Астор подкрадываться если уж на то пошло, как бы не старалась. Девушка, впрочем, тоже довольно быстро поняла что ее заметили.

— Что ты так долго разглядываешь, леди Вилию? — спросила она. — Нашел что-то особенное?

— Задумался. А ты, почему бродишь по замку одна?

— Я не одна, со мной двое охранников, — Астор кивнула на двух горцев следующих за ней молчаливыми тенями. Они молча остановились в стороне и весьма умело делали вид, что их тут нет. Из горцев вообще могли бы выйти отличные телохранители, несмотря на полное отсутствие профессиональных навыков. Агррами умели быть внимательными ненавязчивыми и незаметными.

Астор остановившись рядом с Маркусом молчала, тоже разглядывая портрет, словно что-то на самом деле могло ее в нем заинтересовать. Невооруженным взглядом было видно, что она хочет о чем-то поговорить, но не решается сама начать разговор. Учитывая все сегодняшние события нетрудно было догадаться, о чем должна пойти речь, и именно поэтому Маркус вовсе не собирался помогать ей в этом.

— Папа мне все рассказал... — наконец решившись робко начала Астор. — Это правда?

— Что конкретно? — он сделал вид что не понял вопроса, при этом прекрасно отдавая себе отчет в том, что со всех сил оттягивает неприятный для себя разговор. И сильно из-за этого на себя досадуя.

— Мы в самом деле поженимся? — уточнила Астор мучительно покраснев. Странно, когда она приходила в его комнату на ночь глядя, или ночевала в одном шатре на двоих, то не смущалась ничуть, а упоминание о свадьбе почему-то вызвало такую неоднозначную реакцию. Загадочна женская душа, особенно если она сама толком не знает, чего хочет от

жизни.

Маркус понял, что опять позорно уходит мыслью от насущной проблемы и, естественно, рассердился на себя. Собственных слабостей он терпеть не мог кроме нескольких тщательно лелеемых, и, по сути, самостоятельно придуманных. Но эти слабости были очень удобными, от них крайне легко избавиться.

— Да, мы в самом деле поженимся, — ответил он спокойно. — Надеюсь, твой отец не станет тянуть с помолвкой. Мне будет гораздо проще защитить вас обоих в качестве твоего супруга.

— Защитить? — медленно повторила Астор.

— Да. Именно защитить. — Маркус оторвал, наконец взгляд от портрета и посмотрел девушке в глаза. — Астор ты мне очень дорога, но боюсь настоящий брак я себе просто не могу позволить, у меня есть обязательства, которые как бы не хотелось, не возможно нарушить даже ради тебя. И портить тебе жизнь не хочу. Так что наш с тобой брак будет фиктивным.

Девушка несколько мгновений смотрела на него непонимающе, затем развернулась и стремительно побежала прочь. Барс проводил ее взглядом, вздохнул и кивком головы велел двум охранникам догнать. Не дело, если она будет бегать по замку в одиночку. Впрочем, горцы в его указаниях не нуждались, сдвинувшись с места почти сразу, они бесшумно скользнули вслед за графиней. Ходить бесшумно они мастера, даже в горах по осыпям. Маркус же печально вздохнул, положительно, сегодня подходящий день, чтобы злиться на самого себя за глупость. Прожить столько лет и не научиться обращаться с женщинами — это даже кретинизмом назвать сложно. И соврать-то, как следует не смог, хорошо хоть хватило ума не ляпнуть, что он ее не так любит, чтобы жениться по-настоящему. И ведь сущая правда любит *не так*, не как женщину, но звучит-то как!

После этого Астор не разговаривала с ним два дня. А на третий граф по настоянию Маркуса объявил о помолвке. Тянуть с этим он действительно не стал. Можно было бы и раньше, но на такое важное событие следовало пригласить хотя бы самых близких родственников. Тех же Тальсаров, например.

Одного из горцев герцогу пришлось отправить обратно в горы, за документами, подтверждающими его титул. Они хранились у Агэдо. До сих пор в этих древних документах надобность возникала очень редко. Да он, в общем, и не спешил ими светить направо и налево.

И вот наконец настал день помолвки.

Помолвка.

Гостей собралось немного, в основном, потому что не многие успели бы добраться. Родственников и вовсе можно было пересчитать по пальцам. Приехали Тальсары всем составом — граф и трое сыновей. А так же баронесса Салион с двумя дочерьми, то ли троюродная тетушка, то ли и вовсе жена пятиродного дядюшки. Маркус даже вникать не стал в эти извилистые родственные отношения, тем более что даже сам де Энакер был не совсем уверен в степени родства. Да ему было и не до того, граф спешно занимался организацией достойной помолвки. Астор же по-прежнему с будущим женихом не разговаривала. И вообще, глядя на ее унылое лицо, можно было решить, что девушке грозит не помолвка с любимым человеком, а как минимум смертная казнь. Человека несчастней, казалось, просто не найти. У всех гостей немедленно создавалось впечатление, что девушку выдают замуж насильно, из политических соображений, либо другой выгоды. Совершенно обычное дело, надо сказать, династические браки среди аристократии заключались постоянно, существовал даже некий кодекс, регламентирующий эти самые браки и их разновидности. Как например, фиктивные, то бишь взаимовыгодные сделки без длительных обязательств. Аристократы женились по расчету куда как чаще, чем по любви, что бы там не придумывали себе по этому поводу романтические девицы. Астор все это прекрасно знала, и,

сложись обстоятельства иначе, именно такой брак и ожидал ее в скором времени.

Впрочем, когда на первом месте чувства, доводы разума редко берутся в расчет. Что сам Маркус не влюблялся и не помнит, каково это терять голову от нахлынувших чувств, наплевав на здравый смысл? Так что он прекрасно понимал, что в ближайшем времени ожидаются бурные выяснения отношений, как только Астор перестанет обижаться настолько, согласится его видеть. Выяснения отношений явно будут непростыми, и как предполагал Барс, ожидаются уже скоро. Сразу по окончании помолвки.

Отвлечшись от размышлений об отношениях с будущей невестой, Маркус осмотрелся повнимательней, наблюдая за гостями. Старший Тальсар о чем-то беседовал с графом, рядом с ним стоял старший сын и молча хмурился. Двое других братьев увлеченно общались с дочерьми баронессы Салион, весьма привлекательными близняшками. Особенно Маркуса заинтересовал самый младший из графских отпрысков — Бран. Тот, что по слухам подался в маги. Слухи, судя по всему, оказались правдивы, магией от стройного невысокого шатена веяло изрядно, можно даже сказать, вполне ощутимо. Во всяком случае для герцога, у которого было врожденное чутье на подобные вещи. Было бы ложью сказать что Барс не испытал по этому поводу некоего подозрения. Бран Тальсар стал первым подозреваемым на роль Черного Лорда и даже не сегодня. Хотя бы по той причине, что магические способности давали наибольшие шансы на воплощение. Тем не менее, это было настолько очевидно, что возникали определенные сомнения, вряд ли лорд стал бы так бездарно подставляться. Или же он чувствует себя настолько уверенно, уже и не скрывается?

Герцог присмотрелся к младшему Тальсару повнимательней, не столько зрением даже, сколько особым чутьем и раздумчиво качнул головой. Никаких видимых доказательств в пользу его версии, как и против нее — не было. Ну а подозревать человека в чем-то только на основании того, что он владеет магией, по крайней мере, глупо.

Маркус, пока еще было время до начала церемонии, повнимательнее присмотрелся к другим родственникам. Признаться честно: если бы не чутье на магию, то внешне на мага больше всего проходил средний брат, Яльмир. Он был таким же невысоким и тонкокостным как Бран, однако же, и ко всему прочему, довольно бледнокожим, как человек, проводящий много времени вдали от солнца, что свойственно заядлым книжникам, например, и тем же магам. О том же, кроме бледности, говорил нездоровый цвет лица. В общем, довольно типичный образ злобного некроманта. Насколько типичный, что это могло даже показаться забавным. И только старший из троих братьев был похож на отца, русый статный молодец привлекательной наружности. Сам граф от наследника отличался лишь сединой в волосах да некоторым количеством морщин на лице, напоминающих о его возрасте. И, помимо всего прочего, в манерах и выражении глаз то и дело проскальзывала властность и немалая жесткость характера, хотя на людях он старался казаться спокойным и обходительным.

Занятая семейка. Остальные родственники такого интереса не вызывали, поскольку были достаточно дальними.

Среди гостей наметилось некоторое оживление, и Маркус разглядел запоздавшего жреца Линайо. Весьма странно со стороны графа пригласить именно его, в таких случаях, как правило, приглашают жрецов Светлейшей. К Линайо бегут романтические влюбленные, которым строгие родители запрещают быть вместе. Но, Впрочем, графу видней, какой жрец будет проводить церемонию помолвки, возможно он верит в приметы. Ведь не даром же считается что девушка, помолвку которой освещал жрец бога Любви будет впоследствии счастлива в браке, даже если не с этим мужчиной. У некоторых людей очень странная логика.

Жреца почтительно сопровождали к специально подготовленному помосту, откуда его было хорошо видно. Хмурую и молчаливую Астор граф взял под руку и торжественно повел к помосту. Барса, за неимением других родственников, сопровождал Халай. Гости с любопытством провожали их взглядами, в некоторых сквозила зависть, в некоторых интерес. Другие провожали девушку жалостливыми взглядами, Впрочем, таких было меньшинство. В основном такие же молодые и романтические. Некоторые в полголоса делились

впечатлениями с соседями. Маркус легко мог бы напрячь свой звериный слух и разобрать, о чем шепчутся гости, тем более, временами ему начинало казаться, что кое-какие разговоры он и так слышит, но не ушами, а как-то иначе. Впрочем, это было не так уж важно, поскольку ни о чем серьезном гости, к сожалению, не говорили.

Саму церемонию вряд ли можно было считать интересной. Ему не раз приходилось наблюдать за подобными и даже самому участвовать, пусть и не так уж часто. Жрец объявил о предстоящем единении двух любящих сердец, спросил у родных жениха и невесты о том, согласны ли они с тем, что эти двое обещаны друг другу и в будущем им надлежит вступить в брак. Конечно же, родные были согласны, опять Халаю пришлось играть роль "родителя" поскольку традиция требовала, а кого-то, кого Маркус мог бы назвать родственником, поблизости все равно не было.

Затем, как водится, был пир и бал, вежливые улыбки гостей и поздравления. Не самое веселое занятие ходить под руку с мрачной, как на похоронах, невестой, но Барс не особенно обращал сейчас на это внимание. Объяснится можно будет потом, а в данный момент его интересовали гости и, больше того, конкретные люди. А именно: Тальсары и баронесса Салион, как ближайшие родственники. К его удаче все они собрались тесной компанией, так что отлавливать нужных людей по одному не пришлось.

— Астор, девочка я рад за тебя, — тепло улыбнулся граф де Тальсар. — Думаю, тебя ожидает весьма удачный брак. Герцог, мое почтение. Весьма рад с вами познакомиться.

— Взаимно, граф, — Маркус вежливо склонил голову. Жест, вопреки его желанию, вышел несколько сдержанным и прохладным. Приветливость графа выглядела очень натурально, вполне естественная приветливость такого благодушного богатыря, однако у Барса всегда было отменное чутье на фальшь. Граф Тальсар вызывал почти инстинктивную неприязнь. Трудно было сказать в чем именно дело, то, что за приветливостью и благодушием старшего из Тальсаров прячется жесткая и весьма сильная личность, он разглядел сразу, это как раз не должно было его оттолкнуть, но, тем не менее, при близком знакомстве граф вызывал чувство отторжения.

— Собираетесь взять управление Шеврозом в свои руки, герцог? — благодушно поинтересовался граф. — Графство требует крепкой руки. Мой покойный брат, к сожалению, в последние годы справлялся с большим трудом.

— Не беспокойтесь, граф, я справлюсь. При всей моей любви к кочевой жизни надо же когда-то обзавестись родовым гнездом. Я рассчитываю, что мои детям достанется крепкое и достаточно богатое хозяйство.

— Весьма дальновидно, герцог, вы правы, так и надо! — с улыбкой одобрил де Тальсар.

Маркус вновь коротко склонил голову, словно бы благодаря за похвалу. Вежливость того требовала, а показывать графу свои глаза ему не хотелось. Барс вдруг понял, почему де Тальсар вызывал такое неприятие. Он был словно бы пустой. То есть это ощущение Маркус так для себя назвал, просто не найдя более точного определения. Как любой хищник, он был весьма чувствителен к настроению людей, иногда даже мог угадать их чувства, это, конечно, не эмпатия, но что-то к тому близкое. В последнее время, после подарка странника эта чувствительность стала увеличиваться, порой Барсу казалось, что он начинает слышать чужие мысли. Так вот, граф де Тальсар в этом отношении оказался совершенно пустым, его не было. Это противоестественное ощущение вызывало настоящий внутренний протест. Словно с покойником разговариваешь. Возможно, это была всего лишь какая-нибудь изощренная магическая защита, даже более чем вероятно, но почуять ее Маркус не мог. Банально не хватало знаний.

Сыновья барона на него такого впечатления не произвели. Воспитанные и целеустремленные молодые люди, уважающие отца, не более того. Впрочем, с первого взгляда было видно, что эта семья очень крепкая и все четверо привыкли держаться друг за друга. В общем, впечатление об этом семействе он составил, а большего пока не требовалось. Баронесса Салион и вовсе большого интереса не вызвала, ее по большей части

занимали лишь немудреные мысли о том как бы поудачней выдать замуж своих дочерей. Остаток вечера пришлось потратить на вежливое общение с другими гостями. А затем, как Маркус и ожидал, состоялся неприятный разговор с Астор.

Как бы он не готовился к этому разговору, но легче от этого не стало. Разумных аргументов девушка слушать не желала, на Маркуса посыпались обвинения пополам с упреками. Под конец Астор просто расплакалась.

— Неужели я тебе так неприятна? — спросила она. — Ведь неправда же, я помню как ты смотрел на меня у агграми, когда я проходила обряд совершеннолетия. Разве я не нравилась тебе тогда?

— Дело не в этом Астор, — вздохнул он. — Я лишь забочусь о твоём будущем, у меня есть обязательства, которые придется непременно выполнять, и я не смогу остаться с тобой надолго. Фиктивный брак для нас наилучший выход, потом ты снова сможешь выйти замуж. К тому же не факт, что этот брак вообще состоится. Возможно все проблемы удастся решить раньше.

— Ты в этом так уверен? А может я наоборот уже никогда не смогу выйти замуж, раз оказалась не нужна в первый раз, значит со мной что-то не так. Тебе это не приходило в голову?

— Не преувеличивай, фиктивные браки не такая уже редкость, — ответил Маркус рассеяно, а сам вдруг задумался: а почему, собственно? С каких это пор он стал относиться к молодой красивой девушке таким, можно сказать, противоестественным образом? Да, Астор часто вела себя как ребенок, но, тем не менее, ребенком она не была. Когда его отношение изменилось — а ведь оно определенно изменилось — и почему?

В общем объяснения вышли пустыми, и кажется, даже до мелочей повторяли предыдущий разговор. Вот только вопрос заданный самому себе так и остался и упорно не давал покоя.

Даже засыпая, он пытался разобраться в собственных мотивах, хотя бы потому, что очень не любил ситуации, когда не понимал что и почему делает. И может быть по этой причине, или по какой другой, ему приснился довольно странный сон.

Впрочем, сначала этот сон странным не казался. Горы, привычные и родные, то самое место, где не один век пролежал идеально круглый валун с заточенным внутри Странником. Разве что теперь там не было ничего, кроме мелкого щебня. Это, пожалуй, удивило больше всего, но чего не бывает во сне? А Маркус, самое интересное, прекрасно осознавал, что спит. Это была вторая странность, ну и наконец третьей стало небо, сразу, как только он поднял голову. Оно напоминало искусно сделанную глазурь, блестящее яркой голубизной, с застывшими белыми облаками, нарисованными то тут то там. Не небо, а дно расписной фарфоровой миски.

— Не обращай внимания, это лишь декорация.

Барс резко опустил голову и наткнулся взглядом на высокого — почти с него ростом — жилистого парня стоящего напротив. Внешность у незнакомца была довольно экзотической. Округлые черты лица в сочетании с необычно узкими глазами (Маркус даже и представить не мог, где в этом мире могут существовать люди такой внешностью) василькового цвета, и белоснежные волосы, заплетенные в короткую косу.

— Ты кто? — поинтересовался герцог, завершив осмотр.

— И не стыдно тебе, внучек, старого знакомого не узнавать? А ведь сколько веков сюда бегал, чтобы со мной повидаться, я-то специально выбрал это место, чтобы с тобой поговорить.

Маркус ошеломлено моргнул. Во-первых, такое обращение от юнца, которому на вид едва больше двух десятков лет, по меньшей мере, странно, а во-вторых, до него далеко не сразу дошло, к кому это он бегал несколько веков, чтобы повидаться?

— Странник? — на всякий случай уточнил он.

— Рад, что ты меня узнал, уж прости, не удержался от шутки, — парень приветливо улыбнулся, продемонстрировав длинные клыки. Барс не взялся бы определить с ходу, но

больше всего они напоминали змеиные, да к тому же еще и ядовитые, кажется.

— Ты ведь кажется, говорил, что не можешь оставаться в нашем мире надолго? И почему "внучек", мы родственники? — Маркус уже успел взять себя в руки, и удивление выразил лишь демонстративно поднятой бровью.

— Ты уверен, что это именно те вопросы, на которые тебе необходимо получить ответ? — вопросом на вопрос ответил Странник.

— В том числе, — Маркус не позволил сбить себя с толку.

— Ну, хорошо, отвечаю по порядку: меня здесь нет, это всего лишь информационная матрица... да неважно, просто призрак с моей памятью, я предполагал, что у тебя возникнут некоторые вопросы, потому оставил эту матрицу, чтобы она могла ответить на них. Учти, кстати, что мой призрак будет существовать лишь до тех пор, пока ты не используешь свое разрушительное копьё. Заклинание я вложил в него при восстановлении. Внуком я тебя назвал, поскольку чувствую свою кровь, сын мой пропал неизвестно куда несколько тысячелетий назад, но у него была дочь, так что ты вполне можешь оказаться моим правнуком. Или внучатым племянником, что, впрочем, не суть важно на данный момент. У нашего народа близким родство считается до восьмого колена. Достаточно подробно?

— Достаточно. Почему я оказался здесь?

— Потому что у тебя возник один из вопросов, на который настроена эта матрица. Что-то о той девочке, с которой вы меня освобождали, не так ли?

— Не понимаю, каким образом мои личные проблемы тебя касаются? — несколько удивился Маркус. — И, кстати, раз уж ты решил отвечать на вопросы, скажи, зачем нужно было делать настолько неудобные подарки? Эта связь, которой ты нас с Астор наградил, порой очень мешает жить.

— Никакой связи не существует, — спокойно ответил Странник.

Маркус молча всем своим видом, выразил вопрос.

— Никакой связи или чего-то подобного никогда не существовало, — повторил Странника. — Откуда, кстати, взялась столь странная мысль? В этом мире принято связывать между собой сознания людей? Впрочем, это не важно, у нас не так уж много времени. Ты природный телепат Маркус, но твои способности могли бы навсегда остаться в латентном состоянии. Однако я решил, что гораздо разумней будет их разбудить, они еще могут тебе сильно пригодиться. Но поскольку такой мощный телепатический дар, проснувшийся внезапно, может свести своего владельца с ума, пришлось заякорить твоё сознание на эту славную девочку, к счастью, ты испытывал к ней достаточно теплые чувства, а то могло бы получиться еще хуже. Как только твой мозг и сознание справятся с навалившейся на них нагрузкой, необходимость в якорё отпадет. Осталось не так уж долго. Кстати, прими совет: как только это случится, постарайся оказаться от девочки как можно дальше и желательно больше никогда с ней не встречаться.

— Почему? — Маркусу надоело молчать. К тому же ответ на вопрос, из-за которого он якобы сюда попал так и не был до сих пор получен.

— Она стала частью твоего сознания, слишком близкой частью. Длительное пребывание рядом может вызвать некоторые побочные эффекты, я не думаю, что тебе будут к лицу женские капризы и прочие милые черты характера.

— Астор это ни чем не грозит?

— Ничем, она всего лишь якорь, все проблемы могут возникнуть только у тебя. Кстати, не вздумай заводить с девочкой, каких либо близких отношений, это может плохо кончиться уже для вас обоих, впрочем, думаю твои инстинкты и без того прекрасно все за тебя решили. Захотеть ее как женщину для тебя все равно, что захотеть самого себя. На этом пожалуй все, тебе пора.

Маркус на миг прикрыл глаза, сдерживая сильное желание обругать новоявленного родственника нехорошими словами. За такие новости не то, что обругать, убить на месте хотелось, хотя с призраком от этого вряд ли что-то случится. Но желание, тем не менее, от этого меньше не становилось. А, учитывая, сколько дополнительных вопросов, появилось

после этого разговора, Странника нужно было не убивать, а посадить в клетку и долго пытаться.

Открыв глаза, он обнаружил перед глазами не искусственный пейзаж наведенного сна, а потолок собственной спальни в замке Шевроз. Несколько минут он лежал, неподвижно раздумывая над тем, что же его разбудило. За окном только-только приближались предрассветные сумерки.

Сердце вдруг замерло и болезненно сжалось. Маркус замер, стиснув зубы и переживая внезапную тянущую боль в груди. Ощущение было знакомым и всегда в таких ситуациях, он чувствовал отвратительную бессильную злость. Хоронить своих детей он так и не научился.

Полежав несколько минут бездумно глядя в потолок, Маркус поднялся и пошел искать комнату Халай. Он, единственный из всех горцев, ночевал не в шатре, а в замке. Впрочем, искать долго не пришлось, но за это время герцог успел подумать, как сообщить тому о смерти отца. Ничего умного не придумал честно говоря.

Халай спал чутко, потому проснулся моментально на тихий шорох открываемой двери, Барса встретил ясный и внимательный взгляд.

— Что-то случилось?

Маркус сел на край его постели и несколько мгновений молчал.

— Агэдо умер, тебе нужно возвращаться домой. Теперь ты вождь, Халай.

— Я не могу оставить тебя в опасности, — твердо возразил горец.

— Ты не можешь оставить племя без вождя.

— Если Ото'о Ша погибнет, не станет и племени, — Халай не собирался сдаваться.

Некоторое время молчали, разглядывая медленно светлеющее небо за окном.

— Сажи, легенды не лгут, — осторожно нарушил тишину горец, — ты всегда чуешь смерть своих детей? Значит отец?...

Маркус молча кивнул и вышел из комнаты. В конце концов, Халай уже достаточно взрослый и здравомыслящий человек, теперь вождь, сам решит, что и как следует делать. А ему сейчас просто не хотелось об этом думать. Да и не нужно, наверное.

Расследование неожиданно застопорилось, ездивший в храм Милосердной целительницы Борн каких-либо важных сведений не привез. Кроме разве того что супруга графа де Тальсара серьезна больна, и панически боится каких-то мифических злых магов и, как ни странно, собственных сыновей. Это говорило, прежде всего, о том что в благородном семействе не все в порядке, но к делу могло не иметь никакого отношения.

— Ты с ней самой разговаривал, или это все со слов целителей? — на всякий случай поинтересовался Маркус.

— Пытался, — Борн чуть поморщился, — она ни на что не реагирует. Во всяком случае в обычном своем состоянии. Но, по словам целителей моментально впадает в панику если кто-то из семейства Тальсаров пытается ее навестить, муж или сыновья. И постоянно кричит "он чудовище!". Целители считают, что графиня их не различает, очевидно, всех четверых принимает за одного.

— Интересно кто же из них ее так напугал? — риторически спросил Барс.

Борн пожал плечами. Они переглянулись.

— Думаешь?... — спросил телохранитель.

— Не знаю, Тальсары с самого начала на подозрении как самые заинтересованные лица, потому любой факт сейчас воспринимается как работающий против них. Но сам понимаешь, в данном случае это ничего не доказывает.

С поиском людей, помогавших графу Шеврозу разыскивать клады, тоже возникли проблемы. Те как в воду канули. На постоялом дворе где с ними встречались поверенные покойного графа никого не нашли. Расспросы завсегдатаев этого заведения — а это в основном были такие же наемники — ситуацию тоже не прояснили. Команда из четырех человек, довольно известная нестандартными делами за которые они брались, исчезла, казалось бесследно. Маркус крепко подозревал что охотники за кладами найдя что-то по

настоящему ценное распрощались с этим прекрасным миром.

Проблемы этим не ограничивались, отношения с Астор по-прежнему оставались натянутыми, девушка продолжала обижаться на его невнимание и судя по всему что-то затевала. Халай узнавший о смерти отца ходил подавленный, но возвращаться в горы категорически отказывался. Маркус предпочел бы все-таки отправить его обратно, без Халай и его горцев тут будет очень тяжело, но племя осталось без вождя и это гораздо хуже. Герцог вынужден был признать, что благополучие агррами для него все-таки гораздо важнее, чем нынешние проблемы.

Ко всему прочему Маркус никак не мог разобраться с личными проблемами внезапно возникшими на горизонте. Когда ему приснился Странник он не задавался вполне очевидным вопросом, во сне критическое восприятие притупляется, мало ли что может присниться. Но обдумав позже разговор со Странником, он спросил сам себя: каким это образом бестелесное существо совсем иной природы, может оказаться его родственником? Темнит что-то Странник, теперь и с этим надо разбираться. Вопрос: как вытрясти нужные сведения из призрачного родственника которого можно встретить только во сне и который, строго говоря, не является даже полноценной разумной личностью, а всего лишь копия с нее? Если это правда, конечно, а не какая-то его игра.

Несколько дней прошли совершенно бесполезно, потому что не принесли совершенно ни какой полезной информации, покушений на него как на потенциального мужа Астор тоже пока не было, вопреки всяким расчетам, а Маркус чувствовал что сейчас каждый час на дороге. Впрочем, возможно это было лишь нежелание сидеть сложа руки ожидая когда на голову свалятся очередные неприятности.

Но вот наконец вынужденное затишье кончилось, капитан Андрес принес хорошие новости: один из его людей смог найти в городе наемника старого графа, их тех что искали клады.

— Но он категорически отказывается ехать в замок, — сказал Андрес. — Может парень и прав, он явно чего-то боится, вряд ли стоит кому-то знать что мы его нашли. А в замке этих наемников слишком многие в лицо знают.

И не факт что среди этих многих нет соглядатаев противника — про себя добавил Маркус.

— Я встречу с ним в городе, место пусть сам назовет. Организуй. Еще, приставь к парню пару своих людей, пусть охраняют по возможности незаметно. И Андрес, — Маркус внимательно посмотрел на капитана. — Если с этим человеком что-то случится, я знаю с кого спрашивать. Так что выбирай людей понадежней.

Капитан молча кивнул и ушел. Своё отношение к последнему заявлению он никак не выразил.

О том что собрался ненадолго уехать из замка Маркус никому кроме Борна и Халай не говорил. Он рассчитывал обернуться за несколько часов, но Астор все равно каким-то образом об этом узнала, и тут же отбросив свою обиду начала волноваться.

— Это не опасно? Может, не поедешь один? — спрашивала она.

— Не опасней чем сидеть в замке, — ответил он, — дожидаясь когда что-нибудь случится. Без охраны обойдусь, во-первых здесь нужней, а во-вторых не стоит демонстрировать всем желающим, что мне что-то понадобилось в Нашоне.

Девушка только вздохнула.

— Ты только возвращайся поскорей, ладно?

— Постараюсь, — пообещал он. — А ты не говори лишнего никому что я уехал, если что в кабинете закрылся и работаю. И Борна слушайся, в случае чего он знает как действовать.

Вышел он через заднюю калитку для слуг, редко используемую, а потому слегка заросшую бурьяном. Следует поменьше светиться перед охранной и теми же слугами. Халай со Штормом ждали его снаружи.

— Может быть, я с тобой поеду? — спросил горец.

— И ты туда же? — Маркус неодобрительно покачал головой. — Сам же знаешь, мне одному проще.

Встреча была назначена в одном из припортовых притонов, из тех где частенько обретаются не слишком удачливые пираты и контрабандисты, да небогатые матросы. Наемник по всей очевидности оригинальностью мышления не отличался, но в чем-то он определенно прав, если есть надежные знакомые которые в случае чего прикроют, то как раз в порту спрятаться проще всего. Не любят тут чужих.

На него оглянулись едва ли не все кто сидел в полутемном зале грязной забегаловки. В таких местах публика одна и та же, в основном знают друг друга в лицо, а если и не знаю, чужака все равно с первого взгляда видно. Особенно если это чужак подпирает беловолосой макушкой низенький потолок. Слишком заметная фигура что ни говори.

Тайной встречи не получилось. Плохо.

Нужный человек ждал за дальним столиком, шестым от входа как и передали люди Андреса. Маркус сразу узнал его по описанию. Внешность у наемника была весьма примечательной, при всем желании не перепутаешь. Не типично для этих мест темноволосый, худой как щепка и с испещренными шрамами руками, от кистей до закатанных по локти отворотов рубашки. Словно его акулы жевали.

— Вы не могли прислать кого-нибудь менее примечательного? — недовольно поинтересовался он.

— Ну уж как вышло, — хмыкнул Маркус с трудом втискиваясь Между столом и узкой, больше похожей на жердочку, лавкой. Мебель в тут явно не под его габариты рассчитана, скорее для таких вот тощих. — В ваших же интересах ответить на мои вопросы побыстрее и мы спокойно разойдемся.

— Спрашивайте, — как-то устало сказал наемник.

— Меня интересует работа, которую вы делали для покойного графа де Шевроза. Знаете, зачем ему это было нужно, и что за клады вы для него находили?

— Нет, — мужчина покачал головой. — Мы никогда не заглядывали в сундуки, это было основным условием, а платили нам немало, так что в этом и необходимости не было. И не спрашивали ни о чем. Но как по мне, на развлечение для богатых бездельников это совсем не похоже. Слишком все продуманно и организовано, что-то конкретное мы искали. И между прочим нанимал нас по первости не граф, а его племянник.

— В каком смысле организовано? — насторожился Маркус, отложив в памяти замечание про племянника.

Наемник собрался было ответить, когда к их столику подошла разносчица и лениво поинтересовалась что они будут пить. Пришлось слегка отвлечься.

— Так что? — напомнил Маркус о своем вопросе, когда им принесли пиво и тарелку с мелкой вяленой рыбешкой, брезгливо понюхал совою порцию, сделал осторожный глоток. Пиво на удивление оказалось не разбавленным и даже на удивление вполне удовлетворительного качества, но это не имело значения, все равно герцог его терпеть не мог. — Что значит организовано?

— Каждый раз нас отправляли искать не просто какой-нибудь первый попавшийся клад, а точно указывали в каком именно районе нужно начинать поиск, целью был сундук обитый медью с определенным рисунком, если находили что-то другое, то могли оставить это себе. Собственно о посторонних находках нас даже не спрашивали, но если попадалось что-то подходящее, контролировали тщательно. Понятия не имею, каким образом граф узнавал о том что именно мы нашли раньше чем успевали об этом сообщить.

— Возможно, кто-то из вашей команды его об этом информировал, — пожал плечами Маркус. — Вряд ли вас оставили без контроля. Это все?

Наемник шумно отхлебнул из своей кружки, потер переносицу.

— В последние два раза нам выдали амулеты-детекторы помогающие искать клад. Так что с заданием мы справились раза в три быстрее и получили дополнительную плату. А в последний раз граф был очень доволен, так думаю мы нашли то что искали.

— И что ни разу не возникло желание заглянуть что там в этих сундуках, а вдруг ваша оплата только малая часть от той что можно было бы получить продав клад?

— Ну как не быть? Возникало, — наемник вновь потер переносицу, этот жест видимо выражал у него глубокую задумчивость. — Да только мы не первый раз с магическими кладами дело имеем, а тут ведь сразу понятно было что не золото и камушки ищем. Иной раз откроешь такой без хорошего мага, а оно как рванет. Наш маг такие клады распознавать умел, а вот вскрывать не всегда решался.

Маркус скептически поднял бровь. Неужели этот человек пытается его убедить в том что тертые наемники не первый год занимающиеся поиском магических кладов ни разу не полюбопытствовали что же они ищут?

— Ну Ферн (это маг наш) заглянул в последний сундук, — под его взглядом неохотно выдал наемник. Ему в таких вещах признаваться не хотелось, у наемников все-таки своя этика, даже у таких.

— И что там было? — спросил Маркус сделав вид что ничего особенного в этом признании не видит.

— Не знаю, — еще более неохотно выдал наемник, он явно чувствовал что именно этот вопрос больше всего интересует собеседника, и учитывая что рассчитывал получить в ответ на выданную информацию какую-то услугу вынужден был быть слишком откровенным. — Правда не знаю, Ферн сказал что вещь не магическая, или просто артефакт разряженный вот больше никто интересоваться и не стал. Раз не магическая, что с нее пользы? Плату больше оговорено с заказчика не запросишь, да и главное он доволен, а что за штуковина не наше дело.

Маркус поморщился, он учел профессиональное любопытство, а вот об обратном не подумал. Жаль, именно эта информация могла бы оказаться полезней всего, хотя и из того что он уже узнал можно сделать некоторые выводы.

— Я надеюсь это не все? — уточнил на всякий случай.

Это действительно было не все, наемник не знал точно последующие события были результатом того что любопытный маг заглянул в злополучный сундук и наниматель каким-то образом об этом узнал, или же они все-таки нашли что-то слишком ценное. Тем не менее первым умер маг от неизвестного яда, на следующий день после того как они сдали заказчику свою находку. В течении недели погибли еще двое членов команды, в живых остался только один с трудом обманув охотящихся на него убийц. И вот уже два с половиной месяца прятался в портовых притонах, не имея возможности выбраться в город или покинуть его. Несколько попыток едва не закончились плачевно, потому теперь наемник даже не пытался выбраться из своего убежища. Здесь ему пока удавалось прятаться от убийц, но было понятно, что это ненадолго.

— Хочешь, чтобы в обмен на информацию я помог тебе выбраться из города? — легко догадался Маркус.

Мужчина только кивнул.

— Хорошо, я подумаю, что можно сделать. Но полезной информации, скажем прямо, не густо. Что-нибудь еще? — он особенно не надеялся, но вдруг наемник вспомнит что-то важное?

— Где гарантии, что вы мне действительно поможете выбраться из города?

— Моего слова не достаточно? — нарочито небрежно поинтересовался Маркус. Несколько минут они мерялись взглядами, пока наемник отвел глаза, не выдержав.

— У меня остался один из детекторов, с помощью которых мы искали клад, удалось припрятать, отговорившись тем что уронил в море. Получите его сразу после того как я окажусь на границе княжества. Скажу, у кого его можно забрать.

Маркус мысленно хмыкнул, парень оказался не таким уж простаком. Выложил всю информацию, но главный козырь придержал напоследок. Если с детектором уже один раз удалось найти этот таинственный клад, то возможно пройдясь с ним по замку удастся найти снова. Главное чтобы клад по-прежнему оставался в замке. Есть над чем подумать.

И все-таки, что же было в этом проклятом кладе, ради чего заварилась такая каша?

Пикник.

Над эвакуацией наемника из Нашона пришлось всерьез поломать голову, Маркус поручил это Борну, выделив в помощь несколько людей Халая и капитана Андреса. Больше горцев отвлекать от охраны не хотелось, людям Андреса он доверял еще не настолько, чтобы поручать это дело только им. А так присмотрят друг за другом.

Сам Барс влекся на очередной виток конфликта с Астор. Хотя то, что происходило в данный момент, вряд ли можно было назвать конфликтом, девушка вдруг перестала обижаться на него и вообще кардинально изменила свое поведение, став вновь такой же, как вначале их знакомства, бесшабашной, слегка легкомысленной и веселой. Может и стоило бы порадоваться такой перемене, если бы не два фактора весьмастораживающих. Первое: вся эта веселость и прочие шутки были в основном направлены в сторону Маркуса. И второе: во всем это устойчиво проскальзывала некоторая наигранность. Астор конечно тщательно старалась контролировать свои мысли и эмоции — и делала в этом немалые успехи — но он все равно чувствовал неладное. Разобраться как следует не было ни времени, ни возможности, однако непонимание ситуации действовало на нервы. Еще не хватало, чтобы взбалмошная графиня в самый ответственный момент выкинула что-нибудь сумасшедшее.

— Давай на пикник съездим, — предложила Астор как-то, — только вдвоем.

Маркус лишь вздохнул, удивляясь такой беспечности.

— Ты хоть понимаешь насколько это опасно сейчас?

— Понимаю, — покладисто согласилась девушка, — но я уже не могу сидеть взаперти, стены просто давят. Ну пожалуйста, — Астор умоляюще заглянула ему в глаза.

— Нет, — твердо ответил герцог, — не вижу смысла напрасно рисковать и отвлекать людей для охраны. Потерпи немного, в конце концов, жизнь важнее.

Астор, поняв, что уговорами ничего не добьется, решила немножко надавить.

— Я все равно хочу погулять, если ты не согласишься поехать со мной, то я придумаю способ, как сделать это без тебя, и все, что случится после этого, будет на твоей совести.

Вот это надо признать был серьезный аргумент, раз уж девушка вбила себе что-то в голову, то непременно постарается это осуществить, даже если будет прекрасно понимать, насколько безрассудны и опасны ее действия. Астор, вопреки всякому здравому смыслу, отличалась редким упрямством, а уследить за ней постоянно не способны даже Борн и горцы. Чего доброго и впрямь сбежит, и так уже охрана жаловалась, что пока Маркус ездил навстречу с наемником они умудрились упустить девушку из виду аж на полтора часа. Невнимательные охранники были, конечно, наказаны, но не слишком сурово, герцог прекрасно понимал, что Астор за время их путешествия слишком хорошо изучила свою охрану и легко ускользала из-под наблюдения, другое дело, что пока у нее хватало благоразумия этого не делать.

— Ладно, сдался он, — поедem мы с тобой на пикник, но, во-первых, не в вдвоем, а с охраной, а во-вторых, недалеко от замка, чтобы в случае чего быстро можно было вернуться под защиту стен. Тут рядом есть озеро, туда и поедem.

— Спасибо! — счастливо воскликнула девушка и попыталась на радостях его поцеловать, но, конечно, не преуспела, Маркус не собиpался наклоняться, а чтобы дотянуться ей понадобился бы стул.

После этого разговора Маркуса одолело ни чем не объяснимое ощущение, что эта прогулка для Астор не самоцель, нужна она для чего-то другого. Для чего именно? Этого он понять так и не смог, не до того было, чтобы голову ломать. Оставалось лишь надеяться на остатки ее благоразумия, не позволяющие устроить что-нибудь по-настоящему опасное.

Маркус уже не первый день раздумывал над тем как бы аккуратно побеседовать с одним из Тальсаров. С самим графом ему общаться не хотелось категорически, старший Тальсар, несмотря на внешнее добродушие и приветливость, по-прежнему вызывал

инстинктивную неприязнь, Маркус предпочитал держаться от него подальше. Граф определенно был довольно опасен, не особой силой, воинским умением или магией, де Тальсар из тех кто способен устроить крупные неприятности кому угодно. А вот его сыновья... с сыновьями, пожалуй, можно попробовать побеседовать, только чтобы граф узнал об этом как можно позже.

Проще всего было вызвать на разговор Яльмира, тот на правах родственника остался погостить. Герцог подозревал, что не столько погостить, как и пошпионить заодно. Но это было исключительно его мнение, ничем не подкрепленное, а граф в любом случае не мог бы выставить родственника за ворота. Невежливо.

Оставалось придумать, как вызвать Яльмира на откровенный разговор, от деликатных методов толку было немного, парень не особенно стремился заводить длительные беседы, а надавить на него не было возможности.

А тут еще появился Борн и сообщил что все готово для того, чтобы тайно вывезти наемника из города, но тот вдруг уперся, заявляя, что желает иметь дело только с Барсом, а больше никому информацию передавать не будет. Следовательно, опять все придется контролировать лично. Хорошо хоть основную работу Борн сделал все-таки сам.

— Ладно, вывозите его, как планировали, — велел герцог, — я подъеду к условленному месту, где его будет ждать шлюпка.

Наемника решено было вывезти из Нашона морем, но тут все было не так просто, как хотелось бы, иначе тот и сам мог сесть в порту на любой подходящий корабль. Сесть на пассажирский корабль или наняться матросом на любой легальный корабль без регистрации в портовой администрации практически невозможно, а связываться с пиратами и контрабандистами без надежных знакомств в этой среде рискованно. Либо ограбят и прикончат как шпиона, либо продадут тем же Посланцам в качестве жертвы, те никогда не отказывались подарить своему богу очередную жизнь. Учитывая, что среди этой братии довольно много соглядатаев Посланцев такой исход наиболее вероятен.

Для того чтобы вывезти наемника из города (не просто из города, а желательно как можно дальше от графства Шевроз) необходимо было договориться с капитаном легального корабля, чтобы тот подобрал одного пассажира за пределами города. Какие уж там знакомые у наемника в порту неизвестно, но они этого устроить не смогли, впрочем, Маркус и сам не смог бы, даже предложи он капитану хорошее вознаграждение. Нарушать закон таким образом себе дороже, и санкции серьезные и большое послабление в налогах, став "нелегальным" теряются, если капитан не занимается откровенной контрабандой то "легальным" быть намного выгодней, даже несмотря на жесткий контроль. К счастью, правильные знакомые, согласившиеся рискнуть, имелись у Борна, иначе все оказалось бы еще сложнее. Слишком великие затраты ради спасения наемника.

Астор опять напомнила об обещании свозить ее на прогулку. Отказаться не было никакой возможности, проще выполнить ее желание, организовав приличную охрану, чем пытаться удержать упрямую девушку в замке, она заявила, что сидеть в замке как в клетке не собирается. В каком-то смысле Маркус ее понимал, сам он тоже чаще предпочитал чаще рисковать, чем отсиживаться в тихом уголке в надежде, что неприятности чудесным образом закончатся. Но ведь есть же разница! Он, во всяком случае, всегда мог оценить степень риска и ради чего рискует. Если бы Барс был хоть сколько-то уверен, что Астор на категорическое "нет" успокоится и не попытается сбежать из замка, он бы эту прогулку просто запретил. К сожалению, уверенность была как раз в обратном.

Как говорить: не можешь что-то контролировать — возглавь это. К простой прогулке Маркус готовился почти как к боевой операции. То, что в последнее никаких нападений не случилось расслабиться не заставило, скорее наоборот, настораживало.

В последний момент с ними напросился Яльмир, Астор это расстроило, хотя она старалась не подавать вида. Маркусу впрочем, это тоже не очень нравилось, отказаться от общества родственника не было повода, но и доверия он не вызывал. С другой стороны возникала возможность завести откровенный разговор, возможно, эта прогулка окажется не

такой уж бесполезной, как показалось сначала.

Охрана ехала поодаль, поскольку Астор категорически отказалась видеть их рядом, несколько человек ускакали вперед, проверяя путь. В какой-то момент герцог малодушно подумал, что следовало все-таки просто запереть девушку в ее покоях, поставить охрану снаружи, посидела бы под домашним арестом некоторое время, ничего страшного. А с графом можно было и отдельно объясниться, он за дочь беспокоится не меньше, понял бы. Сбежать или вытворить какую-нибудь глупость шансов минимум, зато отношения испортились бы окончательно, что на данный момент могло доставить много неудобств. Ну что ж, менять что-либо уже в любом случае поздно.

Выбросив из головы посторонние мысли, Барс бдительно смотрел по сторонам, стараясь не пропустить ничего, охрана охраной, но если на них сейчас нападут, та может и не успеть. Нападения, впрочем, так и не случилось, они вполне благополучно добрались до озера. Озеро это, еще в бытность герцога сопливым пацаном, незатейливо называлось Хрустальным. За столько веков оно не пересохло и не превратилось в болото, оставаясь все таким же прозрачным и на редкость холодным. Вероятно, его питали мощные подземные источники.

— А мне тут нравится, — слегка оживилась Астор. — Красиво. Купаться здесь можно?

— Если не боишься замерзнуть, — пожал плечами Маркус, получил от прочесавшей окрестности охраны знак что все чисто, и приказал рассредоточиться и наблюдать. Среди двух десятков деревьев и нескольких крупных валунов спрятаться было трудновато, но охранники справились, зато им подопечных было видно достаточно хорошо, что гарантировало хоть какую-то безопасность.

Пока Маркус предавался короткому приступу ностальгии, вспоминая, как в детстве, под присмотром своего воспитателя и наставника купался в этом озере, Астор при деятельном участии кузена выбрала пяточок поровней ближе к воде и расстелила небольшую скатерть. Из предусмотрительно собранной в замке корзинки появилась разнообразная снедь и две пузатые бутылки явно дорогого коллекционного вина. Наверняка из подвалов покойного графа, Маркус такое любил, несмотря на свою устойчивость к алкоголю, и Астор об этом знала.

Яльмир вновь попытался завести светскую беседу, пока они ехали к озеру, Маркус отвечал редко и односложно, а Астор вообще обиженно отмалчивалась.

— Герцог, заранее прошу прощения, но не удовлетворите мое любопытство? Почему о вас до сих пор ничего не было известно?

— Неизвестно? — Барс изобразил удивление, слегка приподняв, брось. — Вы преувеличиваете граф, меня знают достаточно много людей и при желании легко находят.

— Простите, я видимо не так выразился. Герцогский титул не та вещь, которую можно легко скрыть, но о вашем существовании ничего ну было известно. Не сочтите за назойливость: почему?

— Я всего лишь давно не пользовался титулом, мне безземельному он никакой пользы не приносит, — тут Маркус конечно слукавил, пользу можно извлечь из всего. А "давно" это понятие растяжимое, за два с половиной века о нем конечно же могли забыть, тогда в последний раз он воспользовался своим титулом. Ну был герцог и пропал, это конечно не крестьянин какой, но безземельный, не богатый (хотя это как сказать) и не влиятельный, фигура не слишком заметная.

Астор достала из корзинки серебряные богато украшенные кубки, и Маркус потянулся за бутылкой, открыть и разлить. Успел только открыть, с удовольствием вдохнув терпкий аромат. Затем девушка деликатно, но настойчиво отобрала у него пузатый сосуд из темного стекла.

— Я сама, хорошо?

Маркус удивился, но уступил. Ну, захотелось девочке вопреки традициям и правилам этикета разлить вино в кубки, может, она этого у аррами набралась, у тех имелся довольно старый обычай, когда девушка подносила вино будущему мужу, давая тем самым понять,

что она принадлежит только ему. Гм...

Астор разливала вино в кубки с некой церемонной тщательностью, словно от каждого ее движения зависело что-то очень важное, что еще больше утвердила Маркуса в его подозрениях, особенно когда девушка отдала первый кубок ему, второй оставила себе, символически пригубив и только потом, словно бы нехотя, надела кузена. При этом в кубок плеснула едва ли наполовину, а затем неловко повернула руку и тяжелая неудобная бутылка выскользнула из тонких пальцев, покатила под уклон к берегу, и с громким щелчком ударившись о камень узким горлышком, треснула. На каменистый берег потекло коллекционное алое вино тут же смываемое легкими волнами. Впрочем, учитывая объем кубков, озеру досталось не так уж много редкого угощения.

— Ой, выскользнула! — Астор огорчилась абсолютно натурально, виновато улыбнулась кузену. — Ну ничего, у нас еще одна есть. Ты ведь сам нальешь, да?

Конечно же, Яльмиру ничего не оставалось, как согласиться.

Маркус незаметно принялся, показалось, что в вине имеются посторонние примеси, но не отравить же его Астор решила? Глупости! Отвергнутые женщины конечно способны на многое, но только не Астор. И это уже пахнет паранойей, в любом случае, на него действуют лишь редкие магические яды особой сложности.

— Простите, герцог, а почему все же вы именно сейчас решили вновь вспомнить о своем титуле? — осторожно возобновил разговор Яльмир.

И Маркус наконец понял причину его настойчивого любопытства. Такой титул это все же не абы что, особенно если он достаточно древний, каждый род хоть когда либо носивший герцогский титул, даже если самого рода уже давно нет, на пересчет. Ведется тщательная перепись с подробными генеалогическими древами. А тут неоткуда появляется некий субъект почти бандитской наружности и заявляет что он герцог, причем доказательств, кроме обещания когда-нибудь предоставить соответствующие документы, у него нет. Похоже в нем заподозрили авантюриста, ловко заморочившего голову де Энакеру. И скорей не Яльмир даже, а его родитель. Сам парень то ли очень ловко притворялся, то ли действительно был настолько прост, как выглядел, вряд ли ему в голову могло прийти нечто подобное.

— Видите ли, Яльмир, я решил что пора, наконец, остепениться, а титул подходит для этого как нельзя лучше, — ответил Маркус давно заготовленной легендой. Допил вино из своего кубка и с удивлением отметил легкий шум в голове. Обычно даже от кувшина вина максимум, что он мог почувствовать, это приятную расслабленность.

С левого бока к нему ласковой кошкой прильнула Астор, мягко улыбнулась, Маркус рефлекторно обнял ее за плечи, пытаясь стряхнуть все нарастающий в голове шум. Посмотрел на Яльмира, тот расслабленно полулежал на земле, подперев рукой голову, а второй пытаясь налить в свой кубок еще вина. Получалось у него не слишком хорошо, горлышко пузатого сосуда так и норовило скользнуть куда-то мимо.

"Все-таки было что-то в первой бутылке, — проскользнула в голове вялая мысль. — Ну, Астор!.. Надо пользоваться моментом, пока Тальсар пьян, ему досталось гораздо меньше этого зелья"

— Яльмир, окажите ответную любезность, ответьте теперь на несколько моих вопросов.

— Конечно! — с неестественным энтузиазмом ответил тот и уставился на собеседника влюбленными глазами. — Все, что пожелаете!

Маркуса от этого взгляда едва не передернуло.

— Вы ведь помогали своему дяде искать некий клад?

— Откуда вы знаете? — Яльмир нахмурился, явно пытаясь что-то сообразить, неловким пьяным движением начал шарить по скатерти в поисках съестного. — Отец запретил об этом говорить!

— Обещаю, что ваш отец ничего не узнает об этом разговоре, — мягко заверил герцог. — Ну же, Яльмир, вам ведь хочется все мне рассказать, не так ли?

— Очень хочется! — с пьяным энтузиазмом подтвердил, все еще смотря на Маркуса умильно-преданными глазами. — С-спрашивайте!

— Вы помогали искать графу де Шеврозу клады? Что вы искали и чья это была инициатива?

— Н-наша, с братьями, — ответил Яльмир. — Мы лекарство искали, дядя согласился помочь. А п-потом не отдал, себе оставил... врал, что не нашел.

— Какое лекарство? — Маркус мучительно пытался сосредоточиться и преодолеть оглушительный гул в голове и заплетающийся язык. А тут еще Астор прижималась к боку, горячо дышала в шею, заставляя постоянно отвлекаться.

— Для мамы, отец сказал... он нашел древний трактат, там артефакт описывается, который лечит душевные болезни и продлевает жизнь. А мы с братьями решили найти... маму вылечить... А он не отдал, хотел себе жизнь продлить. И умер. — Яльмир пьяно хихикнул. — Не помог ему артефакт!..

— Яльмир где сейчас артефакт? — Маркус задал самый важный вопрос, пытаясь отвлечься от ловких ручек Астор, расстегивающих на нем рубашку.

— Н-не знаю, — парень неловко мотнул головой, утыкаясь носом в землю.

— Кто убил графа Шевроза? — ответ на этот вопрос, пожалуй, был даже важнее.

— Н-не знаю, а разве его кто-то убил? — пробормотал Яльмир глухо, не поднимая головы. А потом и вовсе затих.

Маркус попытался обдумать то, что только что узнал, но это ему удавалось с трудом. Перед глазами все плыло, а в голове был полный сумбур. Ему вроде бы удалось слегка взять себя в руки, но тут Астор приподнялась и неумело ткнулась губами в его губы. Глаза у нее были огромными и совершенно шальными, больше кроме этих глаз он ничего не воспринимал. И они были последним, что увидел, прежде чем провалиться в непроглядную липкую тьму.

Напоследок голову посетили жалкие остатки трезвого мышления в виде совершенно неуместных сейчас размышлений: "Надо бы бутылку подобрать, а то насвинячили" и "Хорошо хоть охрану взяли, а то бы уже никто не проснулся".

...И почти мгновенно оказался в иллюзорном мире созданном Странником. В голове прояснилось, Маркус удивленно повертел головой.

— Неужели она меня все-таки отравила? — Всего лишь напоила приворотным зельем, в совершенно безумном количестве, — насмешливо сообщил голос из пустоты, и только потом рядом материализовался Странник. — Скажи спасибо, что я вмешался раньше, чем оно на тебя подействовало.

— Раньше чем?... — скептически уточнил Барс.

— Раньше, чем подействовало так, как задумывалось. Все остальное уже побочные эффекты.

— Вот уж спасибо, — хмуро ответил Маркус, — и кто тебя просил?

— А ты что, всерьез решил жениться? — ехидно уточнил Странник. — Не говоря уж о том, что это может для тебя очень плохо кончиться.

Герцог только молча вздохнул.

— Во-первых, моя личная жизнь это в первую очередь мое дело, а во-вторых, твои аргументы не кажутся слишком убедительными. Пока я не услышал ничего вразумительного кроме расплывчатых предупреждений как плохо для меня это может кончиться, — не то чтобы Маркус вспылал внезапной страстью к Астор... хотя учитывая приворотное зелье все может быть, но такое нахальное вмешательство в личную жизнь раздражало и заставляло возражать просто из чувства противоречия.

— Какие же все молодые нетерпеливые и недоверчивые, — тон Странника внезапно стал иным перестав быть насмешливым с малой толикой ехидства. Вроде бы и не изменилось ничего, но теперь за его плечами явно ощущался груз прожитых, даже не веков, тысячелетий. — На слово ты мне поверить не хочешь, внучек?

Герцогу почему-то вспомнилось, что именно таким тоном с ним в детстве разговаривал отец, когда он умудрялся нашкодить. Странник умел великолепно играть голосом, настолько, что вытаскивал из подсознания воспоминания раннего детства всего лишь несколькими словами. Маркус нахмурился, он терпеть не мог, когда им пытаются манипулировать, возможно, кому-то достаточно близкому он это и позволил бы, но уж точно ни призраку, который непонятно на каких основаниях претендует на родство.

— Хочешь знать, чем для тебя могло кончиться это небольшое приключение? — между тем продолжал Странник. — Что ж, я тебе расскажу, и покажу.

И он действительно рассказал, а так же показал, поскольку спокойная и размеренная речь Странника сопровождалась яркими и очень реалистичными картинками, возникающими прямо в мозгу.

— Подобный тип приворотных зелий действует в сочетании с алкоголем, но при передозировке сначала возникает эффект сильного опьянения, а затем непреодолимое влечение. Вас там было трое, и зелье пили все. Догадываешься, что должно быть дальше?

Маркус тряхнул головой, отгоняя картинку разгульной оргии. Почему-то она его совсем не порадовала, видимо от того, что там присутствовал Яльмир. Пожалуй, про себя он даже согласился с тем, что Странник вмешался очень вовремя, но вот вслух делать это не спешил.

— Далее, — как ни в чем не бывало продолжал Странник. — Девушка — твой якорь, что это такое, я уже объяснял. Якорь позволяет латентному телепату проявить свои способности, близкий контакт спровоцирует скачкообразное пробуждение телепатических способностей, на пике эмоций произойдет объединение сознаний. Более сильное сознание неизбежно поглотит слабое. Кто из вас сильнее?

Герцог словно в реальности увидел пустой, бессмысленный взгляд Астор, рваные разбалансированные движения поломанной куклы и тоненькая ниточка слюны в уголке губ. Зрелище откровенно неприятное.

— И наконец, этап третий, — ровно сказал Странник. — Два сознания в одном теле, раздвоение личности. Хочешь посмотреть, как твое тело будет вести себя с женским сознанием? Нет? Ну что ж, нет так нет. И два пути разрешения этой проблемы: сумасшествие или слияние. Тебе достанется весь невеликий жизненный опыт этой милой девочки, ее характер, привычки и влюбленности. Не думаю, что тебе это очень уж нужно, внучёк.

Маркус глубоко вздохнул, отгоняя слишком уж реалистичные картины, и с кристальной ясностью осознал, что такой "родственник" выводит его из себя. И почему прежде казалось, что Странник мудрое и всепонимающее существо, не склонное к отвратительным шуткам и чрезмерному ехидству? Или такой вопрос он себе уже задавал? В любом случае благодарить Странника за своевременное вмешательство герцог не собирался, если подумать, то эта ситуация целиком и полностью его вина. Маркуса не имел никакого желания становиться телепатом, он вообще всем этим магическим штучками традиционно не доверял, и Астор в качестве якоря, соответственно, тоже не радовала. Впрочем, он еще не настолько разозлился на Странника, чтобы делать глупости и так просто отказываться от помощи.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Пока ничего, — спокойно ответил собеседник, — ты без сознания и пробудешь в этом состоянии до тех пор, пока действие зелья не закончится. А те двое и без тебя прекрасно справятся. Заодно и решится проблема с влюбленной девушкой. Мы тем временем успеем побеседовать.

— Других идей нет? — спросил герцог не слишком довольный.

— А что тебя не устраивает? — удивился Странник. — Самое оптимальное решение. Приворотное зелье действует достаточно продолжительное время, так что молодые люди будут увлечены друг другом, оставив тебе большую свободу действий. Если тебя так уж беспокоит судьба девочки, возможно у них позже даже будет счастливый брак, как только ты

исчезнешь из ее жизни. Или как раз это тебя и не устраивает? — пронизательно спросил Странник. — Только не говори, что ревнуешь, таким как мы это чувство не доступно в принципе, природой не заложено.

Маркус и не ревновал, ему действительно ни разу в жизни не доводилось испытывать этого чувства, зато его с успехом заменяли собственнические инстинкты, Барс с большим трудом расставался с тем, что считал своей собственностью. И сейчас с истинно кошачьим эгоизмом был недоволен тем, что Астор достанется другому, вроде и самому не нужно, но и отдать жалко.

Впрочем, это все глупости...

— Странно слышать "таким как мы" от существа, принадлежащего к совершенно другой форме жизни. — Решил сменить тему герцог. — Тебе не кажется, что это по меньшей мере самонадеянно? Я уже не говорю о том, каким образом мы вообще можем оказаться родственниками?

— Ну, я не всегда был "другой формой жизни", — ничуть не растерялся Странник. Вообще-то Маркус вынужден признать, что он действительно чем-то смутно напоминал ему мать, но это могла быть всего лишь иллюзия, выстроенная на отрывочных воспоминаниях детства. — Ну почему бы и не рассказать, раз тебя это так волнует? Нам предстоит провести тут некоторое время, а тебе полезно будет узнать кое-что о своем народе. Предпочтешь короткую или подробную лекцию?

— Короткую разумеется, исторический экскурс это конечно весьма полезно, но боюсь слишком долго.

— Разумно. Что ж, слушай. Ках-аа-лу очень древняя раса, одна из первых разумных во вселенной (есть мнение, что самая первая, но я не склонен преувеличивать), в те времена, когда Творец создавал нас, он еще не знал, что души разумных должны быть способны к перерождению. Поэтому несколько первых народов получились не истинно бессмертными как люди, чья душа неуничтожима, а бессмертными... скажем так, ограниченно. Но такое положение Изначальных сам понимаешь, не устроило (всего нас было пять первых рас), хотя мы далеко не сразу поняли, в чем разница. Люди способны были жить бесконечно, перерождаясь из тела в тело...

— И не помнить об этом, — невежливо перебил Маркус. — Не вижу смысла в подобном бессмертии.

— Ну это сейчас не помнят, кто ж им виноват, что растеряли самый ценный дар Творца? Все вечной жизни ищут, тогда как она в них изначально заложена. Я еще помню те времена, когда сильные духом способны были сохранить память на десятки перерождений, с каждым разом увеличивая и срок жизни своего физического тела. Впрочем, не имеет значения, нас проблемы человечества волнуют постольку поскольку. Изначальные были созданы долгоживущими, причем не только в физическом, но и в духовном плане, старость души нам не знакома, но именно потому окончательная смерть нас приводила в ужас. И хуже всего, что никакое могущество не способно предотвратить смерть физического тела, все равно или поздно умирают. И мы начали искать бессмертия для души. Ведь раз это возможно для людей, то теоретически возможно и для Изначальных. В нас Творец заложил несоразмерно большой запас силы.

— И неужели это оказалось так уж просто? — невольно заинтересовался Маркус. Рассказ Странника неожиданно зацепил, может быть, потому, что ему самому не так давно пришлось столкнуться со смертью слишком близко и перспектива окончательной смерти, вызывала не самые приятные ощущения. Пожалуй, прежде, когда он наивно считал себя человеком, было гораздо легче.

— Такие вещи не делаются просто, и быстро, к сожалению, тоже. Теоретически мы могли жить бесконечно, практически любого можно убить. Впрочем, когда еще не было людей, а только Изначальные народы, все было просто. Изначальных мало, Вселенная огромна. Нам не было дела друг до друга. А потом стали появляться все новые и новые народы, не только люди, и Изначальные начали их учить. Не потому, что были такими уж

добрыми и мудрыми учителями, не потому, что нам так уж хотелось себя таковыми почувствовать, обучая дикарей с палками магическим премудростям. Все гораздо проще, любопытство. А еще неистребимая тяга к истинно бессмертным. Мы все словно чувствовали себя ущербными рядом с ними, но в то же время упрямо доказывали им и себе обратное. До сих пор доказываем. Что из этого вышло, думаю, ты догадываешься?

— Вас начали убивать, из зависти или страха перед силой. Да мало ли еще почему, может кто из Изначальных женщину у вождя дикарей увел. — Легко догадался герцог. Ему самому не раз случалось сталкиваться с подобными ситуациями, вряд ли Изначальные оказались мудрей и прозорливей настолько, чтобы не наступить на те же грабли. У них было слишком мало жизненного опыта для этого. Сколько раз Маркусу доводилось видеть как ученик убивал собственного учителя, по глупости, случайно, или завидуя тому и понимая, что сам таких высот не достигнет никогда. Почти столько же, как отдавали жизни за своих учителей, искреннее и беззаветно верили, даже становясь жертвами жестоких экспериментов. Впрочем, трудно поверить, что на Изначальных так уже все ополчились, скорее всего, было по-разному? Но их тогда было слишком мало, они узнали, что такое смерть и испугались.

Странник не мешал ему думать, незаметно меняя обстановку вокруг, сон-иллюзия послушно поддавались его манипуляциям, превращаясь в довольно уютную комнату освещенную лишь пламенем большого камина, недалеко от которого стояли два удобных кресла, странным образом принимающие именно ту форму, которая удобна сидящему на них человеку. Либо у них со Странником схожие вкусы, либо тот построил иллюзию максимально комфортную для собеседника.

— Не думаю, что это все стало бы такой проблемой будь мы готовы к чему-то подобному. Впрочем, я начинаю повторяться, — продолжил Странник свой рассказ. — Главное, что все Изначальные искали пути решения и каждый из народов пошел своим путем. Были даже те, кто высокомерно заявил, что они сами по себе совершенны, ибо ПЕРВЫЕ и принялись истреблять молодые народы.

— Спрятали свой страх и беспомощность за высокими речами.

— Конечно, — Странник печально улыбнулся. — Так ведь проще. Хотя их это не спасло. Дело прошлое, не буду утомлять тебя подробностями. Мы, я имею в виду ках-аа-лу, нашли свой путь.

— Я догадался. Вы каким-то образом превратить себя в чистый разум на основе энергии. Впрочем, мне пока непонятно как именно. И, получается, в таком случае ты уже мертв? Извини, что перебил.

— Ничего страшного, это хорошо, что ты задаешь вопросы. Приятно, когда потомок достаточно сообразителен.

Действительно, добиться такого результата было непросто, на это ушли тысячелетия работы, сложных изысканий и опасных экспериментов. Но главное, нам для этого пришлось довольно сильно изменить свою природу, в результате чего много позже всплыли некоторые ошибки, которые потом тоже пришлось исправлять или хотя бы минимизировать. Вмешиваться в созданное Творцом не самое безопасное занятие. А сейчас я расскажу о том, чего собственно удалось добиться, тебе в будущем это весьма пригодится. Твое тело аккумулирует энергию, в этом мире ее называют магической, причем, не только магическую, но и сходную с ней, например, духовную, как боги. Если в тебя, конечно, кто-то верит. В принципе второй вариант наиболее продуктивный, но и опасный.

Энергетические запасы накапливаются с годами, даже если ты используешь их часть, потратить все невозможно. В этом заключается некоторая опасность, ты можешь потратить тот запас, который доступен для использования и даже погибнуть, имея огромный энергетический резерв до которого нельзя добраться. Что недавно едва не случилось. На будущее: никогда не трать внешний резерв до конца, тогда в критической ситуации он будет подпитываться из внутреннего.

При смерти физического тела происходит огромный выброс энергии, чем старше ках-

аа-лу, тем соответственно больше выброс. Например того, что произошел при моей смерти хватило бы на создание небольшой планеты, или ее уничтожение. К счастью выброс направленный и узким лучом практически весь уходит в космос, где и формируется энергетическое тело, правда подвернувшийся по пути астероид вполне может быть вовлечен в процесс, и космической пыли не останется.

— Понятно, — Маркус задумчиво откинул голову на спинку моментально подстроившегося кресла и попытался понять что же во всем этом его смущает? Ну, во-первых, переход в иную форму существования вовсе не гарантирует истинного бессмертия, это лишь отсрочка, вероятно довольно длительная, но не бесконечная. Во-вторых, процесс накопления энергии не мгновенный... вот именно!

— В каком возрасте, возможно это преобразование?

— Не раньше двух тысяч лет, так что не советую умирать в ближайшее время. Кстати с тех пор как преобразование стало возможно, возраст зрелости у нас считается с двух тысячелетий. Так что ты пока сопляк несмышленный.

Маркус хмыкнул, оставив последнее заявление без внимания.

— Почему-то я был уверен, что все не так просто. А с истинным бессмертием как дела обстоят?

— А вот это пока неизвестно, такая форма существования оказалась значительно долговечней. Но если наши ученые не ошиблись, в конце нас ждет еще одно перерождение, возможно последнее, но это все равно не самый плохой результат.

Герцог хотел задать еще пару вопросов, поскольку Странник рассказал явно не все, и до сих пор оставалось непонятно, зачем он все это рассказывает. Но тот поднял руку в предупреждающем жесте.

— Тебе уже давно пора просыпаться, потом договорим.

А в следующий миг он действительно проснулся от вылитой прямо в лицо ледяной воды. Скривился, чувствуя, как неприятно намокают волосы, словно в луже лежишь. Шевелиться категорически не хотелось, в виски колотились злобные дятлы, причем, судя по интенсивности ощущений, не просто злобные, а бешеные. Глаза он разлепил с трудом и не с первого раза, ресницы почему-то склеились и тяжелые веки не желали подниматься. "Хорошо, что они у меня короткие — пришла в голову бредовая мысль, — а то так и остались бы слипшимися". Первое, что он увидел, было лицо графа, одновременно встревоженное и сердитое. Необычное сочетание, надо признать. Рядом хмурился Халай.

— Астор? — первым делом спросил Маркус, точнее едва слышно прохрипел, голова на попытке заговорить отозвалась новой болью.

— В своей комнате, — ответил граф резко. — Вы можете объяснить, что произошло?

— Не сейчас, — ответил он. "Самому бы разобраться, — пришло в голову. — Ладно, может Странник и прав, это действительно приворотное зелье. Но где Астор его взяла, и почему оно подействовало и на нее?" Надо узнать, что произошло у озера, пока он был у Странника. И где он сейчас находится? Маркус далеко не сразу догадался, что лежит явно не на твердой земле, а на мягкой кровати. Значит, его перевезли в замок в бессознательном состоянии.

Граф, недовольный его ответом, нахмурился, но настаивать не стал. Понимал, что бесполезно.

— Дайте воды, — хрипло попросил герцог. Сосредоточиться на насущных проблемах, которые, конечно же, необходимо было решать прямо сейчас, не получалось. В полной мере почувствовать на себе, что такое банальное похмелье, ему еще не приходилось. На что-то другое внимания уже не хватало.

Халай исчез из поля зрения, но очень быстро вернулся с полной кружкой, правда не воды, а солоноватой жидкости. Маркус тут же испытал невероятное облегчение, даже бешеные дятлы, поселившиеся в многострадальной голове, немного поуменьили свой пыл. Что позволило наконец сосредоточиться на важном.

— Что с Астор? Как долго я... спал?

Граф недовольно поджал губы. За него ответил Халай.

— С девочкой все в порядке. Ребята посчитали, что происходит что-то... эм... странное и решили вмешаться. — По тому, как он замялся, Маркус сразу догадался что именно "странное" происходило. И порадовался, что часть охраны была из горцев, они наверняка посчитали что невеста О'ото Ша не должна ему изменять. Охрана графа могла сделать вид, что ничего не замечает, аристократия строго блюдет внешние приличия, но закрывает глаза на маленькие шалости молодежи.

— Мы сначала подумали, что тебя отравили, — добавил Халай и недовольно поморщился. Он прекрасно знал, что большинство ядов на Барса не действуют, а те, что действуют, вызывают не совсем тот эффект. Тем более в таком случае наибольшее подозрение вызывала Астор, и это казалось уже совсем бредовым предположением.

— Это было приворотное зелье, — объяснил Маркус. — Хотел бы я знать, где Астор взяла? И когда успела? Хотя догадываюсь когда, — он приподнялся на постели, скривился, переживая стрельнувшую в виски боль. — Так сколько времени я спал?

— Около девяти часов, — на этот раз ответил граф. — Вас привезли в замок, когда не смогли разбудить на месте. Вызвали целителя из Нашона, но он ничего не смог сделать. Приворотное зелье он тоже предположил, но не смог сказать, чем вызван такой глубокий сон, определил лишь, что не зельем и не ядом. Ни одно из знакомых ему средств подобного эффекта не вызывает. Вы уверены, что это приворотное зелье?

— Почти наверняка, — Маркус сказал бы наверняка, без "почти", но пока единственный источник информации это Странник, а этого все же было недостаточно. Самому проверить надо.

Он попытался прикинуть, сколько у него времени. Девять часов уже прошло, плюс время на дорогу до побережья, где наемник должен передать ему амулет, помогающий искать злополучный клад вокруг которого все похоже и вертится. Больная голова математические вычисления проводила с трудом, герцог никак не мог сосредоточиться. Следует выезжать немедленно, чтобы успеть, или время еще есть?

— Целитель еще не уехал? — сдавшись, наконец, спросил он. — И вообще, как лечатся от похмелья? Мне сейчас нужна свежая голова.

Граф бледно улыбнулся.

— Целитель еще не уехал, мы решили, что его помощь еще может понадобиться.

— Он сейчас отдыхает. Позвать? — предложил Халай.

К счастью целитель свое дело знал, напоил каким-то зельем, помагичил что-то, и Маркус почувствовал себя вполне прилично, во всяком случае, достаточно, чтобы начать соображать.

Плохо все-таки, что своего целителя нет, приглашать со стороны опасно, всегда можно нарваться на агента противника, который не постесняется отравить клиента даже ценой своей жизни.

— Халай, я уезжаю сейчас, Борна тоже нет, так что ты за старшего. Усиль охрану Астор и графа, девочку из ее покоев не выпускать, благо повод есть. Яльмира тоже закройте, под предлогом действия приворотного зелья. Думаю, он не посмеет возмущаться. Еще: постарайся, чтобы твоих людей рядом с подопечными было в два раза больше, чем других охранников. Остальных отправь патрулировать замок и окрестности, в общем, займи как-нибудь, чтобы никто не оставался один и находились на глазах, по крайней мере, еще двоих человек.

Закончив инструктировать Халай, не теряя времени, отправился седлать Шторма. Маркус вовсе не считал, что в его отсутствие на Астор и графа непременно нападу. Скорее наоборот, с тех пор как они приехали в замок никаких неприятностей еще не случилось, а значит противник взял паузу и осмысливает ситуацию, собираясь сменить тактику. Скорее герцог предполагал, что сработает провокация с помолвкой и следующее нападение будет на него.

А еще у него внезапно возникло никакими фактами не подтвержденное предположение

о личности Темного лорда. Оставалось придумать способ, как это предположение проверить.

* * *

Наемник передал ему обещанный амулет без всяких проблем, он был доволен тем способом, которым его решили вывезти из города. И Маркус в какой-то момент с удивлением подумал, что похоже в этот раз все тоже обойдется без лишних происшествий. Поторопился.

Процесс передачи амулета происходил в небольшом уединенном местечке, укрытом от посторонних глаз. Высокие скалы вокруг, подход есть только с моря, как раз достаточно места для одной шлюпки. Оттуда наемника должны были и забрать. И в тот момент, когда он уже передал амулет (обычный, ничем не примечательный перстень-печатку из черного серебра), а затем сел в шлюпку откуда-то со скалы прилетела короткая арбалетная стрела, пробив наемнику горло.

Один из матросов вовремя сориентировавшись, упал на дно шлюпки, Маркус едва успел отшатнуться от следующей стрелы. Прижался к скале, пытаясь определить, где засел убийца. Тот выбрал очень удачную позицию, сверху легко простреливался маленький закуток между скал, а подняться наверх отсюда было невозможно. За Барсом должен был прибыть Борн на лодке, но теперь если он и появится, то тоже подставит себя под удар.

Еще одна стрела щелкнула о камень, выбивая искры, Маркус дернул головой, чудом не поймав ее в собственный череп. В последний момент среагировать успел. Впору радоваться, что не взял с собой Борна на эту встречу, хотя тот и настаивал. Сам-то может и выберется, а вот его вытащить, пожалуй, и не смог бы. Он еще раз осмотрел скалы и понял, что и самому выбраться было не просто, форменная ловушка, уйти можно только вплавь, но стоит хоть на полшага выйти из-под защиты стены и его настигнут стрелами, мякнуть не успеет. Впрочем, если арбалетчик один... Маркус намеренно вышагнул вперед и тут же отшатнулся, тяжелый арбалетный болт чиркнул по камню, оба матроса, что пришли сюда на шлюпке за наемником, соображали быстро, пока стрелок отвлекся на герцога, решили рискнуть и сноровисто взялись за весла. Вторая стрела полетела в них лишь секунд через тридцать, кажется, даже зацепила кого-то, Барс не присматривался. Второй раз в них стрелять не стали, из чего можно было заключить, что стрелок один, во-первых, интервал между выстрелами, во-вторых, не захотел тратить время и снаряды на ненужные цели, побоявшись упустить главную. Тридцать секунд... рискованно конечно, но если оставаться здесь, то убийца рано или поздно найдет позицию, с которой легко достанет свою цель, времени у него много. Значит простая схема, отвлечь, переждать выстрел и в воду.

Он успел прыгнуть в воду и сделать несколько мощных гребков, прежде чем нагнала очередная стрела, больно ударив выше локтя, грести сразу стало намного трудней. Маркус поспешил нырнуть, чувствуя, как болью отдается в мышцах каждое движение. Он понял, что плыть долго не сможет, а между тем поблизости не было н(и)е одного места, где можно было выйти на берег.

Стрелок, сам того не подозревая, был очень близок к тому, чтобы отправить свою цель на тот свет. Раненой рукой приходилось работать активно, Маркус понимал, что быстро ослабнет от боли, а плыть было еще далеко. В какой-то момент он поймал себя на том, что медленно погружается в воду, даже не замечая этого. Отключился всего лишь на короткое мгновение, но даже это могло стоить жизнь. Осмотревшись, он нашел какой-то выступ в скале, маленький, на него вряд ли можно было забраться, но ухватиться здоровой рукой и продержаться какое-то время вполне возможно. На самом-то деле и держаться долго не надо, если чувство времени его не обманывало, примерно через час Борн должен был приплыть за ним на лодке, вряд ли он будет отплывать далеко от берега, значит должен заметить.

Неподвижная рука почти перестала болеть, но через некоторое время Маркус заметил, что рана словно бы горит изнутри. С некоторым холодком подумалось: неужто Посланцы нашли яд, который может повредить ему? Таких почти не существовало, но "почти" понятие

довольно расплывчатое, всегда можно найти что-то особенное. Вот и гадай теперь, убьет его этот яд, или организм все-таки справится?

Через несколько минут руку жгло уже немилосердно, Маркус терпел, сжимая зубы. Выдергивать стрелу он не рискнул, кровью истечет, к тому же яд в нее уже попал. К счастью Борн появился немного раньше оговоренного срока, всего-то на несколько минут, но Барс вынужден был признать, что эти минуты вполне могли стоить ему жизни, поскольку держался на поверхности воды он уже с ощутимым трудом, а намокший камень так и норовил выскользнуть из-под пальцев.

— Живой? — Борн протянул ему руку, помогая забраться в лодку.

— Относительно, — пробормотал Маркус, распластавшись на дне. — Напомни мне, кто придумал устроить встречу в этом каменном мешке? Я его сердечно "поблагодарю" при случае.

— Не я, — тут же открестился Борн. — Вообще-то это была идея капитана корабля. Думаешь, это была ловушка? Что там случилось, кстати?

— Ловушка не ловушка, но откуда-то противник узнал, где состоится встреча... — проворчал Барс, перевернулся на бок, задумчиво разглядывая собственную раненую руку. Пора бы, пожалуй, и от стрелы избавиться, интересно Борн сможет чем-то помочь? — Я вот только одного не пойму: почему стрелять в нас начали уже после того, как наемник передал мне амулет? Ведь если это было так важно, они должны были перестраховаться, чтобы не упустить.

— А ты все-таки забрал эту штуку? — спросил Борн, руки его размеренно двигались, проворачивая весла в уключинах. — Вообще-то могу предположить почему, скорее всего, цель была не столько не допустить передачи амулета, сколько убить вас обоих. Может быть даже тебя в первую очередь.

— Пожалуй, значит, идея с помолвкой можно считать сработала, охотиться теперь в первую очередь будут на меня. Тем более, что я, похоже, подобрался к какой-то серьезной тайне. — Маркус еще раз покосился на стрелу в руке, поморщился от расплывающейся от нее по телу боли, жгло уже и в груди. Притом изрядно. Честно говоря, он с трудом прибывал в ясном сознании, так и казалось, что оно вот-вот уплывет в неведомые дали. — Ты мне стрелу вынуть не поможешь?

— В лодке? До берега не потерпишь?

Маркус кивнул и, снова закрыв глаза, лег на дно, конечно, он потерпит, да и на берегу лучше, лодка слишком маленькая, и перевернуть можно ненароком, а к тому же он больше чем в два раза, крупнее и тяжелее Борна, тот герцогскую тушу и не вытащит на берег, если что. А так своими ногами... сколько-то. "Если этот яд меня раньше не прикончит" — подумалось почти без иронии. Какая уж тут ирония, в самом деле? Яды любимое оружие Посланцев, все остальное они тоже используют и достаточно широко, но яды применяют почти везде и часто создают новые сами. Ходят слухи, что бывают даже индивидуальные яды, созданные для конкретной жертвы, больше никто от них не пострадает. Могли они создать яд, которым гарантированно можно убить ках-аа-лу? Сейчас Маркус готов был в этом поверить, потому что обжигающая боль уже надежно обосновалась в груди и дышал он только неимоверным усилием воли.

— Не вздумай помереть, — тревожно глянув на него, сказал Борн, — дотерпи, уже немного осталось. Что это ты так расклеился? рана вроде бы не настолько серьезная, да и крови не слишком много потерял.

— Яд, — коротко бросил герцог. Все его внимание было сосредоточено на очередном вдохе. Теперь это было не только больно, но и трудно, словно легкие вдруг решили отказаться работать, а горло отекло и не пропускало воздуха.

Борн пытался еще что-то говорить, но Маркус его уже не слышал, борьба за очередной глоток воздуха занимала все его существо. Перед глазами поплыли черные круги, и он потерял сознание.

Очнулся уже на берегу, и горло болело так, словно его упорно душили, но почему-то не

довели дело до конца, впрочем, болело не только горло, но и вообще вся грудная клетка. Борн что-то делал с его рукой.

— Давно я?... — даже эти два слова выговорить четко не получилось, не говоря уж о чем-то большем, но Борн понял.

— Часа полтора, — отозвался тот немного ворчливо. — Что это ты, как красна девица, все время в обморок свалиться норовишь?

— Да вот такой я слабенький, от смертельного яда помереть норовлю, — пробормотал Маркус, попытался засмеяться и охнул от боли. — Как ты меня вытащил?

— Да уж как-то, — неопределенно ответили Борн. — Ты как, помирать собираешься или уже нет?

— Скорее нет, чем да, — Маркус с усилием сел, проигнорировав боль. — Нехорошая тенденция, как думаешь? За последние сутки меня уже дважды отравили. Начинаю всерьез сомневаться в своей невосприимчивости к ядам.

— К ядам ты может и маловосприимчив, но не к веществам, которые могут принести косвенный вред организму, — ответил Борн. — По-моему то, что с тобой было, называется аллергией. Ты вставать-то будешь или помощь нужна?

— Нужна, пожалуй, — неохотно признался Барс, — но в седле удержусь.

Ехать все же пришлось медленно, хоть умный Шторм и старался лишний раз не трясти всадника, но тот первое время так и норовил вывалиться из седла. Но по возвращении в замок Маркус уже чувствовал себя вполне сносно, что позволяло задуматься о насущных делах, которые естественно никуда не делись.

— Отлежаться не хочешь? — поинтересовался Борн, увидев его целеустремленный взгляд.

Маркус лишь отмахнулся, кивнул попавшемуся на пути горцу и, стараясь не качаться слишком заметно, направился к покоям Астор. Гораздо интересней было, конечно, прямо сейчас начать разбираться с переданным наемником амулетом и непонятным кладом, но он решил сначала прояснить, наконец, ситуацию с приворотным зельем, чтобы больше к ней не возвращаться.

Дежурившие возле покоев графини аграми посмотрели на него немного встревожено, явно заметив нездоровую бледность, но пропустили молча.

Девушка сидела на низкой кушетке, обняв плечи руками, и бездумно разглядывала что-то за окном. Сидела она так очевидно достаточно давно. В душе что-то тревожно шевельнулось, Маркус сердито встряхнулся, напомнив себе, что это всего лишь остаточное действие приворотного зелья, а Астор он и так любит. Платонически.

Девушка обернулась на звук шагов и тут же в едином порыве рванулась к нему на встречу, застыла близко-близко, с тревогой заглядывая в лицо.

— Что случилось, ты... ранен?

— Пустяки, уже все в порядке. Астор, скажи пожалуйста, где ты взяла приворотное зелье?

— В деревне, — юная графиня потупилась, щеки ее предательски заалели. — Тут совсем недалеко деревня есть, там живет старая ведьм. Об этом вся округа знает, — Астор запнулась, не зная, что еще добавить.

— Откуда ты о ней узнала?

— Моя горничная рассказала. Я с ней и к ведьме ездила, не волнуйся. И от охраны она мне помогла убежать.

Горничная, так просто! Маркус даже головой покачал от досады. Ведь никто и не подумал, всеми доступными способами проверили на лояльность, приглядывали, чтобы прислуга не могла причинить вреда. А то, что горничная вполне может подружиться со своей госпожой и действовать заодно с ней, никому даже в голову не пришло. Оказывается, видеть потенциального врага в любом, кто находится рядом, иногда вредно.

— Хорошо, объясни в таком случае, что ты сделала с этим зельем, что оно дало такой ненормальный эффект?

Девушка вновь покраснела и закусила губу.

— Астор?

— Ничего я не делала... все как ведьма сказала... только. Ну, я подумала, что оно на тебя не подействует, и долила в вино больше чем надо.

— Насколько больше?

Девушка вздохнула.

— В три раза, — неохотно призналась Астор. — Я же не знала, что оно ТАК подействует!

"Передозировка, как и говорил Странник, — подумал Маркус, не знаю то ли смеяться в ответ на подобное признание, то ли наоборот схватиться за голову. — Но все равно остается несколько невыясненных мелочей, стоит этим заниматься или можно считать, что вопрос исчерпан?"

Для очистки совести все же решил прояснить несколько моментов. Почему именно такое зелье, судя по всему довольно редкое и неоправданно мощное? Почему оно подействовало и на Астор, разве ведьма не объяснила, как пользоваться, или хотя бы не дала противоядие? Девушка объяснила, что сама попросила самое мощное зелье из тех, что были у ведьмы, та естественно не поняла, для кого оно предназначено, но дала такое, которым при удаче можно и эльфа приворожить, а это уже показатель. Маркус не был уверен, что оказался бы более стойким, чем эти дети природы. Противоядие и инструкцию Астор, конечно же, получила, но ведьма просто не учла всю глубину обычной девичьей глупости. Астор понятия не имела, как правильно обращаться с подобными зельями, потому решила, что больше не меньше, вреда не будет.

В конечном итоге Маркус решил, что это не была очередная попытка покушения, слишком ненадежный образ действий для Посланников. Но проверить все же стоит, для очистки совести. Надо подумать, кого послать к этой ведьме.

— Маркус, — девушка посмотрела на него жалобно, — а мне еще долго нельзя будет выходить из своих покоев?

— По-хорошему тебя стоило бы запереть до тех пор, пока мы окончательно не решим все проблемы с безопасностью, чтобы впредь ты хоть иногда задумывалась над тем, что делаешь, — поймав умоляющий взгляд Астор, он вздохнул. — Хорошо, я поговорю с твоим отцом, но и тебя прошу: не выходи из своих покоев хотя бы два дня, не мешай мне.

Девушка горячо заверила, что будет вести себя смирно, Маркус ей не очень-то поверил, но пока что все было тихо и можно надеяться, что хотя бы один день обойдется без происшествий.

В кабинете старого графа, который с некоторых пор стал его, Маркуса, ждали де Энакер и Борн.

— Выглядишь как жертва некроманта, — заметил последний, — может без тебя разберемся?

— Спасибо за заботу, но я в порядке. На ногах держусь и ладно.

— Я не о тебе забочусь, а об успехе нашего общего дела. Если ты внезапно помрешь, кто будет сражаться с Темным Лордом? Кстати, я отправил людей к капитану, который должен был вывезти наемника из города, пусть расспросят его. Хотя я не верю, что удастся что-нибудь узнать.

Маркус лишь кивнул и надел на палец кольцо-поисковик. Это были странные поиски, они втроем бродили по замку, заглядывая в каждый закуток, каждый пыльный чулан от самых верхних этажей до подвала. Полученный от наемника амулет действовал по принципу горячо-холодно, как и большинство самых простейших поисковиков. Но в данном случае от этого не было никакой пользы, старый де Шевроз хорошо спрятал злополучный клад, возможно, он и вовсе не рискнул хранить его в своем замке. В конечном итоге их обход закончился в том же кабинете. Маркус почти разочарованно бросил амулет на стол.

— Не представляю, где теперь искать этот клад.

— Мне пришло в голову, — де Энакер задумчиво покрутил в руках перстень, — был ли

смысл перепрятывать клад, если его можно найти с помощью такого амулета?

Борн посмотрел на него, затем на герцога.

— В этом есть смысл.

— И куда в таком случае этот клад делся?

Короткий мозговой штурм результатов не дал, новых идей ни у кого не появилось. Либо де Шевроз все-таки перепрятал клад где-то в замке, найдя способ скрыть его от поиска, либо тайно вывез его куда-то. Но поскольку эта версия уже рассматривалась, и не раз, и никто из замковой челяди и прислуги ничего подобного не заметил, до сих пор рассматривалась версия, что клад по-прежнему здесь. Где?

Маркус катал по столу кольцо, пытаясь поймать смутно забрезжившую идею. В магии он разбирался слабо, на уровне человека часто сталкивающегося с проявлением этого искусства, однако представляющим как оно действует на самом примитивном уровне. Тем не менее, и этого хватало, чтобы понять, что заклинание, наложенное на кольцо хоть и замысловатое (заточенное на поиск конкретного предмета), но маломощное. Радиус действия невелик, необходимо оказаться очень близко к предмету поиска, чтобы оно сработало. Что если попытаться усилить заклинание? Всего лишь подпитать его энергией, для этого и магом быть не нужно.

Чуть поколебавшись (можно ведь и испортить) он осуществил совою идею. Тут же по гладкому боку ободка скользнул яркий блик, как если бы заклинание сработало, реагируя на предмет поиска. Маркус лишь вздохнул: все же испортил тонкую настройку своими неуклюжими действиями?

— Ты что сделал? — встрепенулся задумавшийся Борн.

Граф лишь заинтересованно промолчал.

— Всего лишь попытался его зарядить немного.

— А ну-ка повтори!

Герцог пожал плечами и повторил, в этот раз пытаясь действовать еще осторожней. По ободку опять скользнул яркий блик, после короткой паузы еще один. Маркус осторожно поднялся и, держа перстень двумя пальцами, сделал два шага в сторону. Следующий блик был гораздо тусклее и исчез очень быстро, словно бы нехотя тронув гладкий бок серебряного ободка. Маркус переглянулся с Борном и быстро шагнул обратно. Блик тут же появился вновь и солнечным зайчиком отразился на стену под совершенно неестественным углом. Все трое синхронно шагнули ближе.

Стена как стена, точно такая же, как и все остальные.

— Тайник? — предположил граф, постучав кончиками пальцев по участку на который упал солнечный зайчик.

— Если и так, то хорошо замаскированный. Тут уже не раз все тщательно проверили, — Борн повторил его жест, прислушиваясь к получившемуся звуку. Затем приложил руку к стене, пытаясь что-то почувствовать. Этот участок стены ничем от остальных не отличался, ни пустот, ни тайных рычагов. Обычайший ничем не примечательный камень, обшитый светлым деревом.

— Придется ломать, — заметил граф.

— Если тайник магический это не поможет, — возразил Борн. О том, что он вообще сильно сомневается в существовании тайника, а просто нарушенное вмешательством Барса заклинание дало сбой, телохранитель решил умолчать. — И не смотрите на меня так, я не маг.

— Мага нам сейчас приглашать не с руки, — возразил герцог. — Так что придется все-таки тебе.

Со стеной пришлось изрядно повозиться, даже притом, что постоянно ругающийся Борн, повторяя, что он не маг, что-то с ней все-таки делал. Он действительно не был магом, но он служил богине, и та давала ему достаточно силы. Тем не менее, крепкий камень, скрепленный отличным раствором, взломать удалось далеко не сразу, она упорно сопротивлялась любому воздействию. А когда все же взломали, едва не испытали

сильнейшее разочарование, потому что никакого тайника в оседающей пыли в первый момент не обнаружили. Только когда пыль осела окончательно, удалось даже не разглядеть, а нащупать тщательно замаскированную нишу. Из нее и вынули небольшой тряпичный сверток, в котором обнаружился всего лишь браслет. Широкий, из неизвестного белого металла без особых украшений, посередине большой квадрат гладко отполированного опала. Браслет выглядел не как украшение, а скорей как вещь вполне функциональная, даже камень. Но браслет казался совершенно мертвым, если в нем и была какая-то магия, распознать ее они не сумели.

— И что же это? — озвучил де Энакер одолевающий всех вопрос.

— Видимо какой-то артефакт древних, — отозвался Борн. — Многие из них в наше время уже не работают. Впрочем, можно попробовать узнать подробнее. — Добавил он с некоторым сомнением.

Маркус рассеяно кивнул, мысли его занимало совсем другое. Ситуация не прояснилась, непонятная вещь из-за которой происходят непонятные события. Опять тупик? Или еще нет, ведь были же у него предположения относительно личности Темного Лорда. Всего лишь смутные и ничем не обоснованные подозрения.

— Думаю, тот, кто разыскивает эту вещицу, еще не знает, что она не работает.

— Или знает, как заставить ее работать.

— Неважно, — отмахнулся герцог. — Важно, что противника можно ловить на живца. — И, не дав никому возразить, быстро надел браслет на руку.

Борн хотел было что-то сказать, но лишь неодобрительно качнул головой. Вместо этого он поинтересовался, кого же они будут ловить.

— Думаю, не только у меня возникли подозрения по этому поводу? Просто хочу сравнить выводы.

— Граф де Тальсар, — кивнул Борн, — слишком предсказуемо, тебе не кажется?

— Более чем, да он и не слишком скрывается, именно потому я довольно долго сомневался. К тому же его сыновья ничего не знают, Яльмир, по крайней мере, свято уверен, что они искали лекарство для матери. Кстати неплохо бы иметь какой-то надежный метод опознания Темного Лорда. Иначе даже если это действительно Тальсар, мы не сможем его прижать.

— Я попробую, — вздохнул телохранитель, понимая, что это опять намек на его связь с богиней. Барс чем дальше, тем больше использовал это преимущество в свою пользу, и у Борна не было никаких оснований ему в этом отказать. — Информацию будем сливать через Яльмира?

Граф, молча слушавший их разговор, лишь печально вздохнул.

— Не могу поверить, что Эстебан¹ действительно способен на это. Он, конечно, человек тяжелый, но был таким всегда, это ведь еще ничего не значит.

— Вот и проверим, — отрезал Маркус.

Проклятие.

С ловлей на живца вопреки ожиданиям дело не заладилось. Яльмиру ненавязчиво продемонстрировали находку, и как бы случайно намекнули, что это и есть тот самый артефакт, на поиски которого было потрачено много сил. Но парень не спешил возвращаться домой, дабы донести сию новость до своего родителя. Возможно, просто не понял или не заметил намека. Но говорить прямо, что от него требуется равносильно тому, чтобы прийти к старшему Тальсару и прямо спросить, не он ли тот самый Темный Лорд, за которым они так усиленно охотятся.

Герцог уже начал раздумывать над тем, чтобы использовать другие способы донести

¹ Эстебан — имя графа де Тальсара.

нужную информацию до Тальсара. Ведь они с Борном давно подозревали предателя среди своих, но вычислить его так и не смогли.

Ко всему прочему Маркус обнаружил, что Яльмир оказывает Астор знаки внимания, и девушка, что совсем уж удивительно, на них отвечает вполне благосклонно хоть и не совсем осознано. Все конечно было исключительно в рамках приличий, репутации помолвленной девушки и жениха повредить не должно было. К тому же следовало помнить о привороте, который будет действовать на всех троих, включая Маркуса, еще достаточно длительное время. Он помнил и радовался, что совершенно не способен на ревность, которую и без того с лихвой компенсировали собственнические чувства. Герцог чувствовал себя коллекционером, у которого самым наглым образом отобрали вещицу, на которую он еще не успел налюбоваться. Прямо скажем, не самое лучшее чувство по отношению к живому человеку.

Маркус злился на себя за подобные неуместные глупости и старательно держался подальше от этой парочки. И заодно ломал голову над тем, как выставить Яльмира из замка под благовидным предлогом. Ладно уж, пусть потом возвращается и продолжает ухаживать за Астор, с этим герцог был смириться из соображений того, что для девушки так будет лучше. Но пусть уж этот великовозрастный болван, наконец, сделает то, что от него требуется!

В конечном итоге выставить Яльмира из замка хоть ненадолго не удалось, но наблюдавшие за ним люди доложили, что он ездил в город и оттуда отправил гонца в поместье Тальсаров.

Маркус даже вздохнул с некоторым облегчением, дело кажется, все-таки сдвинулось с мертвой точки. В последнее время он все чаще ловил себя на мысли, что эта затянувшаяся история становится все более утомительной. Хотелось уже поскорей решить все проблемы и, как бы хорошо он не относился к Астор и графу, исчезнуть куда-нибудь лет как минимум на двадцать.

Борн по своим каналам, а скорее через богиню, но почему-то категорически отказывался в этом признаваться, разузнал кое-что о найденном артефакте, что впрочем, ясности ситуации не добавило. Артефакт действительно остался от древних, являлся технологическим (Маркус попытался осознать значение этого термина применительно к артефакту) и работать в принципе не мог. Ну разве что в руках богов, способных менять физические законы мира в свою пользу. И предназначался этот браслет для дистанционного управления межмировыми порталами.

— Какими порталами? — переспросил герцог слегка ошарашено.

— Межмировыми, — терпеливо повторил Борн. — Теми, что ведут в другие миры.

— А такие бывают? Так, — Маркус взъерошил ладонью волосы, пытаясь переварить новость. — И зачем Темному Лорду, читай Холосу, портал в другие миры.

Борн на это лишь неопределенно пожал плечами.

— А богиня твоя на этот счет ничего не сказала?

Телохранитель недовольно поморщился, а Маркус мысленно усмехнулся. Неужели Борн всерьез думает, что кто-то еще верит в таинственных информаторов? Нет, они конечно же существу(т), и герцог даже знал, что он время от времени тайком отлучается в город для встречи с несколькими людьми, но сам Маркус был убежден, что Борн, по меньшей мере, жрец Светлейшей (возможно и весьма высоко ранга), именно через нее получает основную часть информации.

— Ну так что? — напомнил Барс.

— Мы на правильном пути, но, по мнению Светлейшей, следует обратить внимание на всю семью Тальсаров, и мы возможно обнаружим много такого, что упустили раньше.

— Неопределенно звучит. И это все?

Борн пожал плечами.

— Она несколько раз особо подчеркнула, что внимание надо обратить на **всю** семью Тальсаров. Что бы это не значило.

Всю? Интересно... Маркус задумался, тасуя в уме семейство Тальсаров, словно колоду карт. Яльмир уже практически вне подозрений, вряд ли можно настолько хорошо притворяться, к тому же с некоторых пор герцог стал весьма остро чувствовать находящихся рядом людей, порой начинало казаться, что он угадывает их мысли, вероятно, это и было проявление подарка Странника с обещанной им телепатией. В любом случае Яльмир вел себя вполне естественно не только внешне, но и внутренне. Двоих его братьев герцог видел только раз, но старший заведомо вне подозрений по причине полного отсутствия магических способностей, крохи которых хотя бы теплились в том же Яльмире. Оставался еще младший, полноценный маг, к тому же, как Маркус подозревал, еще и некромант. Насколько бросающиеся в глаза факты, что даже не смешно, словно кто-то специально подсовывает под нос занятого исключительно своим исследованиями мальчишку, вот он, мол, страшный злодей, получите. Нет, интуиция против такого очевидного вывода активно протестовала.

Собственно из-за магических способностей Брана герцог и заподозрил его отца. Способности могут быть и латентным, но, что очевидно, они редко берутся ниоткуда, чаще все же передаются по наследству от одного или обоих родителей. Обоих?... Да нет, чушь полная! Маркус тряхнул головой, отгоняя глупые мысли, наверняка старший Тальсар не пробудившийся маг, именно от него младший сын получил магический дар. Так что кандидат в Темные Лорды по-прежнему один.

"Или все-таки? — Маркус нахмурился, ощутив некоторое сомнение в собственных выводах. — Да нет, глупости. К тому же Лорд мужчина. Кажется... гм, а с чего я это взял? Ладно, будем решать поставленные задачи по порядку."

В данный момент на первой месте была реакция де Тальсара на попытку спровоцировать его на ответные действия. Маркус ожидал чего угодно, начиная от очередного покушения — это в первую очередь, — и заканчивая сложной многоходовой интригой. Но чего определенно никто не ожидал, так это приглашения на бал в честь двадцатидвухлетия младшего сына. Которое пришлось принимать, поскольку вежливо отказаться не было ни единого достойного повода.

— У него и в самом деле день рождения? — уточнил Борн у графа. Они опять собрались втроем в кабинете, точнее на этот раз вчетвером, присутствовал еще и молчаливый Халай.

Де Энакер лишь неопределенно пожал плечами, прежде любое общение с дальними родственниками было крайне ограничено, потому многое об их семье он просто не знал.

Приглашение на троих, достойного повода отказаться, как уже говорилось, нет.

— Что ж, — решил Маркус, — пойдем в логово льва и подергаем его за хвост.

Яльмир, между тем, приглашению совсем не удивился, хотя о нем узнал уже от графа. Наоборот, эта новость его весьма воодушевила, Яльмир заливался соловьем, рассказывая Астор, в каких красивых местах расположено родовое гнездо Тальсаров, какое прекрасное у них поместье, ей обязательно там понравится. Маркус любовался на его лицо влюбленного идиота, и слегка растерянно, но в то же время заморожено слушающую девушку и поспешил убраться подальше. Поскольку руки чесались схватить Яльмира за шкирку и выбросить в окошко, а Астор опять запереть в ее покоях.

Собственная реакция раздражала, он сам себе напоминал придирчивого папашу, который не может смириться с крутящимися вокруг повзрослевшей дочки женихами. Видят боги, граф и тот теперь вел себя куда спокойней. На этих двоих голубков Маркус тоже сердился, за то, что они постоянно попадают ему на глаза словно специально, при этом Яльмир разливался соловьем, не замечая ничего вокруг, а Астор при виде Маркуса сначала радовалась, на несколько мгновений забывая даже о старающе(и)мся всеми силами привлечь ее внимание кавалере, а затем терялась, не в силах понять, к которому из двух мужчин ее тянет сильнее. При этом, как чувствовал герцог, она время от времени страдала острым чувством вины, считая, что предала свою любовь. Приворот, как и положено качественному зелью, имел длительный эффект. Для всех кроме герцога.

Несколько дней до поездки к Тальсарам Маркус старательно держался подальше от

Астор, отговаривался занятостью и всеми силами старался избежать разговора. Как бы он не злился, но прекрасно понимал, что девушке необходимо определиться в своих чувствах, и для нее же лучше, если в пользу Яльмира. Он, по крайней мере, не исчезнет однажды на века.

И вот, наконец, подошло время отправляться на бал, как сказал Маркус, в логово льва. Почему-то у него самого, как и Борна, было странное предчувствие, что там все и решится. Но слегка напрягали три неприятные вещи: во-первых, способа, как наверняка распознать Темного Лорда они не узнали, а значит придется, так или иначе, искать доказательства своих подозрений. Во-вторых, как бы того не хотелось, они не могли взять с собой большую охрану, это было бы неуважением к хозяину дома, намек, что тот не сможет защитить гостей в своих владениях. Тот факт, что по их представлениям хозяин дома и есть главный враг, в расчет не брался. И в-третьих, Маркус все еще прекрасно помнил, что на пути к Шеврозу кто-то постоянно наводил врага на их отряд, подозрения о наличии предателя так и остались подозрениями, поскольку по приезде в графство тот основательно затаился, не предпринимая никаких действий. Хотя возможно дело было в том, что о всех самых важных событиях знал лишь узкий круг посвященных в лице его самого, Борна и Халая. Даже третьего телохранителя они постарались максимально отстранить от дел, оставив ему лишь чисто номинальные функции. А графа зачастую старались информировать обо всем происходящем уже после того как очередное решение было принято. Тем не менее, предатель, по мнению герцога, все же существовал, и нельзя было предсказать в какой момент он попытается ударить в спину.

Герцог задумчиво покрутил на пальце массивный перстень с гербовой печатью, заново привыкая к нему. Посланный в горы агграми накануне вернулся с грамотами, подтверждающими титул, и этим самым перстнем с гербом древнего царского рода де Энхард. Маркус уже более полутора веков не вынимал этот перстень из тайника и успел изрядно отвыкнуть от его массивной тяжести на пальце. И от собственного герба. Осторожно коснувшись рельефа печати кончиками пальцев, он вдруг не к месту вспомнил приснившийся в ночь перед отъездом сон.

Конечно же, это была встреча со Странником. Но в первые мгновения ясного, словно бодрствование, сна Маркус не обратил на это внимания, потому что внезапно оказался в принадлежащих ему покоях родового замка. За тысячелетие эти покои не потускнели в его памяти, и он по-прежнему помнил каждую деталь, и забытую на невысоком столике у камина книгу, и любимое кресло. Волчью шкуру на полу, которую в пятнадцать лет самостоятельно добыл на охоте и, не умея правильно освежевать, слегка попортил. Вон дыра посредине. Именно с детских еще воспоминаний пошла его любовь к подобной обстановке, именно тут он чувствовал себя наиболее комфортно.

— Зачем? — спросил Маркус у сидящего в его кресле Странника.

— Это вопрос не ко мне, — ответил тот, не оборачиваясь. — Твоя память и твои желания влияют на пространство сна, я могу менять тут что-то весьма ограниченно. — Словно опровергая его слова кресло опустело, зато слева появилось такое же, словно зеркальная копия, но со Странником, который казалось, сидел там всегда.

Маркус занял пустующее кресло, в тот же момент, словно по волшебству, в камине загорелся огонь. На столике появился исходящий паром из носика керамический чайник с ароматным травяным отваром и две тонкостенные чашки. Совсем как во времена далекой юности, когда отец еще считал, что он слишком мал для вина. Герцог улыбнулся, потянувшись за чашкой. Странник последовал его примеру и несколько минут они молча пили великолепный ароматный отвар.

— Думаю, это последняя наша встреча, — наконец негромко заговорил Странник. — Я многое еще не успел тебе рассказать, но по здравым размышлениям понял, что этого и не нужно. Большая часть того, что я могу тебе рассказать, канула в небытие вместе с нашим уходом, а то, что даст новый росток, строить тебе с нуля. Остальное сам узнаешь в процессе.

— Почему именно мне?

— А вот это собственно главное, что ты должен знать, — Странник сделал последний глоток, затем поставил чашку на столик. Тонкий фарфор исчез с тихим звоном. — Ках-аа-лу пора было уйти, и мы ушли, да. Но прерывать существование целого народа Изначальных было бы неразумно. Однако не менее неразумно было бы просто оставить часть самых молодых, чтобы они вновь возродили ках-аа-лу как расу, ведь тогда исход был бы совершенно бессмысленным действием. Те, кто останется, должны нести в себе нашу кровь, но быть совершенно иными. И вот тогда каждый уходящий направил часть своей силы на создание особой Программы, — увидев непонимающий взгляд герцога, Странник улыбнулся, — пророчества, или проклятия, если тебе так будет понятней. Не предсказание будущего, но небывалой мощи вероятностное заклинание, влияющее на реальность. До некоторых пор Программа была не активна, запуск ее решено было сделать делом случая. В сотнях миров живут подобные тебе одиночки, но даже если кто-то из вас, *последних*, найдет путь друг к другу, существовать в одном мире вы не сможете. И десяток Странников, заточив себя в каменные темницы, отправились в такие миры, выбранные случайным образом, ожидая, что кто-нибудь из вас однажды вскроет темницу. Мне кажется символичным, что тот, кто запустил Программу и стал ее сосредоточием, является моим потомком.

— И в чем заключается основная цель этой... Программы... эм... пророчества? — осторожно уточнил Барс, уже с некоторым холодком догадываясь, что ему ответят.

— В возрождении ках-аа-лу естественно, совсем иной, чем были мы, но являющейся нашими потомками.

— Каким образом?

— Естественным, внучек, — Изначальный не удержался от ехидной улыбки, — самым что ни есть естественным.

— Издеваешься?! — Маркус поперхнулся, в красках представив, как он будет всю свою оставшуюся до-о-олгую жизнь возрождать "естественным" способом целую расу. — Я тебе что, кролик?! К тому же все мои дети рождаются людьми.

— От человеческих женщин, естественно они будут людьми. Ках-аа-лу это не столько гены, — Странник хмыкнул и повторил более понятно: — это не столько кровь, сколько особый энергетический рисунок, который вплетается в физическую составляющую младенца в утробе матери. У человеческих женщин просто не хватает силы наполнить этот рисунок.

Но можешь больше не беспокоиться, в скором времени у тебя будет появляться вполне полноценное потомство, совершенно независимо от твоего желания, сумей только найти и правильно инициировать. К сожалению, в отличие от женщин нашего народа, мужчины могут производить на свет только полукровок, энергетический рисунок которых необходимо достраивать извне, иначе они никогда не станут ках-аа-лу, поскольку ках-аа-лу невозможно быть наполовину.

— Да это скорее проклятье какое-то!

— Можешь считать, что предки наградили тебя проклятием напоследок, но советую тебе научиться им пользоваться. В конце концов, для выполнения главной цели Программа должна помочь тебе стать сильнее и набраться мудрости. Да, в каком-то смысле это нарушение свободы выбора, но в то же время ты теперь настолько непредсказуем в плане вероятностей, что над тобой и твоими потомками никакая судьба не властна. Как бы не менялась вероятность для достижения поставленной цели, но любой твой шаг это в конечном итоге только *твой* выбор.

— По-моему ты противоречишь сам себе, — возразил герцог не слишком уверенно, — либо это проклятие всеми способами подталкивает меня к выбранной цели, либо я таки делаю свой выбор.

— Потом поймешь, — улыбнулся Странник. — Хочу лишь заметить, что подталкивать и делать окончательный выбор это разные вещи. Что ж, пора прощаться. Два совета напоследок. Не пренебрегай своими новыми способностями, ты еще не полноценный телепат, но и того, что есть, может хватить для решения некоторых твоих проблем,

подсказку, по крайней мере, получить можно. И... возьми с собой в поездку копьё. Прощай.

И странник вместе со вторым креслом медленно растворился, словно никогда не существовавшее ведение. Маркус еще немного посидел в кресле, пытаясь осмыслить полученную информацию, пока иллюзорная комната тоже не начала таять и он не провалился в обычный, без сновидений, сон.

Бал

Хоть Шевроз и Тальсар соседи, причем близкие, соприкасающиеся границами, но чтобы добраться до соседей, потребовалось три дня. Все же оба графства были достаточно обширны. Астор бездумно радовалась поездке, подбивала Яльмира сбежать от охраны, герцог, в отличие от влюбленного парня, на это не подбивался и вообще бессовестно отмахивался от попыток его растормошить, пускай ее Яльмир развлекает, тем более, что он смотрит на предмет своей страсти щенячьими глазами. Мысли Маркуса были настолько заняты тем, что он узнал от Странника, что не осталось даже привычного раздражения на эту парочку. Уже который день он тщательно прокручивал в голове все услышанное во сне, обдумывая каждое слово, каждый жест. Образовалось множество вопросов, на которые не получалось найти ответа, и спросить у Странника тоже не было возможности. Как Маркус не пытался вновь встретиться с ним во сне, тот не отзывался. Увы, очевидно, тот разговор и впрямь был последним. Герцогу моментами начинало казаться, что все рассказанное Странником было не более чем последней шуткой, потому что никаких перемен в себе и окружающем мире он не обнаружил, да и бред ведь полный! Как можно в одиночку возродить целую расу? Да подобное просто природой не предусмотрено! Но он тем не менее понимал, что никакая это не шутка и не стоит обманывать себя опасными иллюзиями. Со всем этим придется как-то жить и учиться использовать.

Так все три дня пути он и провел в размышлениях, вероятно, гораздо разумней было бы подумать о том, как он будет действовать по приезду в Тальсар, но тут Маркус решил положиться на импровизацию, он просто не брался предсказать, как поведет себя де Тальсар.

А графство Тальсар действительно было красиво, множество великолепных садов и виноградников, а так же зеленые пастбища по которым, красуясь, скажут великолепные кони. Здесь умели производить хорошее вино и выращивать породистых лошадей.

Граф вышел встречать их лично, как самых дорогих гостей, не на крыльцо даже, а у ворот усадьбы. Однако герцога подобная любезность ничуть не обманула, стоило только заглянуть в глаза де Тальсара, которых ни на миг не коснулась играющая на губах радушная улыбка. Граф очень хорошо умел притворяться, но с трудом мог прятать свой жесткий и властный нрав. Впрочем, кроме Маркуса, похоже этого больше никто не заметил.

— Я рад, что вы приняли приглашение. Понимаю что сейчас не самое легкое время, но в моем доме вы в полной безопасности, — любезно сообщил де Тальсар, оглядев вооруженных до зубов телохранителей, особенно его взгляд задержался на Маркусе, у которого из-за плеча торчала потертая рукоять двуручника, а к седлу приторочено копьё. — В этом нет необходимости, герцог, смею надеяться, хотя бы на бал вы придете без оружия?

Маркус равнодушно сообщил, что вполне способен в случае нужды обойтись и без оружия. Естественно, он предпочел бы с ним не расставаться, о чем, впрочем, графу сообщать не спешил, но заранее был готов, что это придется сделать. Вот когда пожалеешь о собственном пренебрежении ко всяческим не в меру разукрашенным парадным клинкам, какое-никакое, а все же оружие, допустимое даже на празднике.

В разговоре с графом Маркус словно бы невзначай поддернул рукав, мельком демонстрируя браслет. Тальсар не выдал себя даже взглядом, и герцог едва не усомнился в том, что действительно ощутил исходящие от него яростное предвкушение. Странник советовал доверять своим новым способностям, да и сам Маркус излишней мнительностью никогда не страдал, только потому и поверил собственным ощущениям. Маркус решил рискнуть и спровоцировать графа, была вероятность, что тот допустит ошибку в спешке. Он

посмотрел в глаза Тальсару, взглядом уверенно давая понять, что он все знает, а вот что именно, тот додумает сам.

Проведя гостей в дом и перепоручив слугам, граф поспешил откланяться, объяснив, что ради праздника забрал супругу из храма Милосердной, чтобы сыновья могли повидаться с матерью, но той требуется присмотр и его постоянное присутствие.

Что-то царапнуло в сознании, Маркус с неприятным холодком ощутил, что упускает какой-то важный факт, и вот сейчас ему на этот самый факт чуть ли не пальцем показали, а он не понял. Может быть, дело в том, что Тальсар упомянул храм Милосердной? Он попытался вспомнить, что знает об этой богине. В принципе все то же, что и любой человек, хоть раз обращающийся за помощью к ее жрецам. Богиня наделяет своих служителей способностью излечивать многие недуги, как телесные, так и духовные. А при многих храмах Милосердной существуют госпитали для душевнобольных, в основном туда отправляют неизлечимых или опасных для окружающих. Ведь только жрецы Милосердной обладают уникальным даром без всякого вреда умирять безумных магов любой силы.

Маркусу показалось, что он, наконец, ухватил за хвост упорно ускользающую мысль, но именно в этот момент по закону подлости его и отвлекли.

— Маркус, Яльмир предлагает показать мне дом и окрестности, ты с нами? Ну, или хотя б меня отпусти, можно? — Астор просительно заглянула в глаза, отца она о подобных вещах уже давно не спрашивала, зная, что решает не он.

Первой мыслью было отказаться, но заметив, что на лице Яльмира крупными буквами написано аналогичное желание, Барс назло тому согласился. Лицо парня уныло вытянулось, зато Астор просто сияла, она похоже так и не успела осознать, что пора бы уже сделать окончательный выбор.

— Я не могу оставить свою невесту наедине с другим мужчиной, — не скрывая ехидства, сообщил Маркус, вообще-то к парню он относился вполне нормально, но отказать себе в удовольствии сделать маленькую гадость не мог. К тому же присутствовала и практическая сторона вопроса, до начала праздника оставалось еще больше пол дня, за это время не помешает немного изучить местность.

Прогулка получилась даже приятной, день выдался солнечным. А рядом с поместьем располагались отличнейший сливовый сад и виноградник, плоды в обоих уже созрели и на вкус были просто восхитительны. Маркус какое-то время даже прибывал в благодушном настроении, вынимая губами из пальчиков Астор крупные продолговатые виноградины с розовыми румяными бочками на зеленой кожице. Особенно в этот момент радовало лицо Яльмира, подобной чести удостоившегося во вторую очередь.

Но день пролетел незаметно, близилось время бала, и они вынуждены были вернуться в поместье, чтобы подготовиться. Когда спустя полтора часа герцог постучал в дверь выделенных Астор покоев, она вышла ему навстречу просто ослепительно красивой.

— Великолепно выглядишь, — не удержался он.

— Кажется, ты впервые это заметил, — девушка польщено улыбнулась.

— Ну что ты, — Маркус улыбнулся в ответ, — Я видел это всегда. Идем? Не будем заставлять себя ждать.

Хозяева постарались, уже войдя в большой, украшенный для праздника зал, гости могли понять, что отмечать день рождения младшего Тальсара собираются с размахом. Зал блистал светом тысяч зачарованных свечей вместо традиционных магических светильников. Множество колышущихся языков пламени создавали невероятную картину, в центре зала было светло как днем, сотни огоньков почти слепили глаза, зато в дальних углах образовались затемненные лакуны. А еще зал был обильно украшен качественными иллюзиями, создающими картину волшебного леса. Меж свечей, пролетая прямо сквозь язычки пламени, сновали разноцветные маленькие феи. Они тоже были иллюзией, но казались живыми и настоящими. Гости среди этого сказочного леса сами выглядели существами не вполне реальными и сказочными, блистая нарядами и отблесками пламени на драгоценностях.

— Боги, красота, какая! — выдохнула Астор восхищенно.

Маркус был вынужден с ней молча согласиться, но почувствовал взгляд в спину почти сразу, как они вошли, вынужден был отвлечься. Против ожидания, а ожидал он, конечно, что столкнуться взглядом с де Тальсаром, в спину ему смотрел Яльмир, и выглядел он при этом словно обреченный на казнь. Герцог украдкой вздохнул и посмотрел на восторженно созерцающую кружащиеся в танце пары Астор. На парня он больше не злился, бедолаге, так неудачно нарвавшемуся на приворотное зелье, впору было посочувствовать.

На самом деле гостей в зале было пока что еще мало, они постепенно прибывали, и в назначенное время бал начался с поздравлений имениннику. Молодому магу дарили подарки, желали здоровья, долгих лет и всего, что обычно положено желать в таких случаях. И только потом виновник торжества объявил о начале бала.

— Пойдем танцевать? — предложила Астор, видя, что герцог не спешит увлечь ее центр зала, где под зажигательную музыку кружатся пары.

— Я не танцевал уже больше двух веков, — с улыбкой качнул головой Маркус. — Да и никогда этого особенно не любил, боюсь, это будет выглядеть весьма неуклюже.

— Но я хочу танцевать! — девушка выглядела разочарованной, ведь она так надеялась танцевать с ним весь этот великолепный вечер. Это было бы очень романтично, а потом... потом может быть Маркус все же понял бы, как она его любит.

Не смотря на то, что Астор в последнее время научилась почти идеально закрываться от него, в этот раз Барс смог уловить отголоски ее мыслей. Он четко понял, что вот сейчас пора, наконец, раз и навсегда решить этот вопрос. На краткий миг что-то дрогнуло внутри при взгляде на девушку, все же она была ему по-своему дорога, но герцог слишком ясно осознал, что свобода во много крат дороже. К сожалению, или же к счастью. Пора бы уже наконец признаться себе, что эта девушка для него все равно, что младшая сестренка, а вон там в двух шагах стоит влюбленный идиот, который как раз и может дать ей то, что она так хочет. И для профилактики ему стоило бы как следует начистить физиономию, потом, а пока...

— Думаю, Яльмир не откажется подарить тебе танец и не один, в конце концов, как сын хозяина дома он просто не имеет права допустить, чтобы гостья заскучала.

Яльмир услышал, воспрянув духом, тут же пригласил Астор на танец. Девушка нерешительно протянула ему руку и, уходя за кавалером, обернулась, долго смотря на Барса тоскливым взглядом.

"Ну вот все и решилось, — с накатившим облегчением подумал Маркус. — Осталось расплатиться с последним долгом, и если Темный Лорд меня в процессе не убьет, можно будет исчезнуть отсюда надолго. На другой континент, на острова или в эльфийские леса. И побыстрей".

Герцог, затерявшись в одном из тонуших в густой тени углов, неторопливо пил вино, сделанное из так понравившегося ему винограда, и наблюдал за праздником. За кружащимися в танце парами, за маленькими стайками молодежи, оглашающими зал звонким задорным смехом. За степенными дамами, самозабвенно сплетничающими в тесном кружке, и двумя расфранченными кавалерами, прямо сейчас готовыми устроить дуэль из-за юной и весьма хорошенькой баронессы. Иной раз за гостями на подобных праздниках очень интересно наблюдать. Маркус чуть улыбнулся, цепким взглядом провожая Яльмира с Астор, нашел глазами графа, о чем-то беседующего с Тальсаром, и больше от них взгляда не отрывал. За Астор прекрасно присмотрит и Борн, незаметной тенью скользящий по залу.

Тальсар почувствовал взгляд, но обернулся лишь на миг. Маркус отсалютовал ему бокалом, намеренно позволяя сверкнуть на металле браслета бликам от пламени множества свеч. Граф спокойно отвернулся.

Удивительно, но Астор один раз все же удалось уговорить его на танец, да было бы и неприлично ни разу не потанцевать с собственной невестой. Но после этого Маркус сразу же вернулся в свое укрытие, где его и нашел Ортон.

Близилась полночь.

— Барс, поговорить надо, — сказал Ортон.

— Говори, — герцог с интересом оглядел заметно волнующегося телохранителя. С тех пор, как приехали в Шевроз, они практически не общались. Ортон хороший парень, но Маркус ему не слишком доверял.

— Не здесь, — Ортон запнулся. — В общем, я кое-что рассказать тебе хотел... и показать. Это важно!

— И что такого важного ты тут нашел? — спросил Барс с сомнением.

— Не хочу об этом здесь говорить, сам увидишь! — телохранитель постарался говорить как можно загадочней, мол, тайна, но очень важная.

У Маркуса создалось стойкое впечатление, что Ортон ищет повод вывести его из зала, но фантазия не вовремя отказала, и повод получился крайне неубедительным. Он поднял бровь, скептически посмотрев на парня, словно бы предлагая поднапрячься и все-таки объяснить словами. Телохранитель выглядел почти отчаянным когда, подойдя вплотную, сказал свистящим шепотом:

— Я нашел доказательство, что Темный Лорд в этом доме! Так все-таки идешь?

Маркус машинально пробежавшись взглядом по залу, нашел де Тальсара, посмотрел внимательно... и согласился.

Телохранитель повел его куда-то в сад, стараясь свернуть на неосвещенные аллеи. Это настолько походило на демонстративно и бездарно устроенную ловушку, что герцог заподозрил: его ловят на любопытство. Неужели Ортон и есть так и не раскрытый предатель, граф решил сыграть с козырей?

Маркус заметил скользнувшую за деревьями беззвучную знакомую тень и почувствовал себя гораздо уверенней. Халай, как и было оговорено заранее, не выпускал его из виду.

Сад пришлось пройти почти насквозь, вскоре уже не слышны были звуки музыки и смех гостей, доносящиеся от дома. Ортон привел его в тихую, немного заброшенную беседку, обросшую диким виноградом. Герцог окинул быстрым взглядом пустое помещение и повернулся к остановившемуся у входа провожатому.

— Ну и где же твои доказательства, если они, конечно, вообще существовали в природе?

— У меня не было выбора, — словно не услышав вопроса, глухо сказал парень, в светящиеся глаза Барса он старался не смотреть. — Я надеялся, ты поймешь, что это ловушка и не пойдешь.

— А я уж подумал, отчего это граф начал действовать так топорно? — качнул головой Маркус. — Мне вот только интересно, зачем это тебе, ты ведь не один из них?

— У меня не было выбора, — повторил Ортон уперто, и вдруг кинулся на него с узким кинжалом в руках. Таким трудно убить, но зато легко отравить нанесенным на лезвие ядом.

Барс ожидал чего-то подобного, потому легко отступил в сторону, ставя парню подножку и легким ударом в спину добавляя ускорение. Ортон не удержав равновесия, упал с коротким вскриком. И больше не поднялся. Маркус нахмурившись, присел над неподвижным телохранителем, перевернул и раздраженно ругнулся. Убивать Ортона он не собирался, не раньше, чем удастся как следует расспросить. Такой нелепой случайности он не ожидал. Кинжал у парня был из тех, что прячут в рукаве, без гарды, и почти без упора, чтобы не цеплялся ни за что, когда надо быстро вынуть. Такие кинжалы и не предназначены для пробивающих ударов, лишь для того, чтобы царапать, позволяя яду проникнуть в кровь. При падении лезвие скользнуло в ладонь, пропоров кожу. Яд оказался мгновенным.

— Что ж, я и не ожидал, что он справится, — фраза была сказана светским тоном.

Маркус уже успел почувствовать приближение посторонних, потому лишь спокойно обернулся. Де Тальсар пришел под ручку с супругой, миниатюрная, очень изящная блондинка неопределенного возраста из тех, кому почти до самой старости чуть-чуть за тридцать. Взгляд у женщины был пуст и бессмыслен, как у человека, смотрящего не на окружающий мир, а лишь внутрь себя.

Ваш шпион погиб совершенно бессмысленно, — лишь для того, чтобы поддержать разговор, заметил Маркус. Он пытался понять, как действовать дальше, что предпримет граф, зачем привел с собой безумную супругу?

— Какая жалость, — равнодушно отозвался де Тальсар. — Впрочем, особой пользы от него никогда не было. Шпион бесполезный, убийца и того хуже. — И вдруг, без перехода, сменив тон на властный приказ: — Отдайте артефакт, герцог.

Маркус медленно поднялся, незаметно пряча вынутый из мертвой руки кинжал в рукав.

— Зачем вам эта бесполезная безделушка, граф? — спроси он, смещаясь чуть ближе к стоящей у входа паре. — Он не работает, вы не откроете им портал в другие миры.

— Ах, вы уже даже выяснили, для чего он предназначен? — граф фальшиво улыбнулся. — Не волнуйтесь, этот артефакт не предназначен для работы в нашем мире. Отдайте браслет, герцог, и уезжайте прямо сейчас. Так уж и быть, я позволю вам уехать. Энакеры обречены, мне нужен Шевроз и мне нужен портал, расположенный на его территории.

Маркус чувствовал, что Тальсар лжет, уйти ему не дадут. Но граф зачем-то тянет время разговорами, как и он сам. Зачем, чего он ждет?

— Зачем Холосу другие миры?

— О нет, не Холосу, мне, — Тальсар опять улыбнулся, в этот раз не фальшиво, но улыбка его теперь напоминала волчий оскал. — Вы знаете, герцог, что наши боги привязаны к этому миру, они не способны контролировать своих аватар в другом, зато подаренная сила остается с ними. Можете считать это платой за верную службу... — он не успел закончить, графиня вдруг заторможено моргнула и посмотрела супруга более осмысленным взглядом.

— Эстебан?

Самое время воспользоваться тем, что граф отвлекся. Маркус нащупал кинжал в рукаве... и с неприятным холодком понял, что неспособен пошевелить даже мизинцем! Тело внезапно перестало его слушаться.

— Больше никаких откровений герцог, — бросил Тальсар, шагнув к нему, легко снял браслет с руки, надевая на свою. А затем из потайных ножен вынул длинный стилет.

Как всегда в минуты опасности реакция ускорила во много раз, какой же уважающий себя боец обходится хотя бы без минимального ускорения? Но сейчас это мало чем могло ему помочь, как и иммунитет против магии, который действует только в зверином облики. Граф действовал быстро, но для Барса это выглядело так, словно он не торопясь, заносит стилет, целя в сердце. Несколько коротких мгновений растянулись почти в пол минуты, неслыханная щедрость. Маркус всеми силами пытался заставить непослушное тело двигаться, хоть бы на несколько сантиметров, вместо того, чтобы беспомощно наблюдать, как издевательски медленно движется к его сердцу стилет Тальсара.

И где, Бездна их побереи, Борн или Халай, когда они так нужны?! Умирать вот прямо сейчас было просто до отвращения обидно.

Он все-таки смог, в последнее мгновение, когда исчерпало свой лимит ускорение и врем(я) стремительно побежало вскачь, когда с силой ударил в грудь острый клинок стилета, протыкая кожу. Он смог, дернулся совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы угол, под которым в его тело входил клинок, изменился на самую малость, и лезвие прошло едва ли не на пол пальца мимо сердца.

А граф не понял, отступил на два шага и отпустил, полностью уверенный, что противник уже мертв. О боги, до чего же глупая ошибка! Маркус успел вынуть из рукава нож, ведь пальцы так и были судорожно сжаты на нем, но больше он ничего не успел, снесенный чудовищным ударом на стену беседки и проламывая тонкие прутья своим телом. Тальсар, совершивший почему-то вторую глупейшую ошибку подряд, схватил за руку безучастно стоящую рядом жену.

А кинжал был отлично сбалансирован и метнуть его можно даже так, падая спиной назад и почти вслепую. Прежде чем рухнуть на землю вместе с обломками беседки, Маркус все же успел увидеть, как оседает на землю граф, из шеи которого торчит с виду безобидный

отравленный кинжал. Все оказалось до банального просто.

Не укладывалось в голове, почему Тальсар вместо того, чтобы вновь обездвижить и добить, ударил магией как перепуганный мальчишка?

Маркус с легким стоном, шарахнуло его все-таки знатно, поднялся и аккуратно вынул из раны стилет. Благодарение богам, лезвие было узким как шило, и рана получилось хоть и глубокой, но не смертельной. Он поморщился, наблюдая, как по рубашке расплзлось красное пятно.

А к разрушенной беседке уже бежали Борн и Халай. А так же де Энакер, Астор и Яльмир.

Заговорили все и разом.

— Где вас бесы носили так долго?! — Маркус.

— Ты ранен?! — Астор.

— Не могли найти это место, отвлекающие чары. Ты его все-таки?... — Борн.

— Что здесь произошло?! — граф и Яльмир с одинаковыми интонациями.

Все замолчали разом, а Маркус с пугающей ясностью понял, что Тальсар вовсе не совершал никаких ошибок, потому что так импульсивно и непродуманно, могла действовать только женщина. Графиня. Безумная графиня безучастно сидящая подле мертвого тела мужа поднялась на ноги и от нечеловеческого крика вырвавшегося из ее горла, казалось, исказилось само пространство. Полный безумия и ярости звук заставлял дрожать воздух, ломал декоративные растения и заставлял отрываться от земли обломки беседки.

Этот дикий вой ввинчивался в мозг, пригибал к земле, заставляя с болезненным криком зажимать ладонями уши. Все кроме Маркуса и Борна уже катались по земле, сходя с ума от разрывающего барабанные перепонки звука. Герцог не знал, на чем держится жрец богини, но сам он спешно менял обличье. Дикий визг во много раз болезненней ударил по чувствительным звериным ушам, но зато почти прекратилось болезненное воздействие неконтролируемой магии.

Но как же сложно оказалось преодолеть несколько метров до беснующийся фурии! Сам воздух, казалось, мешал двигаться, ставал непреодолимой стеной, отталкивал, бил невидимым кулаком. На очередном прыжке Барсу казалось почудилось — не допрыгнет, ураганный ветер подхватит распластавшееся в прыжке тело и утащит, оббивая им все попавшиеся на пути деревья. Он допрыгнул, уже потеряв счет потраченным на борьбу минутам, стараясь не думать о том, выживут ли люди, попавшие под атаку неконтролируемой магии. И обрушился на графиню, ощутив лишь мгновение колебаний (женщина, лишь слабая женщина!) смыкая клыки на тонком горле. Или показалось, что сомкнул? Чудовищный удар вбил его в землю так, что затрещали кости, а графиня ни на миг не прекращала свой смертоносный вой.

Маркус с трудом поднялся и снова прыгнул, краем сознания ощущая, как медленно затухает искорка жизни Астор. От очередного удара не спас даже иммунитет к магии, лишь не позволил стать этому удару последним. Он упрямо поднимался вновь и вновь, атаковал раз за разом, иногда дотягиваясь, чаще не успевая до того, как очередной удар вбивал его в землю. Нет, он не промахнулся ни разу, рвал клыками и когтями обманчиво хрупкое тело, но на нем не появилось ни одной царапины.

Подняться в очередной раз оказалось непосильной задачей, лапы подгибались, а во рту чувствовался вкус не чужой, своей крови. В душу закрался мерзкий холодок отчаяния, Маркус понимал, что НИЧЕГО не может сделать. Все его попытки не причиняли никакого вреда противнику. Сил что-то делать почти не осталось.

И тут он увидел упрямо ползущего по земле Борна до побелевших пальцев стиснувшего в одной руке его копье. То самое, декоративное и не предназначенное для боя, восстановленное магией Странника.

Хотелось крикнуть: бросай! Кричать не получалось, Барс опять попытался подняться, за что тут же поплатился, очередной удар сбил его с лап и протащил по земле. В сторону Борна.

Сколько мгновений надо на то, чтобы собрать последние силы для обращения, выхватить из намертво стиснутых пальцев копьё и вложить все, что только осталось, все отчаяние, ненависть и надежду в один единственный бросок? Маркусу показалось, что все это сделал на едином вдохе. И до последнего мига не верил, что получилось.

Взрыв был такой, что вздрогнула земля, огромная сила разрушения, заложенная в артефактное копьё, встретила с чудовищной силой Темной Леди. В кои то веке он остался в сознании, наблюдая как во внезапно наступившей ватной тишине над головой пролетают кровавые ошметки вперемешку с комьями грязи и мелко иссеченной зеленью.

Все, вот теперь точно все, подумал Маркус, устало прикрывая глаза.

Эпилог

— Все-таки уезжаешь? — спросила Астор печально. Черное с белым траурное платье, казалось, делало ее еще печальней. Превращая в хрупкую и очень грустную фею.

— Уезжаю, — кивнул Маркус, положив ладонь на седло Шторма.

— Но почему?

— Я обещал, — напомнил Маркус. Оба понимали, что он лжет. Да, обещал, да, такие обещания принято выполнять, но он вполне мог бы остаться на год-другой. Только зачем, чтобы заставлять девушку страдать от неразделенной любви и выбором между двух мужчин, которые ей одинаково нравятся? Или сожалением о неправильно сделанном выборе? А сам он будет чувствовать себя, как запертый в клетке зверь.

Оно того не стоит, Маркус был уверен, что Яльмир скоро встанет на ноги и сможет вести полноценную жизнь. И наверняка тут же женится на Астор. Хотелось верить, что эти двое не возненавидят друг друга, когда действие приворотного зелья истечет.

Встреча с Темной Леди ни для кого не прошла даром. Де Энакер ее просто не пережил. У Халая случилось кровоизлияние, и он ослеп на один глаз, к тому же мучился сильнейшими головными болями, точно так же, как Астор и Борн. Последнего от негативных воздействий не смогла защитить даже его богиня. Яльмира парализовало до пояса, но на данный момент он уже начинал потихоньку шевелить пальцами на ногах, и это внушало оптимизм, ведь целители не давали никакой гарантии, что он когда-нибудь сможет ходить. Астор очень много времени проводила с ним, Яльмир гораздо больше Маркуса нуждался в поддержке и это, пожалуй, было даже хорошо.

Сам Барс почти месяц провел в лежачем положении, под присмотром опытных целителей сращивая множество переломов, пробитые в нескольких местах легкие и отбитые почки. Не считая прочих незначительных мелочей. Он и сейчас еще чувствовал себя не слишком здоровым, но никаких душевных сил оставаться на месте уже не было.

Разобраться, почему все случилось именно так как случилось, не удалось. Все, кто хоть что-то знал, погибли, так что оставались лишь собственные домыслы и незначительные подробности. Ортона шантажировали похищенной сестрой, которую на самом деле давно убили, потому он вынужден был работать на де Тальсара, хотя и всеми силами старался не узнавать ничего лишнего.

Граф не обладал даже зачатками магии, зато необученной магичкой была его жена, неизвестно сошла она с ума до того как стала Темной Леди или же после, не выдержав соприкосновения с силой Холоса, но то, что это была не ее идея, наверняка. Графиня была женщиной тихой, послушной и абсолютно зависимой от мужа. Как и предполагал Маркус, сыновья ничего не знали о планах отца и его связях с Посланцами Тьмы, которыми он руководил через жену, а когда она была не нужна, отправлял в монастырь Милосердной целительницы, где ничего не подозревающие жрицы легко держали под контролем безумную магичку.

Впрочем, младший Тальсар все-таки кое-что знал, ведь именно он несколько лет назад нашел и показал отцу старый рассыпающийся фолиант, где рассказывалось о портале оставшемся от древних и артефакте, который способен был открывать в других мирах

порталы на Оотолор. И граф бредил другими мирами, мечтая найти такой, где сможет стать полновластным хозяином. Странная, по детски наивная мечта, совсем не подходящая такому человеку, как граф де Тальсар. Сколько бед из-за нее случилось.

— Прощай, — Маркус утер одинокую слезинку с щеки Астор и вскочил в седло.

— Прощай.

Он не оборачивался, чувствуя ее долгий взгляд в спину, а затем поднял голову к ясному голубому небу и улыбнулся. Свобода, вот чего ему не хватало и единственное, что он по-настоящему любил.

Конец.

Февраль 2000 г. декабрь 2009 г.